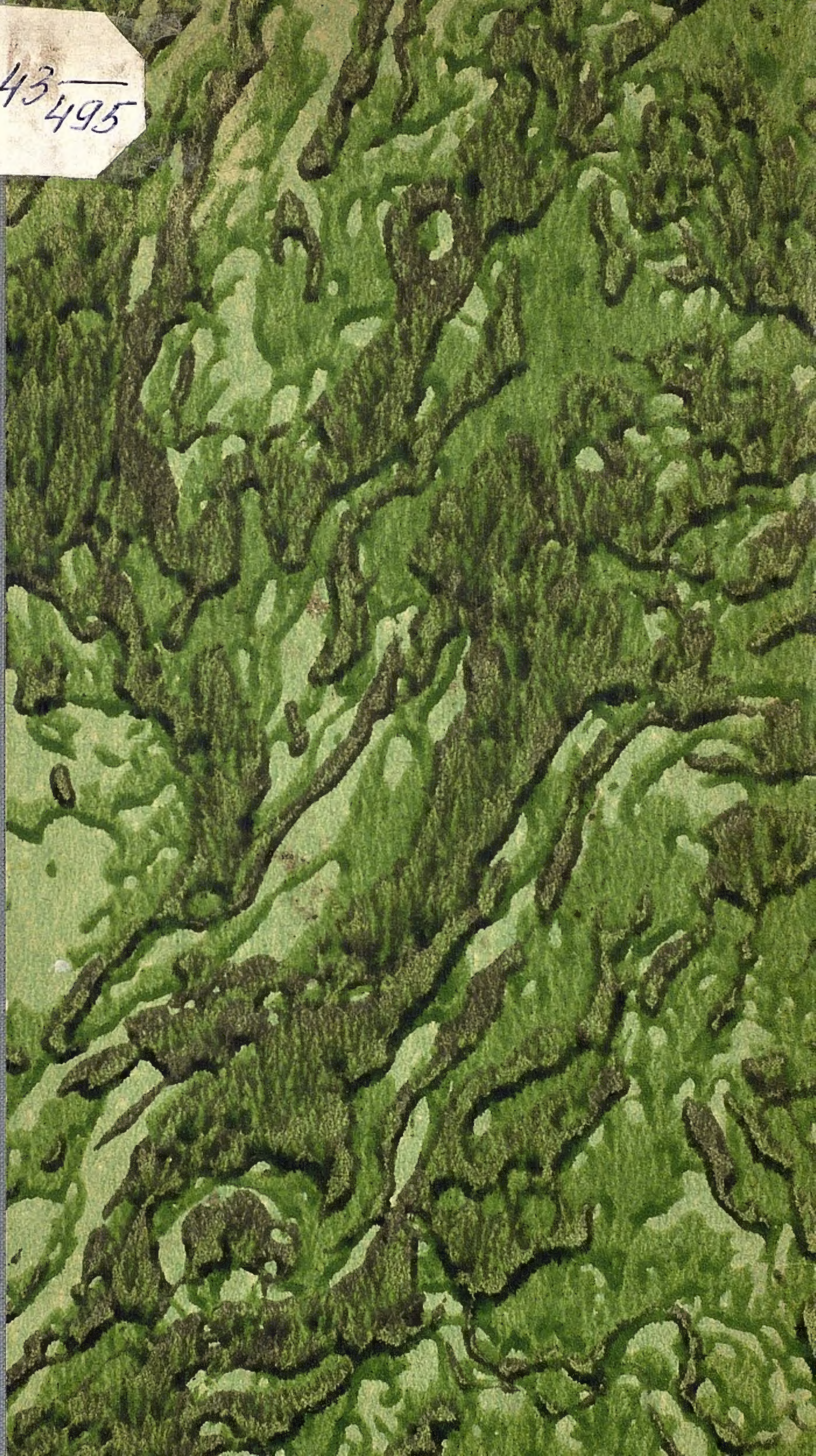

E43 — 495

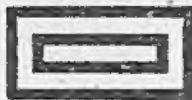
Е43 495

1-й экз. сс. фонда

Г. ЗИНОВЬЕВ

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ—СТАБИЛИЗАЦИЯ

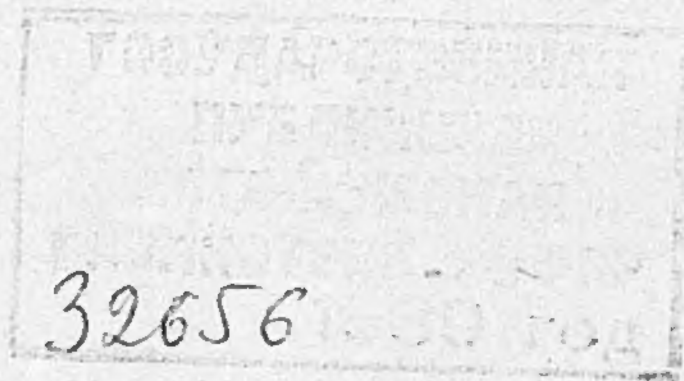
(СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ТЕЗИСЫ)

сф. 2450

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Гиз № 11194.
Ленинградский Гублит № 12059.
13 л. Отп. 30.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

Большевизация партий Коминтерна.

(Статья из журнала „Коммунистический Интернационал“ № 1, 1925 г.)

В ближайшем будущем состоится сессия расширенного Исполкома Коминтерна. Со времени V Всемирного Конгресса прошло всего полгода, но на повестке дня международного коммунистического движения накопилось уже много вопросов, требующих своего авторитетного разрешения. К числу наиболее важных вопросов, которые предстоит обсудить февральскому расширенному Исполкому Коминтерна, принадлежат, в первую очередь, вопросы о международном единстве профсоюзов, о выводах, вытекающих из быстрой смены «демократическо-пацифистской» полосы новой полосой всемирной реакции, о дискуссии в РКП и т. д. Но, пожалуй, самым важным явится вопрос о большевизации партий Коминтерна.

В первую полосу существования Коминтерна, совпавшую с окончанием империалистской войны и бурным подъемом революционной стихии в ряде стран, все мы, и тогда прекрасно отдававшие себе отчет в том, какое значение имеет роль партии в революции, тем не менее, допускали возможность быстрой победы над капитализмом, несмотря на то, что коммунистические партии не успели еще к тому времени создаться в важнейших государствах. Это был период, который можно было бы назвать Sturm-und Drang-Period'ом Коммунистического Интернационала. Ненависть к империалистической бойне, охватившая широчайшие массы рабочих, при отчаянном экономическом истощении воюющих стран прорывалась в бурном, стихийном движении с такой силой, что, казалось, вот-вот море выйдет из берегов и затопит очаги капитализма.

Второй период в работе Коминтерна, это — приблизительно 1921 — 1924 г.г. Стало ясно, что победа дается не так легко, что ряд лет нужно отдать прежде всего на построение коммунистических партий. Эта работа более или менее успешно выполнялась между III и V Всемирными Конгрессами Коминтерна.

Теперь открывается третий период. Его начало будут считать от V Всемирного Конгреса [1]). Коммунистические партии

---

[1]) V Всемирный Конгресс состоялся в Москве в 1924 г. (с 17 июня по 8 июля.) *Прим. ред.*

вчерне построены. Теперь дело идет о том, чтобы большевизировать эти партии. V Всемирный Конгресс Коминтерна провозгласил и этот лозунг. Февральская сессия расширенного Исполкома должна его конкретизировать, должна облечь его плотью и кровью.

Большевизация партий. Этот лозунг становится теперь пугалом для всей мировой буржуазии. Это почти-что современный «призрак», который «бродит» по Европе. Мировая буржуазия, подталкиваемая лакеями из II Интернационала, несомненно, готовит исключительное законодательство против большевизируемых партий Коминтерна. Мировой империализм хочет подготовить исключительный закон против коммунистов и объявить «священную войну» против большевизации — примерно, такого же типа, как в эпоху I Интернационала, только, разумеется, с еще большими жестокостями и скорпионами.

Поздно, господа.

Если вам и удастся ту или другую коммунистическую партию загнать в подполье, временно ослабить репрессиями, то это не только не остановит большевизации данной партии, а в некоторых случаях даже ускорит ее. Неужели вы до сих пор не понимаете, что пройти через тюрьмы, через исключительные законы, через нелегальный период некоторым из наших партий прямо необходимо, чтобы стать окончательно большевистскими?

Пройти через полосу бешеных гонений, пережить нелегальный период, — да это же зачастую является прямо составной частью процесса большевизации партии.

Быстрый переход европейской буржуазии от «демократически-пацифистской эры» к полосе свирепой буржуазной реакции есть одна из предпосылок к подлинному революционизированию широких рабочих масс, а стало-быть, и рабочих партий. Буржуазия делает все возможное для того, чтобы демонстрировать перед широчайшими народными массами невозможность мирного пути, утопичность миролюбивых планов «левого» крыла социал-демократии, и буржуазия тем толкает рабочие массы к большевизму. Словом, буржуазия, со своей стороны, трудится в поте лица своего, чтобы создать необходимые «предпосылки» к большевизации молодых партий Коминтерна. Нам остается, со своей стороны, позаботиться только о том, чтобы предметные уроки, даваемые рабочему классу мировым империализмом, пошли впрок.

Что же такое большевизация наших партий?

Прежде всего несколько слов о том, чем не является большевизация?

Большевизировать партию ни в коем случае *не означает* стать на путь создания небольшой организации «чистых» большевиков, организации «избранных» и т. д. Большевик есть прежде всего массовик, т.-е. прежде всего противник сект.

Большевизация не есть вульгаризация. Большевик, прежде всего, подлинный марксист, т.-е. убежденный сторонник учения Маркса и Ленина. Стремясь стать вождем самых широких народных масс, большевик в то же время стремится остаться на уровне марксистской науки, подлинного проникновения в алгебру пролетарской революции.

Большевизация не есть механическое перенесение опыта русского большевизма в обстановку других стран. Большевик прежде всего старается разобраться в конкретной обстановке. Большевик применяет учение Маркса и Ленина не «вообще», а к данным условиям пространства и времени, социальной среды, экономики и политики.

Большевизация партий Коминтерна есть использование опыта большевистской партии в трех русских революциях (как и опыта других лучших секций Коминтерна), применительно к конкретной обстановке каждой данной страны.

Есть ряд задач, которые совершенно общи всем партиям Коминтерна. Таковы, например:

1. Верный подход коммунистического авангарда к беспартийной рабочей массе. В Европе это значит, прежде всего, правильное разрешение вопроса об отношении к профсоюзам, т.-е. тактика длительной работы коммунистов внутри профсоюзов.

2. Верный подход к крестьянству. Есть три слоя в земледельческом населении всего мира, которые могут и должны быть завоеваны нами и стать союзниками пролетариата. Есть другой слой крестьянства, который должен быть, по крайней мере, нейтрализован нами (см. резолюцию тов. Ленина по крестьянскому вопросу, принятому II Всемирным Конгрессом Коминтерна; это один из важнейших документов большевизации партий).

3. Правильное разрешение национального и колониального вопросов. Эта проблема теснейшим образом связана с правильным разрешением крестьянского вопроса, ибо народы, населяющие колонии и полуколонии, в громадном большинстве крестьяне.

Большевистская, т.-е. непреклонная воля к победе и подчинение всех тактических деталей этой основной цели. Отсюда допустимость «компромиссов» в том смысле, как этому учил нас тов. Ленин в «Болезни левизны».

Но разрешать все эти задачи в каждой стране приходится по-своему. Тот не большевик, кто ограничивается простым механическим повторением того, что он узнал из истории русского большевизма. Большевик лишь тот, кто понимает, что альфа и омега большевизации заключается прежде всего в том, чтобы

суметь ленинизм применить к конкретным особенностям каждой данной страны.

В настоящий момент существует опасность, что некоторые организационные принципы большевизма будут приняты за весь большевизм. Построение партий по принципу фабрично-заводских ячеек является, несомненно, одной из важнейших задач дня для молодых партий Коминтерна. Партии, построенные по старому социал-демократическому образцу (не производственные, а территориально-избирательные ячейки), не могут стать серьезными большевистскими партиями. Все это так. Но все же этот — хотя и важнейший — организационный принцип большевизма не есть еще весь большевизм. Это есть только частица большевизации. На завтра, после того, как нам удалось перестроить данную партию на основе производственных ячеек, перед нами встает самый важный вопрос: а как же наполнить жизнью эту производственную ячейку? Какую политику вести партии для того, чтобы быть подлинно большевистской партией?

Большевизировать партию — это значит в данный момент суметь в каждой данной стране сосредоточить внимание на тех конкретных центральных задачах, которые дают возможность данной партии: 1) стать массовой партией, 2) стать партией воинствующего ленинизма.

В Англии, например, это значит теперь [1]) выдвинуть на первый план вопросы: 1) о профсоюзах и 2) колониальный вопрос. Здесь центральная задача дня заключается в том, чтобы массе членов профсоюзов по-марксистски, по-ленински объяснить связь экономики с политикой. Ибо многие, не только рядовые члены английских профсоюзов, но и некоторые из добросовестно-заблуждающихся «левых» и полулевых вождей английских профсоюзов, искренно убеждены в том, что рабочая партия вместе с Макдональдами и Гендерсонами является только слугой, приказчиком профсоюзов Этим деятелям профессионального движения пока еще и невдомек, что на самом деле соотношение прямо обратное.

Верхушка английских рабочих проникнута своеобразным «рабочим» империализмом. Английская партия не может стать большевистской партией, не поставив в центре своей работы колониальный вопрос — рядом с вопросом о профсоюзах и вопросом о правильном подходе к рабочей партии.

Во Франции большевизация партии в настоящий момент сводится прежде всего к созданию традиции массовой революционной рабочей партии в этой стране. Этой традиции во Франции не было. Компартия уперлась сейчас целиком в эту задачу. Больше членов партии. Недопустимо положение, когда почти весь парижский пролетариат

[1]) В начале 1925 г. *(Прим. ред.)*

симпатизирует французской компартии, а в нашу парижскую организацию входит только несколько тысяч рабочих.

Борьба против фашизма, рождающегося под протекторатом «левого блока».

Не потерять головы, не растеряться, когда начался быстрый рост партии. Не попасть в такое положение, когда события перерастают через голову партии.

Правильно разрешить вопрос о взаимоотношениях с Унитарной Конфедерацией Труда, уничтоживши в зародыше все шероховатости, которые еще наблюдаются в этой области. Добиться, во что бы то ни стало, подлинной солидарности с революционными профсоюзами.

Двинуться на завоевание рабочих центров в провинции.

Дать надлежащий размах работе в крестьянстве и в колониях.

Под углом зрения всех этих *задач* работать над реорганизацией партии на принципе фабрично-заводской ячейки.

В Германии большевизация партии в данную стадию сводится прежде всего к правильному разрешению вопроса о профсоюзах. Германская компартия в истекшем году показала нам образец того, как партия, искренно желающая быть большевистской, все же способна делать ошибки небольшевистского типа. Таковой была ошибка германской компартии в вопросе о профсоюзах — до Франкфуртского партейтага. Эту ошибку надо исправить не только в теории, не только в резолюциях, в газетах и плакатах, но в повседневной работе партии, во всей ее практической политике.

Справедливо борясь против брандлеровского оппортунизма, чуть было не погубившего германскую партию, германская компартия вместе с тем должна бороться против «левой» абстракции, отрывающей партию от рабочей массы. Она не должна недооценивать того факта, что все же на последних выборах мы потеряли около миллиона голосов, а главное, что около полутора миллионов голосов выиграла германская социал-демократия. Надо суметь теперь вести агитацию по-новому — вести так, чтобы она «зацепляла» за повседневность, за текущие злобы дня, за нынешний быт германского рабочего. Больше и больше всего германским товарищам необходимо в настоящий момент бороться против тенденции создать себе «келью под елью», сделать из нужды добродетель и удовольствоваться маленькой организацией «чистых» большевиков вместо того, чтобы неустанно работать над тем, чтобы во что бы то ни стало вырвать массы из-под влияния социал-демократии и привести их в наши ряды.

В СССР большевизация в настоящий момент сводится к идейной борьбе против троцкизма, к ликвидации троцкизма, как «законного оттенка» в РКП.

В Польше большевизация сводится теперь к усвоению ленинских взглядов на крестьянский и национальный вопросы. Польским товарищам приходится в известной степени вернуться на 20 лет назад, — ибо они разошлись тогда с тов. Лениным как раз в этих вопросах. А опыт мирового революционного движения доказал в этих вопросах полную правоту ленинизма против «люксембургианства». (В скобках сказать, преодоление ошибочных сторон «люксембургианства» и в теоретической, и в практической областях вообще является необходимой составной частью большевизации.)

И т. д., и т. п.

Мы выхватили только несколько примеров. Мы хорошо знаем, что сделанные указания не полны. Это только иллюстрации той мысли, что большевизация означает прежде всего конкретизацию, дифференциацию. Большевизировать не значит стричь под одну гребенку. Большевизировать не значит красить все в один цвет. Напротив, большевизировать значит прежде всего знать конкретно социальный переплет в той стране, где данной партии приходится действовать непосредственно. Большевизировать — это значит знать, как свои пять пальцев, всю экономику своей страны, все политические особенности, нюансы политической и экономической жизни данной страны. Большевизировать это значит применять учение Ленина в своей стране к данной конкретной обстановке.

Вожди белогвардейской русской буржуазии, побежденной нами в нашей революции, имеют то преимущество перед вождями иностранной буржуазии, еще не побежденной рабочим классом, что они учли некоторые «уроки Октября». Вот почему вожди побежденной русской буржуазии иногда недурно отдают себе отчет и в том, что такое большевизация. Один пример. Небезызвестный вождь контр-революционной русской буржуазии, П. Милюков, в издаваемой им в Париже газете «Последние Новости» пишет в передовице под заглавием «Большевизация» следующие слова:

«23 ноября состоялось перенесение праха Жореса в Пантеон. Этот день французские коммунисты избрали для того, чтобы произвести смотр своим силам. В столице, пославшей в Палату чуть не всю коммунистическую фракцию этой Палаты, конечно, нетрудно было вывести на улицу сотню тысяч сторонников коммунизма. Наглядное сопоставление этой многочисленной толпы с ее знаменами, коммунистическими лозунгами, не уступавшими московским, и с не менее выразительными песнями и выкриками — и сравнительно жидких кучек официальных участников торжества и их последователей, более дисциплинированных и менее шумных, не могло не дать впечатления полной победы подражателей большевистских приемов. «Париж отнял Жореса у буржуазии и у социал-предателей и вернул его пролетариату»: таков комму-

нистический комментарий, для которого, конечно, и была затеяна вся эта уличная демонстрация».

Выход сотни тысяч (а сведущие люди говорят, что была не одна сотня, а, по крайней мере, две сотни тысяч) парижских рабочих на улицу с лозунгами, «не уступавшими московским», Милюков справедливо расценивает как «большевизацию».

Да, большевизировать партию, это, прежде всего, значит вести за знаменами нашей партии рабочую *массу*, ее авангард, ее цвет, *сотни тысяч* рабочих в европейских столицах. Остальное приложится.

Коминтерн за работой.

К открытию сессии расширенного ИККИ.

(Статья в газете „Правда“ от 22 марта 1925 г.)

Шесть лет работы лежат позади нас. Как сильно изменилась обстановка! Советская Республика, главная твердыня Коминтерна, в 1919 г., при образовании Коммунистического Интернационала, представляла собой совсем еще слабое пролетарское государство, плохо защищенное, открытое для неистовых ударов врага со всех сторон. Союз ССР представляет собою теперь твердыню гораздо более прочную, хотя все еще и окруженную притихшими врагами. В то же время капиталистический мир, которому Коминтерн при самом своем рождении объявил войну не на живот, а на смерть, также окреп за эти годы. Первая всемирно-империалистическая война, первая большевистская революция, сопровождавшаяся рядом буржуазных полу-революций, надломили капитализм, но не нанесли ему еще смертельного удара.

Трудна и сложна обстановка, в которой приходится ныне вести работу Коминтерну. В ряде стран секции Коминтерна переживают положение, похожее на то, какое переживала наша партия между двумя революциями, т.-е. между 1905 и 1917 г.г.: упадок революционной волны, затишье, маловерие, перебежчики на сторону врага — кто из более старых революционеров не помнит этих тяжелых времен, пережитых нашей собственной партией между 1905 и 1917 г.г.? С этими неприглядными явлениями — нельзя закрывать на это глаза — нам придется в нынешнюю полосу еще не раз встречаться то в той, то в другой партии Коминтерна. И все-таки только слепой не видит тех громадных успехов, которые сделал Коммунистический Интернационал, несмотря на все невзгоды.

Уходят в стан врагов господа Леви, а остается в лоне Коминтерна могучая германская коммунистическая партия, которую не доняли ни ветры буйные, ни осень черная, которая растет поистине под перекрестным огнем неприятеля, закаляется, постепенно становится настоящей большевистской партией. Уходят в стан врагов Фроссары, а остается в Коминтерне все крепнущая фран-

цузская коммунистическая партия, постепенно выкидывающая из своего обихода весь реформистско-идейный балласт, впитывающая в себя все, что есть здорового в французском пролетариате, и создающая впервые во Франции новую традицию массовой большевистской партии. Уходят в стан врагов Ньюболды и Прейсы, а молодой английский коммунизм начинает расти, на наших глазах превращаясь в серьезную политическую силу.

Труднейшие проблемы английского рабочего движения, над которыми в свое время годами бились такие умы, как Фридрих Энгельс, проблемы, которые так сильно занимали покойного В. И. Ленина, начинают теперь разрешаться. Указания В. И. Ленина дали Коминтерну ключ к английскому рабочему движению. Английский коммунизм выходит на широкую дорогу. Недалеко время, когда всем будет ясно, что уже один этот факт придает громадную силу Коммунистическому Интернационалу.

Уходят в стан врагов Хеглунды, помогавшие когда-то строить Коминтерн, уходят, разуверившись в победе рабочего дела, уходят даже такие люди, как Ролланд-Хольст. Вчерашние газеты сообщили о вступлении этой некогда видной марксистской писательницы в какое-то религиозное общество, совместно с голландским оппортунистом Трульстрой. И что же? Разве смутится этими уходами хоть один серьезный большевик? Мы знаем: это уходят одиночки, недостаточно связанные с рабочей массой, теряющие головы, когда движение испытывает заминку, охотники до легких и быстрых побед, колеблющиеся «рыцари на час». А дело коммунизма тем не менее растет и растет, проникая все глубже и глубже в массы, а партии Коминтерна все больше и больше закаляются, все больше и больше орабочиваются, все прочней становятся на почву ленинизма.

Именно теперь, при сравнительно медленном развитии революции, в период ее затяжки, познаются настоящие коммунисты, настоящие вожди движения.

Именно теперь ветром мировой реакции отсеивается мелкобуржуазная труха. Именно теперь выковываются те фаланги, которым предстоит решающая роль в жизни коммунистических партий.

Мировая буржуазия дарила достаточным вниманием Коминтерн в течение всех 6 лет его существования. Коминтерн никогда не мог жаловаться на недостаточные «заботы» о нем со стороны мировой буржуазии. Но такой напряженной систематической настойчивой борьбы против Коминтерна, какую мировая буржуазия ведет за последнее время, не было еще никогда. Такой клокочущей ненависти не было еще до сих пор. Могущественнейшая партия английской буржуазии (мы говорим об английских консерваторах) открыто стала во главе этой борьбы. Делаются настоятельнейшие попытки выработки международного исключительного законодательства против коммунистов. Организуется настоящая

«священная война» против Коминтерна. В «большом» всеевропейском стиле, даже «в мировом масштабе» организуются подделки документов Коминтерна, чтобы напугать всемирного обывателя. Мучат, убивают, приговаривают к долголетней каторге коммунистов в Италии, Румынии, Польше, Болгарии, Германии, Америке, Японии, Индии и ряде других стран. Всеми средствами пытаются проникнуть в ряды компартии, посадить своих агентов — провокаторов в коммунистические организации. Физически истребляют комсомольцев. Поддерживают любую социал-демократическую пакость, направленную против коммунистов, угрожают огнем и мечом. Не останавливаются перед тем, чтобы удушливыми газами убивать арестованных рабочих-коммунистов.

Но нет уже теперь той силы в мире, которая могла бы погубить Коминтерн. Из всех испытаний он будет выходить только более окрепшим. В Западной Европе в настоящий момент нет непосредственно революционной ситуации. Такой ситуации нет сейчас и в Германии. Это не 1923 г., а 1925 г. Не боясь посмотреть в лицо правде, Коминтерн говорит об этом ясно и недвусмысленно, а обстановка во всем мире все же остается объективно революционной. А восточная проблема, которой суждено сыграть величайшую роль в деле освобождения человечества из-под ига империализма, созревает на наших глазах с гораздо большей быстротой, чем этого можно было ожидать.

Трезво учитывая всю обстановку, не боясь высказать то, что есть, взвешивая каждый шаг каждой из своих партий, Коминтерн твердо и неуклонно работает над подготовкой революции при всех и всяческих условиях. За истекшее со времени 5-го конгресса короткое время Коминтерн в ряде стран достиг первых серьезных успехов в области работы среди крестьян и постановки работы в колониях. Эти первые успехи имеют громадное значение. Выросшие большей частью из недр социал-демократических партий, наши коммунистические секции в течение долгого времени не умели вплотную подойти к крестьянской и колониальной работе, не понимали того, какие громадные решающие резервы для пролетарской революции таятся именно в колониях, именно среди крестьянства.

Самый популярный сейчас во всем мировом рабочем движении лозунг—единство международного профдвижения—является нашим лозунгом, лозунгом коммунистов. Инициатива в этом великом деле всецело находится в руках сторонников ленинизма. Теперь уже и слепому ясно, что именно этот лозунг лежит по линии развития мирового рабочего движения. То новое, значительное, великое, что мы видим теперь в рабочем движении в Англии, теснейшим образом связано с этим лозунгом.

Большевизация партий Коминтерна — этот лозунг выдвинут V конгрессом. Чтобы провести в жизнь этот лозунг, требуется, разумеется, немалое время. Истекшие со времени V конгресса

полгода прошли не даром. С большим или меньшим успехом, с большей или меньшей настойчивостью над делом большевизации работают теперь почти все партии, входящие в Коммунистический Интернационал. Большевизация умов, большевизация рядов — вот главная задача дня. Чемберлэны и Барматы, Эберты и Макдональды, Гендерсоны и Брантинги всей своей политикой, всей своей работой также немало заботятся о том, чтобы лучшая часть рабочих поняла правильность большевизации.

Ряд сложных и трудных проблем ждет своего разрешения на расширенном заседании Исполкома Коминтерна, который на деле явится международным конгрессом сокращенного состава. Все эти вопросы глубоко жизненны и связаны с самыми актуальными проблемами борьбы широких рабочих масс. В такую эпоху, как нами переживаемая, неминуемы уклоны вправо к меньшевизму, как и ультра-«левые» уклоны, т.-е. те уклоны, которые тов. Ленин называл «меньшевизмом наизнанку».

Верный заветам тов. Ленина, Коммунистический Интернационал не потеряет компаса и сумеет уберечь движение от каких бы то ни было идеологических извращений.

Учиться и учиться. Об этом более всего говорил тов. Ленин в его последней речи перед Коммунистическим Интернационалом. Учиться ленинизму, учиться не только из книжек, но и из живой многообразной практики международного рабочего движения — в этом главная задача всех сознательных участников международного коммунистического движения. Добросовестно вникать во все конкретные особенности движения в каждой стране, уметь дифеfренцировать, уметь осторожнейшим образом взвесить каждый спорный вопрос, а затем твердо и единодушно принять решение и, во что бы то ни стало, провести его в жизнь.

Тов. Ленин учил нас особенно бережному и осторожному отношению к спорным вопросам международного рабочего движения. Это особенно относится к нынешней пестрой и сложной обстановке.

Пусть уходят одиночки-маловеры. Поднимающиеся на борьбу новые фаланги пролетариев неизбежно придут под знамя Коминтерна.

За работу под знаменем ленинизма!

Поведем работу в духе Ленина.

(Речь на открытии расширенного пленума ИККИ 22 марта 1925 г.)

Товарищи, объявляю сессию расширенного пленума ИККИ открытой.

Раньше, чем приступить к работе, позвольте мне сказать несколько слов вводного характера.

Прежде всего я должен с большой скорбью сообщить о том, что вчера мы понесли утрату в лице одного из виднейших товарищей, тов. Нариманова, председателя ЦИК СССР. Свыше 25 лет он был органически связан с самой гущей пролетариата и вел изо дня в день активную борьбу как литератор, организатор, партийный вождь, а последнее время и как председатель ЦИК СССР. Он принимал видное участие в бакинском съезде 1920 года, знаменитом съезде народов Востока, имевшем громадное значение в развитии революционного и национально-освободительного движения на Востоке. Тов. Нариманов был одним из виднейших вождей среди тех, кто поднялся на уровень ленинизма в обстановке Востока, где о значительном развитии рабочего движения еще не приходится говорить.

Товарищи, говоря о тов. Нариманове, невольно сопоставляешь его с Сун-Ят-Сеном. Последний не был коммунистом. Но как честный союзник революционного пролетариата, Сун-Ят-Сен, не поднявшись, правда, на уровень марксистского мировоззрения, тем не менее понял и осознал историческую роль движения угнетенных народов, являющегося составной частью пролетарской революции. Такие фигуры, как Нариманов и Сун-Ят-Сен, до некоторой степени характерны в эпоху пролетарской революции: они нам показывают, как в массовых резервах мирового пролетариата, — среди народов Востока, — уже возникают то ленинисты и марксисты, то выдающиеся народные вожди, непосредственно помогающие скреплению союза между угнетенными народами и пролетарской революцией.

За истекший период, начиная с V конгресса, мы не можем вписать в приход крупных успехов, но должны отметить несколько значительных эпизодов классовой борьбы и гражданской войны. Несмотря на созданную положением объективную трудность

работы, несмотря на то, что в некоторых странах в настоящее время отсутствует непосредственно революционная ситуация, подобная той, которая была, например, налицо в Германии в 1923 году, в ряде стран повеяло свежей струей. Это сказалось и на поведении наших товарищей на судебных процессах и в тюрьмах. Полагаю, каждый из нас с величайшим удовлетворением отметит, что поведение, скажем, тов. Урбанса и др. на гамбургском процессе может служить образцом для любого революционера. Тысячи простых, рядовых рабочих ведут себя на судебном процессе в Германии геройски. То же можно сказать и о Польше, где вчера тов. Ланцуцкий предстал перед буржуазным судом, а в тюрьмах томятся сотни и тысячи рабочих. Буржуазия и социал-демократия прибегают в Польше к уничтожению рабочих удушливыми газами. И, несмотря на это, множество наших товарищей непреклонно продолжают исполнять свой революционный долг. Вам не безызвестны крупные жертвы, понесенные за последнее время нашей братской партией в Болгарии, где происходит физическое истребление целого слоя пролетарских вождей. В Румынии мы видим чуть не до смерти замученных товарищей, выдерживающих, подобно тов. Паукеру, Доброджану и другим, 30-дневную голодовку. Вам знакомы события в Эстонии, по поводу которых, надеюсь, расширенному пленуму будет сделан подробный доклад. Вы знаете, как геройски сражалась там количественно незначительная группа за дело Коминтерна.

В Германии мы можем отметить начало нового стачечного движения. В скандинавских странах мы наблюдаем ряд классовых боевых выступлений, порою широкого размаха, как, например, стачка металлистов. Буржуазия ведет наступление, пролетариат занят обороной.

Важно также отметить организацию нашими партиями за последние месяцы и недели целого ряда политических демонстраций крупнейшего масштаба, хотя бы как жоресовская демонстрация в Париже. Правда, она не была началом революции, как это воображали некоторые из наших товарищей, и в еще большей мере наши враги, но все же ею было положено превосходное начало к завоеванию улицы французской коммунистической партией. Крупнейшее значение должны мы также придавать демонстрациям, недавно организованным нашей чехо-словацкой братской партией в Праге, Кладно и т. д. Эти демонстрации свидетельствуют о наличии в широких массах чехо-словацкого пролетариата воли к борьбе. Мы надеемся, что превосходный и сильный чехо-словацкий пролетариат скоро начнет борьбу под знаменем нашей партии. А массовые ленинские демонстрации во всем мире! А крупные политические демонстрации в Берлине — последняя произошла не дальше, как вчера — в связи с убийствами, совершенными социал-демократией и буржуазией в Галле! Эти уличные демонстрации имеют крупное симптоматическое значение.

Они говорят первым делом о борьбе коммунистических партий за улицу, за активное вовлечение пролетарских масс в экономическую и политическую борьбу.

Вам знаком уже, товарищи, порядок дня нашего пленума. Эта сессия должна быть посвящена строго деловому обсуждению наиболее жгучих для Коминтерна вопросов.

Большевизация партий, единство профдвижения, крестьянский вопрос, дискуссия в РКП, — вот четыре главных вопроса, которые нам предстоит обсудить.

Затем идет целый ряд вопросов, формально как будто касающихся лишь отдельных секций, но на самом деле — всего Коминтерна. Таков, например, чехо-словацкий вопрос. Вам известно о ликованиях всей мировой буржуазии и II Интернационала по поводу «предстоящего раскола» в рядах нашей братской чехо-словацкой партии. Слишком рано наши враги стали потирать себе руки. Хотя трудности в этом вопросе и несомненны, но все же мы твердо убеждены, что до раскола в братской чехо-словацкой партии дело не дойдет. Ни в чешской партии, ни в Интернационале не найти ни единой группы и ни единого вождя, который бы сомневался в твердой воле к единству тысяч и сотен тысяч чешских рабочих и в их искренней преданности Коммунистическому Интернационалу. (Аплодисменты.) Нет той силы, которая смогла бы эту волю сломить. От имени президиума я могу заранее сказать вам, товарищи, что самый трудный из вопросов — вопрос чехо-словацкий — все же будет разрешен с безусловным соблюдением единства. (Аплодисменты.)

На этой сессии расширенного пленума нам придется исследовать ряд новых явлений в мировой политике, и мы будем их анализировать в духе Ленина, без всяких иллюзий, не приукрашивая положения по сравнению с действительностью. Мы спокойно будем смотреть в глаза истине, беря мировое политическое и экономическое положение таким, как оно есть. Иллюзии нам не нужны: мы остаемся революционерами и большевиками при всех обстоятельствах, и чем труднее положение, тем тверже, сильнее и единодушнее мы будем итти путем подлинной большевизации. Считаю излишним добавлять, что вся наша работа, как и раньше, будет вестись в строго ленинском духе.

Да здравствует Коммунистический Интернационал! (Бурные аплодисменты.)

Международные перспективы и большевизация компартий [1]).

I. Основные задачи нашей тактики.

Тактические проблемы наших дней сводятся к вопросу о сроках и путях мировой революции.

— Товарищи, мы знаем, что от марксизма, особенно от ленинизма, являющегося марксизмом наших дней, мы получили теорию мировой революции; она достаточно разработана и может служить руководящей нитью для всей работы Коммунистического Интернационала. Но есть две проблемы, разрешение которых не заключено в самой теории, так как разрешение этих проблем по самой сути дела возможно только на основе исторического опыта.

Дело идет о проблемах, являющихся в данное время центральным пунктом работы Коминтерна. Это, во-первых, вопрос о темпе пролетарской революции, о быстроте ее развития, вообще — об ее сроках. Это, во-вторых, вопрос о маршруте, о политической географии ее.

Мне кажется, товарищи, что к этим двум решающим вопросам могут быть сведены тактические проблемы недавнего времени, сегодняшнего дня и, вероятно, ближайшего будущего.

Что касается темпа, сроков развития пролетарской революции, то опыт не только Коминтерна, но и I Интернационала, и всей работы таких людей, как Маркс и Ленин, показывает нам, как трудно было обойтись в этой области без ошибок. На основании уже имеющегося у нас самих опыта мы убедились, с какой осторожностью следует относиться к вопросу о сроках мировой революции, как часто и легко, в силу понятной нетерпеливости революционера, можно ошибиться, определяя слишком поспешно сроки событий. Недаром именно в этой области ошибался не только Ленин, но и Маркс.

---

[1]) Доклад на расширенном пленуме ИККИ 25 марта 1925 г. Перевод с немецкой стенограммы.

*

А теперь — вопрос о маршруте мировой пролетарской революции. Я думаю, что в этой области мы лишь теперь впервые познаем особенные трудности этой проблемы. Возьмем хотя бы социалистическую революцию в России: ведь, это было большой «неожиданностью» для многих марксистов, что именно в России совершилась социалистическая революция. Очень мало было людей, веривших в такую возможность, даже из числа сторонников левого крыла международного рабочего движения. После победы русской революции все мы сошлись на мысли, что следующая очередь будет за Германией, куда перенесется революция из России, чтобы затем уже обойти всю Европу. Только теперь, т.-е. через 10 лет после начала империалистической войны, спустя 6 лет после ее окончания и по прошествии почти 8 лет после революционного взрыва в России, после всех боев, наблюдавшихся нами за эти годы в Европе, — только теперь настойчиво выдвигается вопрос, правилен ли был этот взгляд на дальнейший маршрут пролетарской революции, как на единственно возможный путь, на единственно возможное географическое распространение мировой революции. Должна ли революция переброситься в Европу обязательно через Германию? Не могут ли здесь еще произойти у нас ошибки в оценке маршрута? Мне думается, товарищи, что нам нельзя в этом вопросе слишком цепляться за прежние воззрения, чтобы не повторить в большом масштабе того, что в малом размере совершил Брандлер, который желал начать германскую революцию во что бы то ни стало с Саксонии. Может случиться, что дальнейший маршрут будет лежать не непременно через Германию в первую очередь. Следует продумать и другие возможности.

Ленин о связи российской революции с международной.

На III Конгрессе Коминтерна тов. Ленин высказал такой взгляд на международное положение и на связь российской революции с международною:

> «Когда мы (т.-е. русские. *Г. З.)* начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции и что наш опыт послужит на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали:

сейчас же или по крайней мере очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или в противном случае мы должны погибнуть.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали... Для нашей Российской Республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории». (Собр. соч. Ленина, том XVIII ч. I., стр. 320—322.)

Стало-быть, во-первых, еще в 1921 г. Ленин говорил о том, что в Европе устанавливается известное равновесие и что исторический процесс идет зигзагами, а не по той прямой линии, в которую мы сначала все верили по наивности или скорее всего из-за недостатка исторического опыта, а во-вторых, «передышка» оказывается более длительной, чем можно было ожидать.

Итак, товарищи, нам нужно постоянно иметь в виду: вопросы о сроках и маршруте революции оказываются гораздо сложнее, чем все мы себе это раньше представляли. Марксизм, ленинизм дают нам бесконечно много, но и они не могут заменить того, что достигается только историческим опытом самой революции.

Линия V конгресса оправдала себя.

Со времени V конгресса прошло всего только 9 месяцев. За такой небольшой промежуток времени общее положение вещей не изменилось коренным образом. Однако, многое представляется нам более ясным, чем прежде, и поэтому задача расширенного пленума ИККИ заключается, по моему мнению, как раз в том, чтобы обобщить уроки событий, ставших нам более понятными.

В первую голову нам необходимо, хотя бы в общих чертах, вновь обозреть современное состояние мировой политики и экономики. Мы должны это сделать для того, чтобы проверить правильность постановлений V конгресса и решить: если линия конгресса была верной, мы будем ее продолжать; если же она оказалась ошибочной, мы должны были бы выправить ее или даже полностью пересмотреть. Скажу определенно, что намеченный V конгрессом курс, по-моему, оправдал себя самым блестящим образом.

Я хотел бы только напомнить здесь несколько существеннейших моментов из решений V Конгресса: ход и исход «эры» демократического пацифизма, как это теперь ясно каждому, подтвердил все то, что сказал V конгресс; затем — оценка социал-демократии, как «третьей» партии буржуазии; далее — вопрос о международном единстве профессиональных союзов, крестьянский вопрос, оценка фашизма и т. д. Разве оценки V конгресса не подтверждены опытом?

События, разыгравшиеся во всех этих областях после V конгресса, блистательно подтвердили точку зрения Коминтерна. Те

из наших «критиков», у которых хватило бы мужества быть добросовестными, должны были бы признать, что ошибались именно они, а никак не V конгресс.

II. Частичная стабилизация капиталистического хозяйства.

Нужна спокойная, большевистски-выдержанная, объективная оценка положения.

Теперь обратимся к мировому экономическому положению. За истекшие 8—9 месяцев оно существенно не изменилось. В рядах коммунистов и около них очень часто встречаются два типа воззрений: представителей одного течения можно назвать своего рода пророками каждоминутно «неминуемой» катастрофы, катаклизма; почти ежеминутно они находят новые признаки «немедленного» крушения капитализма, затем, видя свою ошибку, впадают в противоположную крайность и начинают толковать о неправильности всей линии поведения. Представители второго «течения» — это люди, фаталистически уверовавшие в совершившуюся, якобы, на 100 проц. стабилизацию капитализма; по их мнению, эта стабилизация продвигается вперед чуть ли не на курьерских, — настолько они ослеплены некоторыми внешними сторонами приятной для них стабилизации. Коммунистический Интернационал не нуждается ни в тех, ни в других крайностях. Неправы ни пророки близкой катастрофы, ни фаталисты капиталистической стабилизации. Истина на стороне V конгресса, линия которого осталась непоколебимой.

Да, правда, буржуазия получила передышку. Теперь мы видим, что передышка для буржуазии оказалась длительнее, чем мы это предполагали, хотя с точки зрения исторических перспектив два-три года или 5—10 лет — сущие пустяки. Верно, что экономическое положение буржуазии улучшилось в некоторых странах Европы и вне ее.

Во многих странах буржуазии удалось стабилизовать свою валюту. В Германии в настоящий момент в этой области не происходит того, свидетелями чему мы были в 1923 году — в период инфляции. И все же есть большие исключения из этого правила. Назовем хотя бы Францию, Италию, Румынию и Японию, где валютный вопрос и по сей день имеет жгучий характер. В других странах буржуазии удалось все же восстановить валютное равновесие. Это, конечно, имеет большое значение для капитализма.

И вот мы видим, как наши «фанатики стабилизации» тотчас же начинают твердить: глядите-ка, у буржуазии в руках опять твердые деньги, валюта стабилизована, следовательно, линия Коммунистического Интернационала была неправильной, следовательно, капитализм восстановлен более или менее навеки.

Подлинный же коммунист первым делом спрашивает, какими способами удалось буржуазии валюту стабилизовать, и за счет каких слоев населения это укрепление валюты произошло. Подлинный коммунист видит, что, скажем, в Германии и во Франции две трети налогового бремени свалены целиком на трудящихся, и что, следовательно, валюта стабилизована путем прямого выжимания пота из рабочего класса.

И все же марксист должен считаться с фактом стабилизации валют и проистекающим отсюда некоторым временным укреплением капиталистического строя.

На ряду со стабилизацией — несомненные признаки неустойчивости положения.

Мы видим и некоторое восстановление международного кредита. Достаточно упомянуть, что за последний год одна только Северная Америка открыла кредит Европе, Азии и Южной Америке в размере $1^{1}/_{4}$ миллиарда долларов. Наблюдается тенденция восстановления международного кредита, установления мировых цен и вообще восстановления так называемого единства мирового капиталистического хозяйства. Америка вышла из состояния финансовой самоизоляции. В отдельных странах наблюдается улучшение промышленной конъюнктуры. Все это — несомненные факты, и не Варга виною этому[1]). Европа уже несколько лет находится на положении войны. В некоторых странах капитализм частично оправился. Осенью 1924 г., как справедливо заметил Варга, впервые за много лет одновременно улучшилась конъюнктура в наикрупнейших государствах, как-то: в Англии, С. Штатах, Франции, Германии, в то время как в других странах — Польше, Венгрии и прочих — продолжается экономический кризис.

Но сколь неустойчива обстановка, видно из фактов, происшедших в самое последнее время, за последние недели, когда мы вновь становимся свидетелями частичного ухудшения положения буржуазии. В С. Штатах наблюдаются первые симптомы нового понижения конъюнктуры. В ряде отраслей промышленности наступает застой. Английская экономическая печать изобилует указаниями на значительную неустойчивость центрально-европейской стабилизации, которой пророчат недолгие дни. Во Франции впервые за последние 10 лет наблюдается сильная безработица. В прочих странах тоже заметен рост безработицы по сравнению с прошлым годом. Германия переживает тяжкий кризис угольной промышленности. Кризис в Польше, Австрии и Венгрии неизменно

---

[1]) Тов. Е. Варга занимался изучением экономического состояния капиталистических стран и в своих трудах описал наметившуюся кое-где временную стабилизацию капитализма.

продолжается. Коротко говоря, налицо ряд симптомов, свидетельствующих о том, что стабилизация испытывает ряд серьезных колебаний.

Положение рабочего класса при капиталистической «стабилизации».

Нас, как авангард рабочего класса, должен интересовать в первую голову вопрос о том, каково же экономическое положение рабочего класса в период этой «счастливой» стабилизации. Безработица растет. В Англии число безработных достигает почти 2 миллионов, столько же их в Америке, в Германии число безработных приближается к миллиону. Сильная безработица царит также в Италии, Чехо-Словакии, Польше и в других странах и, как я уже сказал, впервые за эти годы наблюдается во Франции. Падение реальной заработной платы стало неопровержимым фактом почти во всех европейских странах.

Мы знаем, что во всех почти странах война с ее последствиями вызвала вздорожание всех жизненных предметов. Эта дороговизна и бьет по рабочим, так как заработок пролетария не поспевает за ростом цен. В Англии прожиточный минимум в июле 1924 г. составлял 170 проц. довоенного, а в декабре того же года — 181 проц. Между тем, все официальные источники, не склонные в этих случаях преуменьшать, свидетельствуют о том, что заработок английского рабочего в эту же пору (июль — ноябрь 1924 года) снижался.

В период январь — июнь 1924 г. вся сумма выплаченной в Англии рабочим за неделю заработной платы составляла 560.900 фунтов стерлингов, в период же июль — ноябрь 1924 г. она снизилась до 518.350 фунтов. Таким образом, в карманах предпринимателей, кроме прежних прибылей, застревали еще 42.000 фунтов в неделю. А в этот период росли цены на все продукты.

Во Франции, в Париже, в июле 1924 г. прожиточный минимум исчисляется в 360 проц. довоенного уровня, в ноябре — в 396 проц. при отсутствии какого бы то ни было повышения заработной платы рабочего.

В Италии, во Франции, в июле 1924 г. прожиточный минимум составлял 533 проц. довоенного, а в ноябре — 583 проц. Повышения заработной платы в этот период не было. Такая же картина наблюдается во всех странах Европы. А в Соединенных Штатах, в стране «капиталистического преуспеяния», прожиточный минимум в процентах довоенного времени равнялся в июне 171, в ноябре того же года — 181, в январе 1925 г., по последним подсчетам, — около 185. Зарплата за последнее полугодие в Соединенных Штатах не повышалась, за исключением ничтожного роста ее у железнодорожников, зато во многих случаях (особенно

в текстильной промышленности) она снизилась от 10 до 15 проц. Всюду в Европе и даже в Америке реальная заработная плата падает. Исключение составляет только Россия, где заработная плата в нескольких отраслях промышленности уже начинает превышает довоенный уровень. Таково положение дел.

В Германии ярче всего сказывается сейчас так называемая стабилизация. План Дауэса показывает здесь пока что свою лицевую сторону. Но несомненно, что скоро в Германии обострятся противоречия на новой основе. Классовая борьба вновь закипит.

Мировой кредит восстанавливается, валюта крепнет, торговля растет. Но одновременно с этим начинается процесс, в империалистическую эпоху капитализма неизбежный: борьба за рынки сбыта. Она уже свирепствует. Не за горами то время, когда мы будем наблюдать обострение противоречий на новой основе. Нам незачем замалчивать и затушевывать известную стабилизацию капитализма. Мы не нуждаемся в иллюзиях. Мы должны прямо говорить о том, что есть. Наступившая для буржуазии передышка — факт. И все же перед нами попрежнему стоит вопрос: нанесен ли капитализму мировой войной и первой большевистской революцией удар смертельный, удар тяжелый или лишь легкое ранение? Мы попрежнему держимся того мнения, — и факты служат этому подтверждением, — что первая большевистская революция и мировая война нанесли капитализму тяжелый удар и что «выздоровление» его есть явление временное, кажущееся. Но этому обстоятельству, наступающему временно «выздоровлению» капиталистического хозяйства, мы все же должны прямо смотреть в глаза.

III. Основные моменты современного политического положения.

В области мирового политического положения можно констатировать ряд изменений, особенно за истекшие 9 месяцев. Картина заметно изменилась даже с чисто-внешней стороны. В период V всемирного конгресса пацифистско-демократическая «эра» сияла еще в полном блеске. Но мы и в резолюциях V всемирного конгресса подчеркивали, что пацифистско-демократическая «эра» есть лишь эпизод, лишь этап зигзагообразного пути истории. Теперь уже ясно, что мы были правы. При настоящем положении вещей больше всего нас, разумеется, интересует мировая политическая перспектива. На этом я позволю себе остановиться несколько подробнее. В мировом масштабе общая картина определяется следующими моментами, которые можно разбить на 12 пунктов:

1) Америка — Англия.
2) Япония.
3) Восточный вопрос.

4) СССР.
5) Англия.
6) Англия — Франция.
7) Германия.
8) Балканы.
9) Польша.
10) Италия.
11) Чехо-Словакия.
12) Скандинавия.

Англо-американское сотрудничество и его оценка.

Остановлюсь несколько подробнее на первом вопросе.

Взаимоотношения между Англией и Америкой являются до некоторой степени центральным пунктом нашей дискуссии. Вы, вероятно, помните, что несколько месяцев назад представители правого крыла Интернационала пытались истолковать сближение между Англией и Америкой с чрезвычайными преувеличениями и делали выводы, которые в случае их правильности должны были бы заставить нас изменить всю нашу тактику. Характерной чертой оппортунизма с давних пор было то, что он видит все в лагере противника в розовом свете, в собственном же лагере, наоборот, все в черном. Это особенно ярко сказалось в оценке взаимоотношений Англии и Америки.

Тот факт, что Америка вновь повернулась лицом к Европе, имеет, разумеется, мировое значение. Никто в этом не сомневается. Сближение между ними есть факт мирового исторического значения, несмотря на его временный, преходящий характер. Утверждать же, как это делает тов. Троцкий, что Европа превращается в доминион Америки, значит сильно переоценивать вещи. Говорить, что Америка может посадить всю Европу на паек, значит недооценивать противоречия между Америкой и Европой и внутри самой Европы. Противоречия между Францией и Англией, несомненно, налицо. Если не учитывать противоречий между европейскими государствами, то можно впасть в ошибки, ставящие вверх ногами всю нашу политическую тактику.

В последнее время мы были свидетелями полемики по этому вопросу между Пеппером и Радеком. Мое мнение таково, что прав тов. Пеппер, а ни в коем случае не Радек. Мы отнюдь не отрицаем, что сближение между Америкой и Англией есть факт исторического значения. Но на ряду с этим нельзя упускать из виду и того, что между империалистической Америкой и империалистической Англией существуют и даже обостряются противоречия.

В настоящее время мы имеем в Англии и Америке социально родственные друг другу правительства. Между консервативным правительством Англии и нынешним правительством Америки

существует социальное родство. О чем говорит это явление, если подходить к нему с точки зрения правильной оценки империалистических противоречий? К чему оно приводит в капиталистическом мире?

Равносильно ли социальное родство между двумя правительствами дружественному взаимоотношению между ними? Ни в коем случае. В начале войны, в 1914 г., в европейских странах бразды правления находились в руках правительств, тоже довольно родственных друг другу в социальном отношении. И, однако, это родство не помешало им начать войну. То же и с Америкой—Англией. Империализм есть империализм. Борьба, конкуренция продолжаются. Этого рода противоречия не только имеются налицо, но и могут обостриться, несмотря на социальную родственность двух буржуазных правительств.

Англо-американские противоречия.

Действительно, сотрудничество Америки и Англии есть факт определенный. В Германии это отчетливо видно, здесь это сотрудничество временно сказалось в крупных практических последствиях для германского хозяйства. И все же противоречия между Англией и Америкой растут. Противоречия эти можно свести приблизительно к 10 пунктам, при чем каждый из них уже сам по себе достаточно убедительно показывает, что сближения между Америкой и Англией не следует преувеличивать. Эти 10 пунктов таковы:

1) Непосредственная борьба за мировую гегемонию. Мировым кредитором является сейчас не Англия, а Америка. Борьба между ними в этой области уже свирепствует и будет свирепствовать и дальше.

2) Канада.

3) Австралия.

4) Мексика.

5) Нефть.

6) Рынки сбыта.

7) Вопрос о вооружениях, открытое состязание в деле вооружения с целью господства над морями.

8) Задолженность.

9) Ввоз и вывоз сырья.

Даже в вопросе о плане Дауэса, где как-раз сказывается сближение, налицо и коренные противоречия между обоими государствами.

Как я уже сказал выше, каждого из этих 10 пунктов в отдельности достаточно, чтобы наглядно нам показать, что параллельно с процессом сближения идет процесс роста противоречий, характерный вообще для капитализма. Эту «мелочь» проглядели наши

оппортунисты. Я остановлюсь на одном только примере, также характерном для взаимоотношений между Америкой и Англией. Я имею в виду Канаду. В 1913 г. капитал, вложенный в Канаду Англией, втрое превышал капитал, вложенный Америкой. В 1923 г. наблюдается в этом отношении полный перелом: американского капитала оказывается в Канаде по крайней мере столько же, сколько английского, а именно 2,5 миллиарда долларов. При этом надо отметить, что способ вложения капиталов в Канаду Америкой отличается от способа вложения их Англией: Америка вкладывает свои капиталы непосредственно в канадские предприятия. Таким образом, Канада ускользает из рук англичан. Американизация Канады становится фактом. Вся культура Канады — американская. Счет ведется в Канаде не на фунты, а на доллары. Печать, кино, театр, железные дороги, одежда, — все здесь не английское, а американское. В Англии, как и в Америке, уже открыто поговаривают о возможности постепенного превращения Канады в новый северо-американский штат. В настоящее время Англия силится опереться на живущих в Канаде 2 — 3 миллиона французов, так как все находящиеся там англичане давно уже американизировались. Не так давно «Таймс» открыто говорил о возможности предстоящей утраты Канады.

Тенденции к распаду Британской империи обнаруживаются все яснее. Лондонский «Таймс» между 2 и 6 февраля текущего года поместил ряд статей под заглавием «Доминионы и внешняя политика». Впервые во всеуслышание руководящий орган британского империализма говорит о все более увеличивающейся опасности для существования единой Британской империи. При этом «Таймс» исходит из факта, что не удалось созвать общеимперскую конференцию для выяснения взгляда составных частей империи на женевский протокол: это произошло потому, что доминионы вообще относятся отрицательно ко всяким конференциям, в результате которых на них могли бы быть возложены новые обязанности, связанные с возможностью новой войны. Статьи «Таймса» вызвали величайший интерес во всем мире и целыми неделями воспроизводились во всех английских газетах. Вот несколько цитат из них:

> «Важнейшею проблемою для Англии в послевоенный период является вопрос, каким образом шесть самоуправляющихся частей Англии, которые составляют в совокупности всю мощь империи, каким образом они могут прийти к единой политике против враждебных Англии держав. Это — проблема величайшего значения, ибо она граничит с вопросом о конце существования самой империи. Если эти шесть единиц Британской империи не придут к соглашению в своей внешней политике, то превращение их в независимые друг от друга государства явится только вопросом времени. Они не могут решить вопрос иначе, как путем лишь ответа: мы

должны согласиться на единую внешнюю политику, или же империя осуждена на распад».

И дальше:

«При нынешней обстановке всякая война или даже риск войны представят сильнейшую опасность для единства империи. Если парламенты отдельных частей империи сойдутся на едином отношении к угрозам международного положения, то все будет в порядке. А если между ними не будет согласия? Если Великобритания или какой-нибудь из ее доминионов вступят в конфликт с какой-либо могущественной державой, то единственным способом сопротивления других частей империи такой войне может явиться только их выход из имперского союза. Другого пути нет. Но война или риск войны гораздо ближе для нас всех, чем мы вообще это предполагаем».

А вот выдержка из новой статьи:

«Таким образом, империя стоит ныне перед длительною опасностью. С одной стороны, есть риск, что империя из-за отсутствия единства будет стремиться к колеблющейся внешней политике, которая, однако, станет угрожать ее безопасности и в то же время увеличит шансы на возможную войну. С другой стороны, есть риск распада империи в том случае, когда перед составными единицами ее встанет дилемма: или примкнуть к войне, которую они, однако, не оправдывают, или уничтожить единство империи для того, чтобы избежать участия в войне».

Английская буржуазия чувствует, что доминионы ускользают из ее рук. Из всех десяти пунктов одного вопроса о Канаде уже достаточно, чтобы показать, что противоречия между Англией и Америкой все больше и больше обостряются. Вопрос о доминионах вообще приобретает все более и более острое и боевое значение.

Таким образом, констатировать сближение между Англией и Америкой значит рисовать лишь одну сторону дела. Другая сторона его состоит в одновременном росте противоречий, постепенно принимающих все более и более острый характер.

На-ряду с этим Америка стремится использовать противоречия, существующие между отдельными европейскими государствами. Все характерные признаки империализма, правильный учет которых лег в основу ленинской теории империализма, неизменно налицо и сейчас.

Япония накануне буржуазного переворота.

Японская действительность чревата буржуазным переворотом, что приобретает огромное значение в связи с восточным вопросом. Развивающееся в Японии движение кое в чем живо напоминает

эпоху 1905 года в России. Демонстрации, общий рост крестьянского движения, рост террористического движения, — вы помните, вероятно, как молодой японский студент был недавно расстрелян за неудавшееся покушение на кронпринца, — все это характерно для японского движения. Но рабочий класс политически там пока слабее, чем он был в России в 1905 году. Численно он, может-быть, и не уступает тогдашнему русскому пролетариату, но политически слабее. И все же буржуазный переворот стучится в двери Японии. А такого рода переворот в нашу эпоху безусловно должен ускорить освободительное движение на Востоке и тем самым приблизить мировую пролетарскую революцию.

Восток и его значение для мировой революции.

В-третьих, *восточный вопрос*. Это особенно важный вопрос, восточная проблема созревает с такой быстротой, какой мы не могли себе раньше представить. В продолжение 9 месяцев, отделяющих нас от V конгресса, события на Востоке развиваются особенно быстро. Советские Республики в настоящее время имеют общую с Китаем линию фронта. Это — событие всемирно-исторического значения, его последствий еще невозможно и учесть. Рост партии Гоминдан, партии Сун-Ят-Сена, до известной степени нам сочувствующей, имеет для Коминтерна огромное значение. В Китае, Египте, Голландской Индии — всюду движение нарастает.

Мы прочли сегодня в «Правде» о разгоне парламента Заглул-паши в Египте, что внесет новые осложняющие моменты в англо-египетские отношения. Я хотел бы, товарищи, напомнить вам о том, что тов. Ленин почти перед самой смертью писал о Востоке. В статье «Лучше меньше, да лучше» он говорил:

> «Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». (Собр. соч. В. И. Ленина, том XVIII, ч. 2-я, стр. 137.)

Ленин в последнее время своей жизни больше всего прислушивался к Востоку. Он ясно видел, что с Востока идет большая резервная армия революции и что революция, быть-может, изменит свой маршрут, придет через другие двери. В моем введении я имел в виду именно эту возможность. Восток сам по себе, без западного пролетариата, был бы бессилен. Лишь коммунистическое движение на Западе, — пусть оно еще не привело рабочий класс к победе, —придаст борьбе восточных народностей совершенно иной удельный вес.

Я хотел бы напомнить также о том, что тов. Ленин еще до войны говорил о восточном вопросе. Уже в 1911 году, после того, как в Китае вспыхнула революция, Ленин писал о *передовой* Азии и *отсталой* Европе. Тогда это противопоставление многим казалось весьма странным. Теперь все видят, что оно было пророческим. В известном смысле мы действительно имеем в настоящее время передовую Азию и отсталую Европу. Не надо забывать, что Восток охватывает 900 миллионов людей, — большинство населения земного шара. Не надо забывать все огромное значение того факта, что эта гигантская масса начинает приходить в движение.

Вспомним о том, какое глубокое влияние первая, вторая и третья русские революции оказали на развитие Востока. Если мы хотим получить общую картину мирового положения, мы должны направить наше внимание не только на Европу, но и на Восток.

Укрепление Советского Союза.

Следующий момент, характеризующий современное политическое положение, сводится к вопросу о хозяйственном возрождении *Союза Советских Социалистических Республик.* Как обстоит дело здесь? Что Союз усилился, что экономическое и политическое положение его укрепилось, видно всякому. В первую голову улучшилось хозяйственное положение, что для нас наиболее важно. Вы помните, как Ленин на IV конгрессе был счастлив, что мог сообщить нам: мы накопили уже 10 миллионов золота и, таким образом, можем двинуть восстановление металлической промышленности. Теперь 10 миллионов уже далеко не имеют для нас решающего значения. Вы помните, как кое-кто из друзей нашей оппозиции более или менее открыто заявлял во время V конгресса Коминтерна: подождите до осени, когда у «них» (т.-е. у правительства СССР) будет бюджет с дефицитом в 400 миллионов, и тогда вы увидите, в какие тиски попадет ЦК. Но что же случилось? Я не выдаю государственной тайны, заявляя, что у нас не только нет минуса в 400 миллионов, а, напротив, есть порядочных размеров плюс. Если в 1923 г. 10 миллионов, которые дала нам внешняя торговля, считались важным достижением, то я полагаю, что плюс, о котором я упомянул, является еще более ярким показателем упрочения Советского Союза.

Далее. Ставки рабочих в Москве, Ленинграде и других городах уже за последние 3 месяца перегоняют в ряде отраслей довоенную зарплату. Это — новое доказательство в пользу того, что экономическое положение страны постепенно улучшается. Наиболее важным для нас политическим вопросом в настоящий момент является крестьянский вопрос. Речь идет об установлении еще более тесного союза с крестьянством, разумеется, при условии сохранения нашим правительством его социального содержания.

Как вы знаете, товарищи, наши враги постепенно примирились с положением вещей, что повлекло за собой ряд соглашений, признаний и т. д. Я не хочу этим сказать, что нам уже не грозит никакой опасности. Будет бешеная конкурентная борьба в области экономики. Чем крепче становится Советская республика, тем неизбежнее попытки со стороны мировой буржуазии перейти в прямое наступление против нас. Международный пролетариат должен отдавать себе в этом ясный отчет. Очень может быть, что наступит такое положение, когда именно наше усиление вынудит буржуазию строить наступательные планы против нас.

Если, таким образом, мы окинем взором мировую политическую конъюнктуру, то нас не должно сбивать с толку то обстоятельство, что между Англией и Америкой возникло сближение; мы должны не в меньшей степени учесть положение на Востоке и в Союзе наших республик, который тоже в значительной мере относится к Востоку, или, вернее, является мостом на Восток.

Положение в Англии революционизируется.

Теперь перейдем к следующему моменту — о положении в Англии. Здесь тоже можно отметить некоторые перемены. Предварительно замечу, что II Интернационал постепенно переносит центр своего внимания из Германии в Англию. Это — факт. С образованием первого так называемого рабочего правительства, правительства Макдональда, центр тяжести II Интернационала передвинулся в Англию. Мне кажется, товарищи, что мы находимся в начале такого периода, когда центр тяжести дальнейшего развития мировой революции тоже постепенно может начать передвигаться в Англию.

Оппортунисты спросят: неужели же, по-вашему, крепкой, полнокровной консервативной Англии приходится бояться революции? Тот, кто смотрит на вещи поверхностно, гипнотизирован полнокровием английского капитализма. Но ученик Маркса и Энгельса не может не видеть, что мощь английской буржуазии в трех пунктах подвергается серьезной опасности. Первый пункт — доминионы. Всякий английский и американский капиталист в настоящее время знает, что доминионы постепенно ускользают из рук Англии. Второй — революционизирование рабочего движения и, наконец, третий — Восток.

Консервативное правительство уже не может быть сменено либеральным. В настоящий момент в Англии существуют лишь две крупных силы: консерваторы и Рабочая Партия. Если консерваторы будут вынуждены уступить место партии, то на смену им придет не либеральная, а Рабочая Партия. Поэтому положение английской рабочей партии имеет огромное значение. Постепенная трансформация Рабочей Партии является очевидным фактом. Не менее очевиден рост ее левого крыла. Эти моменты показы-

вают, что полнокровная консервативная Англия стоит на вулкане. Положение в Англии не обнаруживает симптомов растущей стабилизации, а, наоборот, непрерывно революционизируется.

Противоречия между Англией и Францией.

„Шестой пункт — *взаимоотношения между Англией и Францией.* И здесь имеются налицо противоречия. Идет борьба за господство в Европе. Оба государства в настоящее время находятся в известной зависимости от американского империализма, который стремится использовать их друг против друга, вызывая взаимные столкновения между ними и в то же время столкновения их с другими государствами. Во Франции положение ни в коем случае не стабилизовано. Правительство Эррио в политическом отношении себя изжило. Мимоходом говоря, мы уже в тезисах V мирового конгресса подчеркивали, что демократически-пацифистские правительства будут отчасти свергнуты буржуазией, отчасти же сами примут фашистский характер. Правительство Эррио являет нам классический пример внедрения элементов фашизма в буржуазное правительство, активно поддерживаемое социалистами. Чтобы продолжать свою жизнь, оно отказывается от смысла и содержания всей своей жизни. Вырос численно французский пролетариат. Выросла его партия. Начинается работа в колониях и в крестьянстве.

Положение на Балканах.

Далее—*Балканы.* В некоторых балканских странах—в Румынии, Болгарии и Юго-Славии — на мой взгляд, существуют три революционизирующих фактора: 1) крестьянское движение, 2) национальное движение и 3) рабочее движение. Взаимодействие этих трех факторов имеет чрезвычайно важное значение; именно это взаимодействие здесь налицо. Иногда нам возражают, что борьба идет слишком вяло, что контр-революция в этих странах усилилась. Однако, диалектика истории учит нас, что иногда именно в такой момент, когда контр-революция достигла, повидимому, своей кульминационной точки, оказывается, что революция близка; именно в такой момент контр-революция сменяется революцией. Что национальное движение, крестьянское движение и рабочее движение в этих странах носят массовый характер, — не подлежит никакому сомнению. Юго-славское правительство может аннулировать 60 или 80 крестьянских мандатов, и это, с «конституционной» точки зрения, будет казаться пустяком. Однако, такие вещи не проходят бесследно, и недовольство крестьянских масс лишь уходит вглубь. Поэтому мы, коммунисты, при оценке положения на Балканах не будем обманываться тем, что видим на поверхности. Внешне реакция как будто всемогуща.

На первый взгляд может казаться, что правительство уже справилось в Юго-Славии с движением Радича. Если же смотреть глубже, то необходимо признать, что и в балканских государствах положение остается шатким и ни в коем случае не походит на стабилизацию.

Германия и план Дауэса.

Перехожу к *Германии.* Здесь мы видим самые большие перемены. Тактика нашей партии по отношению к плану Дауэса была правильна. Интернационал одобряет эту тактику, — хотя с самого начала было ясно, что даже при правильной тактике нам временно нельзя будет добиться значительных успехов. Речь для нас шла о том, чтобы взять такую линию, которая показала бы пролетариату, что в перспективе исторического развития наша точка зрения верна.

В данный момент германский рабочий класс находится в таком положении, когда он еще видит «положительные» стороны плана Дауэса. Последние выражаются в оживлении промышленности, притоке капиталов, стабилизации валюты. Однако, эксплоатация Германии Антантой продолжается. Придет время — противоречия обострятся на новой почве. Мы открыто заявили в печати,—и это, кажется, вызвало большую сенсацию, — что непосредственно-революционной ситуации, как это было в 1923 году, сейчас, в 1925 году, в Германии налицо не имеется. Я боюсь, товарищи, что это утверждение может повлечь за собой особенно большие недоразумения. Без сомнения, найдутся товарищи, которые скажут: «Итак, нет ярко выраженной революционной ситуации. Это нам и надо было установить, но, следовательно, и вся тактика Коммунистического Интернационала и германской партии неверна».

Надо открыто говорить о том, что есть в действительности. Иллюзии никогда еще не шли на пользу революции. Поскольку в Германии у нас сейчас нет налицо непосредственно-революционной ситуации, мы этот факт и отмечаем и анализируем. Но это, разумеется, отнюдь не равносильно прекращению в Германии классовой борьбы. Классовая борьба в Германии не прекратилась и отнюдь не прекратится. Подтверждением тому служат последние события. Стоит вспомнить только о нападении полиции на рабочих, происшедшем в Галле. Почитайте-ка, что пишет «Роте Фане» о демонстрациях, устроенных в связи с событиями в Галле. Мы видим, что классовая борьба выносится на улицу. Вновь надвигаются экономические стачки. Таким образом, борьба в Германии продолжается. Притом это уже не та классовая борьба, что разыгрывалась в довоенную эпоху, но классовая борьба именно эпохи послевоенной, т.-е. всегда и неизменно с зернышками гражданской войны. С другой стороны, это борьба не в духе 1923 года, но 1925 года с его специфическими чертами.

Происшедшие в Германии изменения резко бросаются в глаза. План Дауэса через некоторое время будет иметь последствием еще большее обострение классовой борьбы, которая не притупится, хотя бы ей и пришлось тянуться целые годы. Она вновь и вновь будет обостряться все на новой и новой основе.

Положение в Польше, Италии, Чехо-Словакии и Скандинавии.

В *Польше* обстановка такова же, как и на Балканах. Сильное крестьянское движение, сильное движение национальных меньшинств, представляющее собою частично тоже крестьянское движение, и затем сильное рабочее движение. Таким образом, и в Польше действуют в комбинации все эти три фактора. При поверхностном наблюдении и здесь можно констатировать некоторое улучшение для польской буржуазии, но не следует упускать из виду трех вышеупомянутых факторов.

Я позволю себе сказать еще два слова об *Италии*. Преодолеть там фашизм еще не удалось. Несколько недель тому назад казалось, что Муссолини уже приходит конец. На самом деле это оказалось не так. Но положение в Италии шаткое, неустойчивое и чревато чем угодно, только не консолидацией.

Теперь о *Чехо-Словакии*. Положение буржуазии там таково, что легального выхода из создающихся для нее трудностей она не находит. Коалиция разлетается в куски, и чем дальше, тем все больше и заметней. Здесь опять-таки, как и в Польше и на Балканах, наблюдается взаимодействие тех же трех факторов. Правда, крестьянское движение, да и движение национальных меньшинств, здесь слабее, чем в вышеназванных странах. Зато важнейший из трех факторов, — рабочее движение, — в Чехо-Словакии гораздо сильнее, чем в других странах.

Что касается *Скандинавии*, этих «благословенных» стран мелкой буржуазии, где бразды правления находятся еще и сейчас в руках социал-демократических правительств, то характерно, что даже и там обостряется классовая борьба. Идиллии там пришел конец. Резкая классовая борьба, свидетелями которой мы были последнее время в Скандинавии, в частности в Норвегии, а недавно и в Швеции и Дании, свидетельствует об обострении классовых противоречий и в Скандинавии.

Растет тяга международного пролетариата к СССР.

Таким я представляю себе, товарищи, общее положение. Наряду с этим притягательная сила СССР неуклонно растет. Мы должны сознаться, что в течение некоторого времени, особенно в период голода, эта притягательная сила шла на убыль. В настоя-

щее же время наблюдается обратное. Движение в пользу посылки в СССР многочисленных профсоюзных делегаций только начинается и, несомненно, будет расти. Что привлекает к нам представителей социал-демократических и беспартийных рабочих из зарубежных стран? Инстинктивное чувство, что в СССР началось подлинно-социалистическое строительство. Эти делегаты рассуждают приблизительно так: мы шли отличным от России путем, мы шли за социал-демократией. Чего же мы достигли? В экономическом отношении положение наше очень плохо. В России пролетариат шел, правда, тернистым путем, путем крови и гражданской войны, но русские рабочие уже многого добились. Это сознание в социал-демократических рабочих ныне пробуждается и будет в дальнейшем все больше и больше крепнуть.

Мировое положение попрежнему остается объективно революционным, хотя в отдельных странах непосредственно-революционная ситуация исчезла.

Подвожу итог: мы не должны выделять из общего комплекса Германию, где нам долгое время казалось, что вот-вот произойдет революция. Мы должны анализировать *мировое* положение *в целом* и оценивать его таким, как оно есть. Мы — партия *мировой* революции, а не революции только русской или германской. А потому и оценка наша должна охватывать положение в мировом масштабе.

Итак, подводя итоги, мы должны сказать: на отдельных участках фронта борьба кипит уже не с такой силой, как в 1923 году. Если нет налицо и перемирия, то во всяком случае, по сравнению с 1923 годом, на некоторых участках фронта борьба пошла временно (Германия) на убыль. И в Западной, и в Центральной Европе уже нет налицо острой революционной ситуации. Что касается мирового положения в целом, оно попрежнему остается объективно революционным. Восток движется вперед гораздо решительнее, чем мы это полагали. Влияние Коммунистического Интернационала растет, идея всемирной революции становится на Востоке все более и более популярной. Англия оказывается расшатанной гораздо больше, чем нам это до сих пор казалось. Еще Маркс считал, что революция без Англии — буря в стакане воды. Если сопоставить положение Англии с положением Германии и принять затем во внимание прогрессирующее пробуждение Востока с его 900-миллионным населением, то окажется, что факторы, задерживающие революцию, и факторы, ее стимулирующие, приблизительно уравновешиваются взаимно.

Товарищи, таким образом, общее положение таково, что нам попрежнему приходится считаться с двоякого рода возможностью: мы должны строить в дальнейшем нашу тактику в направлении,

указанном резолюциями V всемирного конгресса, и диференцировать ее сообразно запросам той или другой страны, учитывая возможность как медленного, затяжного, так и более быстрого темпа развития классовой борьбы. С точки зрения наших основных целей нет ни малейшего основания для какого бы то ни было пессимизма.

Неверная оценка действительности приводит к антиленинскому уклону.

Товарищи, которые из неверно оцененного ими факта сближения Англии с Америкой делают пессимистические выводы, стоят вплотную перед опасностью начала ревизии теории Ленина в вопросе об империализме. Они часто готовы голосовать за любую резолюцию и готовы именовать себя ленинцами, но они не хотят понять, что, когда надо *применять* ленинизм, они на деле зачастую вступают на путь ревизии важнейших, основных частей ленинизма.

Тот, кто пытается доказать, что сближение между Америкой и Англией должно привести к превращению Европы в доминион Соединенных Штатов и устранить противоречия внутри Европы, этим самым повторяет сказанное еще в 1915 году Каутским по вопросу о сверх-империализме, ультра-империализме. Я не хочу здесь слишком вдаваться в цитаты и отсылаю вас к статье Ленина в сборнике «Против течения» и к его полемике с Каутским в книге «Империализм как новейший этап капитализма». Ленин как бы авансом и дает нам как раз ответ на те вопросы, которые ныне ставят сторонники правого крыла. Я позволю себе процитировать одно лишь место из вышеуказанной книги. Вот что мы читаем там:

> «Совершенно такой же отсталый характер носит, как мы видели выше, и сочиненная Каутским пресловутая теория «ультра-империализма».
>
> В самом деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6 — 7 сот миллионов душ подвергаются эксплоатации финансового капитала нескольких империалистических держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистические страны составляют союзы один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интеримпериалистские» союзы. Допустим, что все империалистские державы составят союз для «мирного»

раздела названных азиатских стран,—это будет «интернационально-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, напр., в отношениях держав к Китаю. Спрашивается: «мыслимо» ли предположить при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистическими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы, в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистских держав, — являются неизбежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготовляют войны и, в свою очередь, вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 328 — 329).

Товарищи, теми же словами можем мы возразить в наши дни «пророкам», столь переоценивающим сближение между Англией и Америкой, которое, по их мнению, должно чуть ли не устранить революцию.

Радек утверждает, что демократически-пацифистская «эра» еще и теперь не миновала. Макдональд, правда, сошел со сцены, но пацифизм, по мнению Радека, остался. Как пришел к этому выводу Радек? Дело в том, что всякое состояние капиталистического мира, когда нет прямой войны, Радек рассматривает как пацифизм. Между тем, империализм нуждается в передышках между войнами; во время этих передышек подготовляются новые войны. Если в данный момент состояние капиталистического мира таково, что войны нет, то, с другой стороны, мы видим, что это — лишь замаскированная подготовка новой войны. В этом вопросе

нужна полнейшая ясность. Уже в декабре 1922 года Ленин писал:

> «Надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. д.» («Большевик», журнал ЦК РКП, № 2, 1924 г., стр. 18).

Так расценивал Ленин положение еще до конца 1922 года, когда оно было, в общем и целом, уже совершенно ясно. Он допускал, что новая война может возникнуть не только из крупных противоречий между Англией и Америкой, но и из-за таких вещей, как вопрос таможенной или торговой политики. Таков именно характер всего «пацифистского» империализма. Из-за самого незначительного вопроса могут возникнуть новые войны. Вот почему мы должны решительно отвергнуть даже самые осторожные и замаскированные попытки ревизии ленинской теории в вопросе об империализме.

Повторяю еще раз: общее *мировое* положение остается объективно революционным, несмотря на то, что в некоторых странах, например, в Германии, непосредственно революционной ситуации налицо сейчас нет. V всемирный конгресс расценил обстановку совершенно правильно. Наша прежняя тактика сохраняет силу и сейчас.

IV. Демократически-пацифистская „эра“, фашизм и социал-демократия.

Истинный характер и значение демократически-пацифистской „эры“.

Товарищи, в последнее время все крупные разногласия в рядах Коммунистического Интернационала в конечном счете вертелись вокруг оценки демократически-пацифистской «эры». Такие люди, как Ньюбольд, Филипп Прайс, Хеглунд, Росмер, пали до некоторой степени жертвами вечерними демократической «эры».

Как же рисовали они себе дело? Они решили попросту, что революция миновала и что мировое положение уже перестало быть революционным. Они говорили: если Советской власти за 5 — 6 лет не удалось многого достичь для улучшения жизни рабочих, то надо и Макдональду дать столько же времени. И это говорили коммунисты! Хеглунд, в свою очередь, усматривал

событие мировой исторической важности в факте провала Ньюбольда на парламентских выборах.

Правильный подход к демократически-пацифистской «эре» был в последние девять месяцев центральной осью всей нашей тактики. Некоторых товарищей одолевали сомнения, которые они, однако, боялись высказать открыто; они заявили, что в общем и целом согласны с линией V конгресса, на самом же деле продолжали рассматривать демократически-пацифистский эпизод, как подлинную эру, как длительный период, как новую эпоху мировой истории. Они считали, что отсюда вытекает необходимость изменения всей нашей тактики в более или менее социал-демократическом духе. Ньюбольд и Хеглунд пали жертвами этой иллюзии. Другие были осторожнее, дипломатичнее; они сунули в дверь пока что только один палец. Но он оказался столь сильно защемленным, что у них пропала охота совать туда другие пальцы.

Чему же учат нас факты? Первым делом — в отношении длительности знаменитой «эры». Факты доказывают, что демократически-пацифистская «эра» была не больше чем эпизод, как и предсказывала резолюция нашего V конгресса. В известном смысле можно сказать, что «демократически-пацифистский» эпизод равносилен был переходу на-время к власти *мелкой* буржуазии. На деле власть перешла в руки мелкой буржуазии не целиком, а лишь в ограниченных пределах. В эпоху империализма и пролетарской революции (эпоху, которую *менее всего* можно назвать демократически-пацифистской) мелкая буржуазия не может самостоятельно стоять у власти. И вот поэтому ей и пришлось сыграть роль марионетки в руках крупной буржуазии. Блестящей исторической иллюстрацией этого положения могут служить Франция и Англия, где наглядно обнаружилось, что мелкая буржуазия в эпоху империализма не может править страной, как самостоятельная сила.

Чему еще учат нас факты? Тому, что Макдональд, вопреки своему желанию, проработал на нас. Внутри английского рабочего класса началось расслоение и растет воля к подлинной власти. Зачастую ставился в «философскую» плоскость вопрос: что же представляет собою, в сущности говоря, правительство Макдональда? Есть ли это последняя фаза кризиса послевоенного или первая фаза новой пацифистской эры? Такая постановка вопроса казалась высоко «диалектической». Я думаю, что правительство Макдональда было и тем, и другим. В лице демократического пацифизма мы имеем дело с одним лишь звеном непрерывной цепи событий, начало которой относится еще к 1914 году, т.-е. к моменту возникновения войны.

Демократически-пацифистская «эра» 1924 года есть лишь эпизод в эпохе империалистических войн и подготовки пролетарской революции. Мы не нуждаемся в «философских» определениях. Нам достаточно учесть тот факт: 1) что период этот оказался

кратковременным, 2) что мелкая буржуазия, даже в лице рабочей партии, не смогла играть самостоятельной роли, 3) что в настоящее время в Англии приходится считаться лишь с двумя решающими факторами общественной жизни: рабочим классом и капитализмом и, наконец, 4) что правительство Макдональда с его «конструктивным социализмом» работало на нас, коммунистов, на Коминтерн.

Оценка фашизма и социал-демократии.

С вопросом о характере демократического пацифизма связана и оценка фашизма. Вы помните, товарищи, борьбу, происходившую в наших рядах по этому вопросу. Фашизм и демократически-пацифистская «эра» связаны друг с другом. Взгляните на выборы в Германии, Англии и Америке. Что мы там видим? В Германии широкая масса избирателей голосовала за социал-демократию, в Англии — за Рабочую Партию, в Америке — за партию Лафолетта. Широкие массы как мелкой буржуазии, так и пролетариата голосовали за группы, являющиеся носителями идей демократического пацифизма, даже тогда, когда звезда его уже закатывалась. «Эра» уже миновала, а отсталые слои населения, цеплявшиеся еще за утопии и всякого рода иллюзии, продолжали высказываться за демократически-пацифистскую политику. Мы не хотим, чтобы в коммунистической *партии* царили демократические иллюзии. Но в отсталых массах они продолжают жить. Мы должны были раньше и должны сейчас с ними, разумеется, бороться.

В эпоху демократически-пацифистской «эры» надо различать двоякого рода страны: одни из них были субъектами, другие — объектами этой «эры». Англия и Франция были субъектами, Германия — объектом. Попутно замечу, что успехи нашей партии в Англии и Франции, с одной стороны, и трудное положение нашей германской партии — с другой, вытекают из объективного положения вещей. В Германии, как и во Франции, царили пацифистские иллюзии. Но почва, вскармливающая этот пацифизм, в Германии не та, что во Франции. Когда умирающий от голода и от жажды человек в изнеможении валяется на земле, а в нем будят надежду на то, что он сможет встать и выпрямиться, обещая ему глоток воды или кусочек хлеба, или чуточку молока, то понятно, что в нем просыпаются надежды и иллюзии. В таком положении очутилась Германия. На этом и спекулировала в ту пору социал-демократия. И потому не приходится удивляться, что в странах, бывших субъектами «эры», где правящие классы не могли ничего существенного предложить и обещать массам, не могли посулить им улучшения их положения, нашим коммунистическим партиям сравнительно легко удавалось добиться успеха.

Социал-демократия „побеждена" фашизмом в том смысле, что примкнула к нему.

Возвращаюсь к фашизму. В 1924 году Радеком было сформулировано положение о победе фашизма над социал-демократией. Правильно ли оно? Как понимать в данном случае слово «победа»? Вам известно, например, что германская буржуазия одержала «победу» над Карлом Либкнехтом. Буржуазия его убила, победила в борьбе. Это — один вид победы. Другой вид победы наблюдался в истории русского революционного движения 80-х годов. Я имею в виду хорошо известного революционера Льва Тихомирова. Он тоже был «побежден», — но как? Он сам перешел на сторону врага, перешел в лагерь царизма. Либкнехт был «побежден» германской буржуазией, Тихомиров — русским царизмом. Это—два разные вида «победы». Именно так и социал-демократия была «побеждена» буржуазией, притом в мировом масштабе. Вожди с.-д. попросту стали ренегатами, пошли по пути Тихомирова, перешли на сторону буржуазии. Эту безделицу проглядел Радек. Он решил, что так как социал-демократия «побеждена», то следует с ней объединяться политически. Вот вам теория «единого фронта» в понимании Радека. Он упустил из виду, что вожди социал-демократии «побеждены» буржуазией в том смысле, что сами стали формировать крыло буржуазии. А потому тезисы V конгресса, содержавшие в себе характеристику социал-демократии, как «третьей» партии буржуазии, были совершенно правильны.

В Италии фашизм явился синтезом стремлений капиталистической буржуазии и социал-демократии, при чем социал-демократия оказалась крылом фашизма. Соответствующие тезисы и резолюции V конгресса были правильны, поскольку оказалось, что социал-демократия крепнет в той же мере, в какой крепнет буржуазия. Отсталость широких масс и замедление темпа развития классовых конфликтов будут и в дальнейшем иметь там и сям результатом усиление социал-демократии. Весь вопрос в том, что в виду усиления социал-демократии мы должны переоценить все ценности! Мы держимся иного мнения и убеждены, что, поскольку будет усиливаться на некоторое время буржуазия, это будет использовываться и социал-демократией, так как в наши дни буржуазия и социал-демократия—два близнеца. Еще Маркс и Энгельс справедливо заклеймили продажных вождей английского рабочего движения. Вы знаете, как беспощадно критиковали и разоблачали Маркс и Энгельс английских рабочих вождей. В настоящее время мы должны делать то же в международном масштабе.

Эту задачу облегчает нам целый ряд событий. Я остановлюсь лишь на четырех из них: 1) барматовский скандал, эбертовский процесс и пр.; 2) договор между венгерской социал-демократией

и Хорти; 3) последняя сессия бюро II Интернационала; 4) похороны Эберта, Брантинга и Гомперса. Недавно мне пришлось прочесть некролог, посвященный Гюисмансом Брантингу. Гюисманс вменяет в заслугу Брантингу то, что он, несмотря на свой республиканский образ мыслей, был старым другом шведского короля и его школьным товарищем. Сильно сказано, не правда ли? Гюисманс «хоронит» Брантинга во второй раз.

Подвожу итог: социал-демократия, действительно, тов. Радек, «побеждена» буржуазией, «побеждена» фашизмом. В отличие от Карла Либкнехта и его последователей, она пала не в борьбе, но побеждена в том смысле, что сама, в лице своих вождей, отреклась от себя, как от рабочей партии, заняв мелкобуржуазную позицию и став крылом буржуазной «демократии». Временное укрепление буржуазии равносильно некоторому укреплению на-время и социал-демократии. Гибель буржуазии будет в то же время гибелью и социал-демократии.

Таким образом, тактика Коммунистического Интернационала была абсолютно правильной. Об этом свидетельствует классовая борьба, этому учат нас эпизоды гражданской войны, об этом говорят жизнь и движение масс. Большевистская, ленинская линия V конгресса оправдала себя целиком.

V. Борьба за профсоюзное единство и английское рабочее движение.

Лозунг профсоюзного единства выдвинут Коминтерном.

— Товарищи! Раньше, чем перейти к вопросу о большевизации, я хотел бы коснуться в нескольких словах профдвижения.

Никто из нас, разумеется, не станет оспаривать правильности общей линии V всемирного конгресса в этом вопросе. Правда, наши противники из правого крыла Коминтерна считали, что резолюция V всемирного конгресса по профсоюзному вопросу идет, в сущности говоря, вразрез с прочими его резолюциями. Правильную нашу позицию в этом вопросе они считали «случайной». Коминтерн «случайно»-де занял правильную позицию в вопросе о профсоюзах. События уже показали, что профсоюзная резолюция V конгресса вполне отвечает общей тактике Коминтерна. Итак, необходимости в принципиальной дискуссии по этому вопросу сейчас нет. Что нам на этот раз нужно, это — выработать практические указания для отдельных братских партий.

Товарищи, самый популярный лозунг, лозунг борьбы за единство международного профдвижения, выдвинул Коминтерн. Этим Коммунистический Интернационал сделал крупный шаг вперед. Мы должны констатировать, что в отдельных странах наша правильная линия в профсоюзном вопросе при проведении ее в жизнь

чревата теми же двумя опасностями, что и тактика единого фронта вообще. Особенно явственно видно это во Франции и Чехо-Словакии, менее четко — в других странах.

Первая опасность стоит в подходе к этой тактике, как к незначительному маневру, точно все дело сводится здесь к открытым письмам к социал-демократии, а в остальном все должно итти своим чередом. Другая опасность состоит в возможности перегиба палки в другую сторону и заключается в проповеди поспешного безоговорочного вступления в реформистские профсоюзы даже там, где налицо имеются столь же сильные или даже более сильные профсоюзы революционные. Это — другая крайность. В Чехо-Словакии, я слышал, кое-где некоторые товарищи считают даже, что чем слабее наши красные, революционные профсоюзы, тем легче будет добиться профсоюзного единства. Мы понимаем нашу тактику совсем иначе. Мы считаем, что там, где революционные профсоюзы имеются, мы должны вести борьбу за каждого рабочего. И на-ряду с этим надо продолжать борьбу за единство профдвижения. Распускать наши красные профорганизации там, где они представляют серьезную силу по сравнению с реформистскими, единым махом было бы крупной ошибкой.

Англо-русский комитет еще не сформировался, но последние сообщения о подготовке к нему носят благоприятный характер. Правые амстердамцы, видимо, несколько взволнованы решением англичан созвать официальную конференцию совместно с русскими профсоюзами. Мы держимся прежней линии и будем и дальше бороться за единство профдвижения, не впадая, однако, ни в одну из вышеуказанных крайностей. Мы будем вести борьбу всюду, будем вести ее и там, где у нас имеются революционные профсоюзы.

Новое в английском рабочем движении.

Вся наша профсоюзная кампания исторически возникла в связи с обстановкой, сложившейся в английском рабочем движении. То новое, что сейчас сказывается в международном рабочем движении, зарождается прежде всего в Англии. Причина, способствующая возникновению этих новых веяний, вкратце сводится к следующим четырем моментам: 1) Англия утрачивает свое монопольное положение на мировом рынке. 2) Колониальная мощь Англии начинает колебаться. Эти два момента уже сами по себе имеют громадное значение. Вторая тенденция, несмотря на то, что она начинает пробиваться только сейчас, уже сказывается на всем экономическом и политическом положении в Англии. 3) Классовая борьба обостряется. 4) Привилегированное положение рабочей аристократии идет на убыль.

Таким образом, отнюдь не случайно то обстоятельство, что делегация английских профсоюзов приезжала недавно в Россию и сравнительно доброжелательно отзывается о нашей революции. Объясняется это отнюдь не личными качествами данных представителей английского рабочего движения, не тем, что они хорошие парни, — это теснейшим образом связано с четырьмя упомянутыми факторами. В английском рабочем движении уже повеяло новой струей. Я думаю, что Макс Бер прав, когда, подводя итоги английскому рабочему движению за последнее время, он говорит, что на положении английского рабочего класса сказывается, с одной стороны, «крах старой классической трэд-юнионистской тактики, с другой стороны, крах былых методов борьбы рабочей партии». Действительно, тут действуют оба момента. Крах старой трэд-юнионистской тактики тоже не случаен. Дело не только в недостатках вождей и совершенных ими ошибках, но и в том, что Англия утрачивает свое монопольное положение на мировом рынке и что влияние ее в ее собственных колониях наталкивается на все большее и большее сопротивление, а это способствует оживлению темпа классовой борьбы в Англии и пробуждает к новой жизни массы английского пролетариата.

Отсюда и движение профсоюзного меньшинства, которому предстоит огромное будущее. Именно это движение, группирующее вокруг коммунистических идей уже 600.000 рабочих (а также консолидация левого крыла официальных профсоюзов), больше всего способствовало установлению англо-русского сотрудничества.

Рабочая партия Англии и деревня.

В Англии завязывается серьезнейший узел. Рабочая партия в ее теперешнем виде едва ли удержится. Но на ближайшие годы перспектива у нее есть. Она имеет виды и на деревню. В настоящее время это — лишь городская партия. На последних выборах она получила в городских промышленных округах 52 мандата из 193, в деревенских же — лишь 38 из 230. Я полагаю, что в дальнейшем мы будем свидетелями двоякого рода явлений в рабочей партии: с одной стороны, постепенного падения престижа и влияния ее косной верхушки в городах и выдвижения новых сил, вероятно, из рядов меньшинства, а то и коммунистической партии (преимущественно в рабочих центрах и промышленных районах), с другой стороны, некоторого роста влияния рабочей партии в мелкогородских и сельских округах.

В свете исторической перспективы усиление позиции рабочей партии в этих последних кругах будет объективно прогрессивно. Не так давно Отто Бауэр выдвинул в Австрии лозунг: «В деревню!». Австрийские социал-демократы намерены отпра-

виться в деревню, они не прочь полакомиться кусочком «ленинизма». Они заявляют, что Ленин был прав, настаивая на союзе с крестьянством. Разумеется, Ленин мыслил этот союз несколько иначе, чем Отто Бауэр. Цену бауэровскому «ленинизму» мы знаем. Для Рабочей Партии Англии, если бы она повернулась лицом к деревне и стала бы наносить там удары консерваторам и пускать корни в сельском населении, — это означало бы объективно шаг вперед.

Коминтерн нашел ключ к проблеме английского рабочего движения.

Наша профсоюзная кампания — кампания жизненная, она имеет широкое будущее именно потому, что находится в живой органической связи с теми процессами, которые протекают внутри рабочего движения, с теми тенденциями прогрессивного характера, которые в нем развиваются.

На протяжении целого ряда лет Энгельс искал ключа к разрешению проблемы английского рабочего движения. Марксизм не нашел доступа к широким массам английского рабочего движения, так как в ту пору объективное положение вещей не благоприятствовало разрешению этой проблемы. Искал такого ключа и Ленин. Вы помните, как во время второго конгресса возникла дискуссия по вопросу о том, следует ли коммунистам вступать в рабочую партию или нет. Это не был организационный вопрос, мы искали ключа для разгадки проблемы английского рабочего движения. Английское рабочее движение было загадкой не только в эпоху Маркса и Энгельса, в эпоху I Интернационала, но и в эпоху II Интернационала. Мне кажется, что III Интернационал, благодаря Ленину, этот ключ нашел. На наших глазах складывается новая обстановка в английском рабочем движении, там скоро создадутся, наконец, предпосылки для превращения нашей коммунистической партии в партию массовую. Тираж воскресной газеты, которую только начали издавать наши товарищи в Англии, превзошел все наши ожидания. Молодой английский коммунизм шагает вперед. Он прогрессирует, с одной стороны, благодаря изменению объективной обстановки в Англии, с другой стороны, благодаря тому, что английские коммунисты вступили на правильный путь, на котором они придут к завоеванию большинства английского пролетариата.

Не надо думать, что наша профсоюзная кампания займет всего несколько месяцев. Исходя из оценки международного рабочего движения, надо полагать, что она затянется на довольно долгий срок...

VI. Задача большевизации и пути ее осуществления.

Суть большевизации—в правильной организации компартий и проведении ими верной политики.

Вот та обстановка, при которой началась большевизация наших партий. Мои тезисы по вопросу о большевизации составлены достаточно подробно, так что в дальнейшем я могу ограничиться лишь некоторыми добавлениями к ним.

Прежде всего я хочу коснуться темы «Организация и политика». После опубликования тезисов V всемирного конгресса многие товарищи стали толковать лозунг большевизации, как требование одной лишь организационной перестройки партии на основе производственных ячеек. В основу предлагаемых вам ныне тезисов положена та мысль, что основная задача большевизации заключается в намечении и проведении правильной *политической линии*. Нельзя, разумеется, противопоставлять друг другу организацию и политику. Правильная политика невозможна без правильной организации, точно так же, как хорошая организация гроша ломаного не стоит без правильной политики. Повторяю, главная суть большевизации — в установлении правильной политической линии, в правильном подходе к вопросам: профсоюзному, крестьянскому, колониальному, к вопросу о работе среди молодежи, женщин и т. д. Но нельзя принижать и значение организации, перестройки на основе производственных ячеек, Я хотел бы вас решительно от этого предостеречь, ибо *для правильной политики необходима и правильная организация*.

Образец правильного приложения большевизации в организационном вопросе.

Только что состоявшаяся конференция по организационным вопросам имеет крупное значение. Тов. Пятницкий передал мне некоторые материалы, среди которых мне бросилась в глаза маленькая заметка в номере «Руде Право» от 15 февраля, представляющая собой большой практический интерес с точки зрения вопроса о большевизации партий в смысле организационной перестройки. Я имею в виду письмо рабочего, члена производственной ячейки, с сахарного завода в Центральной Чехии. Вот что пишет этот рабочий:

> «Когда было решено приступить к организации производственных ячеек, я собрал трех товарищей и во время обеденных перерывов стал обсуждать с ними в общих чертах задачи

ячейки. Затем мы решили, что каждый из нас в течение ближайших трех дней должен привлечь в ячейку еще по одному новому товарищу. Таким образом, нас стало восемь.

У нас на заводе работает 150 человек, из них 32 уже состоят в ячейке. Но это еще мало. И вот мы решили, что за время до конца января каждый член партийной ячейки должен привлечь в нее еще одного члена, за которого он ручается. Мы выбрали бюро и выработали целый ряд предложений относительно общих собраний секций. Шести товарищам поручено распространение наших партийных и профсоюзных газет среди рабочих, состоящих членами других партий и профсоюзов, чтобы им доказать, как лгут их газеты. Четырем товарищам поручено к концу месяца составить список всех тех, кто хочет подписаться на наши органы печати. В настоящее время мы собираем материал для выпуска первого номера стенной газеты.

Работа производственной ячейки представляет некоторые практические трудности, так как товарищи сжились со старыми формами организации, но производственная ячейка важна уже потому, что втягивает в работу всех товарищей, и еще потому, что сама ячейка работала все время, при чем каждый член ее несет ответственность за определенную партийную работу, выполняемую под контролем ячейки».

Как видите, товарищи, речь идет здесь об очень простых вещах. И все же то, что сообщает нам этот рабочий из Центральной Чехии, есть подлинная большевизация. Вот так именно и надо действовать. Дело не в том, чтобы писать длинные тезисы, а в том, чтобы начать с самых простых вещей — по рецепту этого рабочего, — завербовать сначала четырех товарищей, потом еще четырех, а затем распределить среди них работу. Это и есть ленинизм в практической организационной работе.

Я хочу напомнить вам письмо тов. Ленина, написанное им в 1902 году, в ту пору, когда наше движение было еще очень молодо. В этом письме содержится план организации. То, что рекомендовал Ленин больше 20 лет тому назад русским рабочим в ту пору, когда пролетарское движение в России только начиналось, то же самое, но в гораздо более широких размерах и в другой обстановке делают сейчас рабочие сами, по своей инициативе, в другой стране, где рабочее движение уже насчитывает долгие годы существования. Так именно мы должны итти в организационных вопросах — шаг за шагом вперед. Мы должны говорить рабочим, что нам не нужны коммунисты только на торжественный случай, не нужны коммунисты для парада. Каждый подлинный революционер должен стараться привлечь на сторону партии и вовлечь в ее работу новых товарищей, рядовых рабочих. Эту работу надо неустанно продолжать.

«Век живи, — век большевизируйся».

Реорганизация не может быть произведена механически. Теперь это уже совершенно ясно. На пути большевизации встретится целый ряд препятствий, отчасти в виде неизжитых еще рабочими социал-демократических традиций, отчасти — препятствий чисто объективного характера. При проведении и развертывании кампании за большевизацию мы должны центр тяжести работы переносить на производственные ячейки. Самые наилучшие тезисы ничего не стоят, поскольку нет правильной организации, которая понесла бы эти тезисы в массы и сделала бы их ясными и популярными. На ряду с проведением правильной политики мы должны научиться строить и правильную организацию.

Что означает большевизация при той обстановке, которая у нас сейчас налицо? Первым делом никогда не следует забывать мудрой поговорки: «Век живи — век учись». В применении к большевизации это значит: «Век живи — век большевизируйся, век ленинизму учись». Было бы самообманом думать, что в несколько месяцев можно осуществить подлинную большевизацию или что вообще можно ее ограничить определенным сроком. Подлинная большевизация умов, партии, рабочего движения, это — процесс непрерывный.

Большевизация заключается также в правильном учете опыта, социального состава, обстановки в каждой стране.

Не следует упускать из виду, что механическое перенесение русского опыта в другие страны невозможно первым делом уже потому, что буржуазия тоже учла по-своему «Уроки Октября». Этого забывать не следует. После русской революции нам казалось, что революции в других странах будут протекать примерно так же, как наша. В настоящее время уже всем нам ясно, что протекать они будут несколько иначе, чем в России. Буржуазия, не забывайте, тоже извлекла для себя уроки из Октября. Нам, например, казалось ранее, что и другие страны будут переживать свой период керенщины. Сейчас становится уже очевидным, что в других странах керенщина едва ли будет в той же форме. Вспомним хотя бы недавние эпизоды гражданской войны в Гамбурге или Ревеле. Они доказывают, что можно ждать в этих странах чего-угодно, только не простого повторения нашей керенщины.

Большевизация состоит в том, чтобы научиться извлекать из опыта России, равным образом, как из опыта борьбы в других странах, наиболее существенные уроки, сочетать их с конкретными условиями и запросами той или иной страны. Прежде всего мы должны при этом учитывать социальный состав и расслоение

данной страны. На днях была найдена еще не опубликованная рукопись тов. Ленина, имеющая громадное значение. Это — набросок на тему о диктатуре пролетариата. Весьма любопытен в нем один пункт. Он предусматривает нижеследующую диференциацию: в деле определения основы диктатуры пролетариата в различных странах необходимо учитывать первым делом специфические черты социального состава этих стран. Надо знать, каково процентное соотношение между пролетариатом, мелкой буржуазией и капиталистами, каково расслоение внутри мелкой буржуазии и т. д. В виде примера Ленин говорит: допустим, в одной стране пролетариат составляет 51 проц., мелкая буржуазия — 40 проц., а капиталисты — 9 проц., в другой стране пролетариат составляет — 20 проц., мелкая же буржуазия — 75 проц., а капиталисты — 5 проц. Таким образом, ситуация для диктатуры пролетариата оказывается совершенно различной. Если затем принять во внимание, что расслоение в рядах мелкой буржуазии в свою очередь носит различный характер, — скажем, во втором примере—30 проц. бедноты, 30 проц.—среднего достатка и 15 проц. — зажиточных, — то окажется, что необходимо еще точнее определить специфические черты той или иной ситуации. Если во втором случае социальный состав приблизительно соответствует той основе, на которой развернулась русская революция, то в первом случае, наоборот, мы имеем дело со страной, где явно преобладает пролетариат, — наподобие, скажем, Германии.

Как видите, товарищи, в первую очередь необходим элементарный социальный анализ. До сих пор мы не везде научились проделывать даже эту предварительную работу. Так, например, нам казалось, что условия в этом отношении в Америке, Болгарии и Германии одни и те же. Никогда не следует забывать, что правильная политика предполагает умение диференцировать, учитывать своеобразие той или иной среды и специфический характер той или иной страны.

К стыду нашему должен сказать, что мне случалось встречать «вождей», которые на вопрос: сколько у вас в стране крестьян?— смущенно отвечали: этого я вам не могу сказать точно. Товарищ, которого я имею в виду, был притом родом из страны с многочисленным крестьянским населением, пришел он в партию из профсоюзной оппозиции. Как видите, на такой элементарный, но вместе с тем важный вопрос некоторые из нас не могут дать ответа. Тут уже не помогут никакие тезисы о большевизации. Такие люди напрасно называют себя большевиками. Пусть они в первую голову изучат социальную статистику собственной страны, не то тезисы о большевизации останутся для них книгой за семью печатями. Если вы не знаете социального состава вашей собственной страны и численного соотношения сил в ней, нечего и разыгрывать из себя большевиков. В лучшем случае вы можете остаться мужественными борцами рабочего класса, но о руковод-

стве революцией, о завоевании крестьянства и о привлечении его на свою сторону тут не приходится и думать.

Ленин учил, что надо бороться как за копеечную прибавку, так и за достижение наших конечных целей.

Дискуссировать сейчас надо не на тему, что такое большевик вообще, но по вопросу, что такое большевик при конкретной обстановке текущего периода, периода замедленного темпа мировой революции. В тезисах центрального комитета нашей братской германской партии, принятых в январе этого года, имеется превосходное место, которое я позволю вам зачитать. Там говорится:

> «Именно в такие периоды (замедленного темпа развития) каждый коммунист должен сознавать всю ответственность за каждый поступок, за каждое слово. Конкретность, положительность, острота критического анализа, бесстрашие, пламенная ненависть и разумное хладнокровие в отношении ко всем реформистским вождям, терпимость и большая терпимость по адресу всех инакомыслящих рабочих, организационные способности, вербовка неорганизованных в профсоюз с целью усиления влияния коммунистов, уменье просто и точно, в соответствии с действительностью, письменно разъяснять происходящее, отметание всякого цехового мещанского духа, — вот чего должна партия требовать от каждого из своих членов именно в такие периоды».

Эту формулировку я считаю прекрасной. В данный момент все эти качества действительно нам особенно нужны. Когда Ленин писал книгу «Что делать?», эту «библию большевизма», книгу, закладывающую основы большевизма, русское рабочее движение переживало младенческий период своего развития. Еще тогда Ленин охватил весь объем задачи, указав, что мы должны бороться как за копеечную прибавку к заработной плате, так и за достижение наших конечных целей. На ряду с мельчайшей повседневной работой трудиться над осуществлением наших великих целей — такова наша задача; она охватывает как борьбу за незначительные реформы, так и подготовку, выбор момента и проведение вооруженного восстания и, наконец, укрепление уже завоеванной рабочим классом власти.

Товарищи, надо констатировать, что в настоящий момент целый ряд наших партий переживает период, когда для них особо важно изучение большевизма именно довоенной эпохи. Разумеется, опыт, приобретенный нами после 1917 года, попрежнему остается подлинной сокровищницей для партий всего мира. Однако, некоторые из наших партий именно сейчас вступают в такую фазу борьбы и развития, когда усиленное значение приобретает усвоение принципов политики, тактики и организации большевизма эпохи до 1917 года.

*

О работе среди крестьянства.

Мы сделали решительные успехи как в профсоюзной области, так и в области работы среди крестьянства и в колониях. Начало работы в деревне представляется мне делом особенно важным. Однако, надо различать стихийное крестьянское движение, с одной стороны, и планомерную работу, коммунистическую инициативу в деревне — с другой. Стихийные крестьянские движения наблюдаются в различных странах и зачастую возникают там помимо инициативы и работы коммунистов. Бывает и обратное: есть страны, где уже имеются начатки коммунистической работы в крестьянстве, но нет еще стихийного крестьянского движения. На эти первые попытки охвата крестьянской массы Коммунистический Интернационал возлагает большие надежды. Надо сказать, что наконец-то лед сломлен. Мы переходим от слов к делу. Я напоминаю вам о крестьянских конференциях французской коммунистической партии. То же в Германии, подобного же рода предварительная работа ведется и коммунистической партией Германии. Следует отметить успехи в этом направлении и итальянской коммунистической партии. Попытки положить начало планомерной работе среди крестьянства наблюдаются и в Чехо-Словакии.

Берлинские, гамбургские и др. рабочие зачастую пользуются теперь воскресным днем для посещения деревни. Они выезжают на грузовиках в окрестные деревни, раздают там партийную литературу, устраивают собрания с крестьянами и пр. Это имеет огромное значение. Так действовали и мы, русские большевики. До 1917 г. РКП была партией «городской». Лишь в 1917 г. она стала проникать в деревню. Удавалось это, прежде всего, благодаря рабочим, посылавшим свои делегации в деревню; расходы по посылке их окупались путем денежных сборов на самих предприятиях.

Поскольку такая работа начинается, громадное значение приобретает суммирующий ее лозунг. Таким лозунгом является — «рабоче-крестьянское правительство» в понимании и толковании V всемирного конгресса. Там, где этот лозунг еще не пущен в ход, он должен быть теперь выдвинут путем широчайшей пропаганды. Было бы ошибкой отказаться от него только потому, что Брандлер и Радек его дискредитировали. Это обстоятельство отнюдь не говорит против лозунга, так как Брандлер и Радек пытались дискредитировать все наши лозунги. Брандлер навряд ли привлек хотя бы единого крестьянина на нашу сторону, но дискредитировать лозунг — это он сумел. Мы же постараемся, на ряду с привлечением на свою сторону крестьянства, популяризировать этот лозунг в его революционном истолковании.

О тактике единого фронта.

Перехожу к тактике единого фронта. Тактика эта не только не противоречит большевизации, но и является ее существенной составной частью. Без этой тактики не может быть большевизации. Большевик есть в первую голову массовик. Но, чтобы быть массовиком, надо непрестанно сохранять связь с рабочей массой, в том числе и с социал-демократической и беспартийной массой.

Я полагаю, товарищи, что мы лишь начинаем правильно применять тактику единого фронта. В эпоху, когда в Англии совершаются крупные общественные сдвиги, когда вопрос о едином фронте вовлекает в дискуссию один профсоюз за другим, применение этой тактики должно быть недвусмысленным, решительным, революционным, большевистским.

О политике частичных требований.

Коснусь еще в двух словах вопроса о частичных требованиях, которые должны выдвигаться партиями при осуществлении повседневного руководства борьбой рабочих. Этот вопрос тоже относится к области большевизации.

Не надо думать, будто мы считаем, что как раз теперь мы вступили в эпоху реформ; мы прекрасно понимаем, что эпоха замедленного развития революции отнюдь не способствует и проведению реформ. Было бы коренной ошибкой полагать, что замедленный темп обострения классовых противоречий и меньшая острота классовой борьбы равносильны расцвету реформ.

Подобного рода эпохи благоприятствуют не реформам, а реформизму. У нас теперь начнутся «болезни правизны». Серьезных же реформ мы, наоборот, не увидим.

Неужели вы думаете, что мы можем вырвать у теперешней буржуазии реформы? Я этого не думаю. Но это отнюдь не значит, что мы должны отказаться на этом основании от выставления частичных требований. Реформы, это — побочные результаты революционной борьбы. Когда борьба идет на убыль, наблюдается рост реформистских иллюзий, но отнюдь не расцвет подлинных реформ. И все же выдвигать частичные требования мы должны. Как раз в такие эпохи, как нынешняя, мы обязаны проводить правильную, разумную, планомерную, тщательно продуманную тактику частичных требований, не покидая, однако, рамок революционной борьбы и не разводя большевизации водою реформизма. Мы должны последовательно поднимать рядового рабочего от мелких вопросов дня до уровня вопросов крупных, вопросов эпохи. Мы должны ему доказать наглядно, убедить его на фактах его же собственного опыта, что из состояния нищеты он

с помощью мелких требований не выберется. Частичные требования являются, таким образом, именно в данное время непременной составной частью нашей тактики.

VII. Опасность «болезни правизны» в Коминтерне.

Я заранее предвижу, что после открыто высказанного нами признания относительно отсутствия в Германии непосредственно-революционной ситуации в результате этого непременно возникнут всяческие кривотолки и искажения наших подлинных взглядов. Будут оживать правые тенденции. Некоторые «коммунисты», никогда не имевшие о большевизме никакого понятия, считали, что революция обязательно должна совершиться в 2—3 года; если же она в ближайшее время не произошла, то уж лучше итти к социал-демократам. Эти герои будут нам теперь говорить: вот, видите, мы были правы. Начнется перекочевывание «ультра-левых» к правым, как это произошло уже с тов. Бордигой.

История с тов. Бордигой служит крайне поучительной иллюстрацией к сказанному мной. Почитайте-ка, товарищи, что пишет сейчас Бордига, вникните в его «мировоззрение» и призадумайтесь над вопросом, чем вызвана перемена, происшедшая с ним. Источником ее является неспособность Бордиги понять роль коммунистической партии в период замедленного темпа развития революции, его неспособность понять значение повседневной, мелкой, кропотливой, но вместе с тем большевистской работы в такую пору, его неуменье найти увязку тактики единого фронта, частичных требований и пр. во всей нашей великой, устремленной к конечной цели деятельности. Этим объясняется его прыжок (надеюсь, все же временный, надеюсь, он еще придет к позиции Коминтерна) от ультра-левых к правым.

Образец непонимания задачи большевизации.

Но есть у нас и более опасные правые, которые теперь уже предлагают нам сделать крутой поворот и проводить «новую» тактику. Я уже цитировал вам один документ, являющийся образцом правильного понимания большевизации. Теперь я позволю себе привести из жизни чехо-словацкой партии иного рода рассуждения, чтобы показать, как не надо понимать большевизации. Оговариваюсь, приводя эту цитату, что я отнюдь не намерен предвосхищать решений чешской комиссии, которая представит нам здесь свой доклад. Я не буду касаться ни борьбы, которая ведется в чешской компартии по организационной линии, ни вопроса о составе ЦК, ни борьбы между правыми и левыми.

Брюннские товарищи, что весьма похвально, прислали нам отпечатанные тезисы о разногласиях в КПЧ. Там много есть

и такого, что не представляет никакого интереса, много мелочей, о личных трениях и пр., о чем речь будет итти в другом месте. Итак, независимо от исхода внутрипартийной борьбы в Чехо-Словакии, я бы хотел вам сейчас показать, какие коммунисты имеются у нас еще до сих пор. Брюннские товарищи в своем предисловии к меморандуму, указывают на крупную роль Брюнна еще во II Интернационале. Я не намерен ставить под вопрос революционное прошлое (и настоящее) брюннских рабочих, но скажу лишь, что брюнским товарищам следовало бы кое-кого из своих вождей послать в школу ленинизма, а уж затем подумать, годятся ли они в руководители. В этих тезисах имеется глава, называющаяся «Революционный курс», где демонстрации против дороговизны смешиваются ни больше, ни меньше как с революцией.

Вот что там говорится:

> «Так называемые левые требовали, например, от нас в Брюнне, чтобы мы шли на столкновение даже там, где сильному наряду полиции мы можем противопоставить лишь пару сотен рабочих, и чтобы при этом мы не считались с тем, что это будет стоить нам кровавых жертв».

Далее читаем следующее:

> «Кое-кто из так называемых левых товарищей держится того мнения, что мы должны непрерывно «совершать революцию».
>
> Мы же полагаем, что задача коммунистической партии не в том, чтобы тем или иным путем революционное движение вызвать, но только в том, чтобы имеющееся налицо революционное движение правильно использовать и довести до конца. Тезисы III всемирного конгресса Коминтерна далеко не проведены у нас в жизнь, а было бы весьма важно, чтобы нынешний ЦК КПЧ разобрался задним числом в тезисах о тактике, принятых III конгрессом. Посылка агитаторов к рабочим с директивой поднимать изо дня в день новые революции относится к области выше охарактеризованной нами иллюзионистской политики в такой же мере, как и ребяческое представление, что о степени революционности той или иной эпохи можно судить, якобы, по количеству разбитых во время голодной демонстрации оконных стекол. Разгром лавок во время демонстрации против дороговизны по приказу ЦК есть нечто совершенно отличное от разгрома их голодной массой, вопреки увещеваниям руководящей верхушки. В первом случае мы имеем дело с обильной жертвами романтикой, а во втором — налицо верный признак революционной эпохи».

Нечего сказать, хорошо! А я и не знал, что битье стекол есть «обильная жертвами романтика».

Здесь, товарищи, надо сказать прямо: из каждой фразы торчат длинные ослиные уши социал-демократии. Подумайте только, от

бедных брюннцев требуют, чтобы они изо дня в день совершали «революции», притом в такой страшной форме, как демонстрации против дороговизны с разбитием стекол. Вот уже, воистину, не приходится поздравлять брюннских рабочих с наличием у них таких мудрецов. В предисловии к этим писаниям мы встречаем сетования на то, что брюннским товарищам навязали посылку в Москву делегации в составе одних только рабочих—дескать, со скрытым намерением «сознательно изъять заранее» теоретиков. Там же высказывается опасение, что посылаемые рабочие не будут в состоянии изложить Интернационалу все, что требуется, с необходимой ясностью и теоретической мотивировкой. На этом основании нас осчастливили вышеуказанным меморандумом с его блестящими «теоретическими» рассуждениями.

Признаюсь, я решительным образом предпочитаю беседу с брюннскими рабочими, по мнению автора этих тезисов, не подготовленными теоретически к дискуссии с нами, беседе с «теоретиками», сочинителями этих писаний. Вдаваться с авторами этой бумаги в споры — даром потраченный труд.

Заметьте, авторы этого документа не знают еще того, что мы здесь констатировали отсутствие в настоящее время в Германии непосредственно революционной ситуации. Если бы они об этом прослышали, о, тогда бы они не довольствовались одними разговорами о романтике, а наверняка стали бы поговаривать, что пора-де перекочевать к социал-демократии.

Именно теперь, в пору замедления революционного развития, важно пропитать наши партии духом ленинизма.

Товарищи, мы должны предвидеть такого рода «повороты» — и уже сейчас дать отпор таким товарищам. Действительно, в Западной Европе в настоящее время нет налицо непосредственно революционной ситуации. Но разве на этом основании надо отказаться от большевизма, пойти на уступки социал-демократии, поставить знак равенства между демонстрацией против дороговизны и революцией? Как раз наоборот. Именно потому, что приходится переживать тяжелые времена, когда кое-кто пасует, когда кое-кого уже одолевает усталость, когда социал-демократические партии подымают голову,—именно поэтому мы сугубо обязаны проводить целесознательную, решительную недвусмысленную собственную линию, мы сугубо обязаны быть непримиримыми большевиками. Пусть зарубят это у себя на носу брюннские товарищи.

Товарищи, тот путь, который мы сейчас намечаем для наших партий, отнюдь не приводит к замедлению темпа большевизации, наоборот, он означает ускорение процесса большевизации наших братских партий. Подлинный революционер, подлинный большевик обнаруживает свой настоящий характер как раз при нудной, бедной эффектами ситуации. Это непрерывно подчеркивал т. Ленин,

Стоит только революции вновь пойти на подъем и особенно одержать победу, как к нам нахлынут новые толпы революционеров. В 1920 г., когда ситуация в Германии казалась революционной, мы видели в этом зале господ Криспина и Дитмана. Стоит революции победить, как на нашу сторону перейдут многие — даже буржуазные элементы: буржуазное офицерство пойдет в Красную армию и т. д. Так бывает, когда рабочий класс победил. Для нас важно сделать наши партии большевистскими именно *теперь*, важно именно в нынешний, сравнительно глухой период пропитать их ленинским духом.

О проблеме партийного руководства.

Я хочу вкратце коснуться еще проблемы партийных руководителей. Правда, выдвигать на собрании руководителей партийных организаций проблему подбора руководителей — вещь иногда щекотливая. Но дело не в субъективной стороне вопроса, не в оценке отдельных лиц, а в объективном подходе к проблеме, которая составляет тоже целую главу в деле большевизации. В продукте брюннского творчества имеется такое место:

«Для победы нужно, пожалуй, наличие воли к борьбе не только у генерала, но и в первую очередь в массе.

Великое открытие, глубокая теоретическая мудрость! Воистину, жаль, что мы не имеем счастья видеть у себя этих брюннских «теоретиков», — мы много от этого потеряли.

Но шутки в сторону.

После V всемирного конгресса были написаны две любопытные в известном смысле статьи, к сожалению, по сей день еще не опубликованные. Одна из них принадлежит Тальгеймеру, другая — Крейбиху. В сущности говоря, у авторов обеих статей одна и та же позиция. Обе статьи являются отрицанием линии V конгресса. Один из авторов попрежнему заявляет теперь о своей абсолютной солидарности с резолюциями V всемирного конгресса, но при этом он забывает сущую безделицу, что его статья, о которой идет здесь речь, направлена прямо против резолюций V всемирного конгресса. Я не буду касаться статей в целом, остановлюсь лишь на той части их, где трактуется проблема руководства.

Авторы обеих статей вменяют в вину V всемирному конгрессу новую теорию и практику подбора вождей, похожих на «неисписанные листы». По их словам, множество старых вождей отстранено от руководства партийными организациями и заменено новичками, представляющими собой, по их мнению, «неисписанные листы». Новички только и делают, что прислушиваются к Москве и творят все, что им прикажут, готовы подписаться подо всем, что им продиктуют. Вы понимаете, конечно, товарищи, что это значит. Выпад весьма злой. Полемика эта лишена принципиального характера, но она отравляет политическую атмосферу.

Мы должны здесь подойти к вопросу конкретно. Спрашивается: мыслимо ли такое положение вещей, чтобы руководящая верхушка не обновлялась, не освежалась бы последовательным втягиванием в нее новых, свежих элементов, черпаемых из новых слоев? Я отвечаю: нет. Правы ли те, кто утверждает, что мы не умеем ценить старых вождей, имеющих крупный политический опыт? Ни в малейшей мере нельзя их считать правыми. Никоим образом! Почти все наши партии вышли из недр II Интернационала. Так обстоит дело и с русской партией, вплоть до 1918 г. именовавшейся социал-демократической рабочей партией. Мы тоже когда-то входили во II Интернационал. Мы прекрасно знаем, что за одну ночь социал-демократ большевиком не становится. Каждый из вождей проходит процесс более или менее длительного развития. Все мы знаем, что у товарищей, пришедших к нам от социал-демократии, есть как слабые, так и сильные стороны; их сила часто в накопленном ими политическом опыте. Никому из нас и в голову не придет утверждать, что надо избавиться от старых вождей. Каждый объективный наблюдатель, наоборот, должен признать, что мы обнаруживаем большую терпимость по отношению к старым вождям; так, например, во французской партии мы сделали все от нас зависящее, чтобы удержать их в своей среде. И мы всегда радовались, когда это нам удавалось. Удавалось нам это и в других странах.

Следует ли отсюда, что мы, более старые работники, — я тоже причисляю себя к ним, — должны зарываться настолько, чтобы стремиться все сделать самим, предлагая молодежи обождать? Отнюдь нет. Но и льстить молодым вождям не следует. Мы открыто говорим, что им в политическом отношении многого недостает, что им нужно совершенствоваться и учиться. Мы всегда повторяем им: «Большевизируйся и сам, работай над самим собой». И молодняк нас понимает. Нам нужна своего рода амальгама, органическое соединение лучших представителей старого поколения с даровитейшими представителями нового, пустившего побеги в послевоенную эпоху. В таком соединении мы нуждаемся во что бы то ни стало. Но не всякий «лист» заржавевшего железа годится для амальгамы, — с этим всякий будет согласен. Тов. Ленин в шутку, бывало, говаривал: «Когда человеку перевалит за 50 лет, он обязательно становится оппортунистом», и делал отсюда вывод, что вождей, которым минет 50 лет, надо более или менее сдавать в архив. Мы иногда соглашались с ним, но требовали исключения— для него самого. Может, однако, оказаться, что во многих случаях придется делать исключения. Будем надеяться, что это так. Те же, кто настолько закоснел, что новая струя новой эпохи проходит мимо них, бесследно для них, пусть посторонятся. Но проблему партийной верхушки только и можно разрешить путем органического сочетания для осуществления партийного руководства представителей двух поколений.

Теория «неисписанных листов» совершенно искажает суть дела. Изобретатель этой теории изображает дело так, будто подбор новых центральных комитетов у нас зависит от настроения и произвола членов президиума Исполкома Коминтерна. На самом деле это, конечно, не так. Причины смены вождей лежат значительно глубже. Они восходят еще к моменту нарождения Коммунистического Интернационала. То обстоятельство, что III Интернационал вышел из недр II, имело свои последствия. Это видно хотя бы по той борьбе, которую приходится вести многим товарищам с социал-демократическими пережитками своего прошлого. Пусть те, кто поучает нас необходимости щадить старых вождей, оставят свои поучения для себя. Упрекнуть нас в недостатке терпимости в отношении старых работников отнюдь нельзя. Мы в широчайшей мере проявляли ее ко многим товарищам из чехословацкой, французской, германской, итальянской и вообще всех наших братских партий. Если мы и заслуживаем какого-нибудь упрека, то отнюдь не в легкомысленном отметании товарищей старого партийного закала. Точно так же несправедлив и совершенно незаслужен упрек в передаче руководства тем, кто готов подписаться подо всем, что ему подсунут.

Таким образом, мы не имеем никакого основания бояться постановки перед рабочими массами вопроса о руководящих кадрах. Тов. Ленин никогда не боялся ставить вопросы открыто. Он вместе с тем учил нас, что без руководящих кадров, сознательно идущих к определенной цели, исполненных решимости, дисциплинированных, не может быть и революционной пролетарской партии. На протяжении десятилетий, вплоть до 1917 г., во всех странах II Интернационала Ленина обвиняли в диктаторских поползновениях. Это было одним из популярнейших обвинений, выдвигаемых против Ленина буржуазией и значительной частью II Интернационала. Все ему кричали: «Ты — диктатор, тебе хочется иметь послушных подданных, ты хочешь поставить свою собственную волю над волей организации». Это было в ту пору, когда Ленин не пользовался еще общим признанием в качестве вождя международного пролетариата. К этим воплям присоединилась и социал-демократия. Мы же знаем, что без централизованного, дисциплинированного руководства не могла бы и не может сложиться революционная рабочая партия.

В наши дни — замедленного темпа революционного развития — это положение применимо больше, чем когда бы то ни было. А потому, товарищи, мы ни малейшим образом не боимся постановки этого вопроса. ИККИ никогда не подходил к вопросу так: ты согрешил, следовательно, тебя будут преследовать до седьмого колена. Мы говорим так: если ты оппортунист, мы будем с тобой бороться, пока ты не признаешь своих ошибок. Зачастую дело изображают так, будто мы стремимся к унижению товарищей, требуем от них повинной: «я-де согрешил». Никогда ничего подобного

мы не требовали. Крейбих в своей статье спрашивает: что это за обычай требовать самоуничтожения того, кто ошибся? Его упрек — сущая нелепость. В мировой партии пролетарской революции не может быть и речи о самоуничтожении. Никто так вопроса не ставил.

В наших тезисах о большевизации партий есть места, подчеркивающие необходимость внутрипартийной демократии. Эта внутрипартийная демократия нужна нам, однако, не для оппортунистов, не для тех, кто требует «свободы критики» в интересах буржуазии. С такими людьми мы будем бороться как с явными врагами. Свободы критики требуем мы для всех товарищей, с которыми мы идем одним путем в деле нащупывания революционной истины.

В статье, посвященной мною молодежи, если не ошибаюсь, опять-таки в Чехо-Словакии, усмотрели новую теорию. Нам навязывают желание заимствовать вождей только и исключительно у Интернационала Молодежи. Придется, как видно, кое-кому из старых вождей спросить себя: «Уж не вступить ли и мне в комсомол?». Комсомолу мы отдаем должное. Он имеет крупные заслуги и способствовал кое-где большевизации наших партий. При нормальных условиях партия воспитывает молодежь, а не наоборот. Партия должна помогать молодежи большевизироваться. Итак, пусть успокоятся те, которые думают, что ИККИ хочет «подбирать» вождей для партии только в Интернационале Молодежи.

VIII. Марксизм и ленинизм.

Большевизация партий должна происходить на почве ленинизма.

Товарищи, весь вопрос о большевизации мы ставим на почву ленинизма. Что такое ленинизм, и какими новыми выводами обогатил он теорию марксизма в целом, — это мы довольно подробно изложили в наших тезисах.

Я вынужден констатировать, что не все товарищи правильно понимают взаимоотношение между марксизмом и ленинизмом. У меня в руках заявление французского товарища, частенько в шутку именующего себя единственным французским марксистом. Я имею в виду Шарля Раппопорта. Речь идет об одном месте в его речи, произнесенной им на последнем съезде французской партии. Вот как передает это место «Юманите» в № от 19 января:

«Многие товарищи не понимают, в чем сущность большевизации», — заявляет Раппопорт. Он высказывает сожаление, — добавляет газета, — что наблюдается тенденция к замене марксизма ленинизмом».

Раппопорт сожалеет, что имеется «тенденция заменить марксизм ленинизмом»! Итак: «единственный французский марксист» считает, что мы хотим заменить марксизм ленинизмом. То же слыхали мы недавно из уст Фридриха Адлера. Адлер говорит, что в Коммунистическом Интернационале усиливается тенденция все реже и реже упоминать о марксизме, все чаще и чаще говорить о ленинизме. Фридрих Адлер усматривает в этом доказательство нашего отхода от марксизма. Когда подобного рода сказки рассказывает Адлер, нас это мало трогает. Но весьма печально, когда это делают наши собственные товарищи. Должен, однако, открыто признаться, что у нас в России некоторые марксисты-одиночки высказывают подобные же мысли, что и «единственный французский марксист» Шарль Раппопорт.

Я думаю, расширенному пленуму ясно, в чем тут дело. Пленум понимает, почему мы подчеркиваем значение Ленина. Ленин немыслим без Маркса. Ленин был учеником Маркса. Ленинизм — это и есть подлинный, неискаженный марксизм нашей эпохи. После того, как II Интернационал исказил марксизм до неузнаваемости и стал волочить знамя его в грязи, подлинный марксизм остался жить только в ленинизме, а потому и большевизация партий должна происходить на почве ленинизма. Это мы высказали в своих тезисах. Мы будем это проводить и в дальнейшем, как в теории, так и на практике. Мы никоим образом не собираемся отрекаться от славных традиций I Интернационала и даже от многих, действительно ценных традиций II Интернационала. Недопустимо, чтобы французский коммунист не знал, скажем, Гэда и Лафарга, а русский большевик знал бы Плеханова только как оппортуниста и не знал бы, что Плеханов в свое время был учителем Ленина, или чтобы германский коммунист забывал то ценное, что дала социал-демократия в раннюю, революционную эпоху своей деятельности. Мы не уступим нынешним социал-демократам Вильгельма Либкнехта и Бебеля времен «исключительного закона против социалистов». То, что есть подлинно-марксистского в революционных традициях старой польской демократии, мы также должны бережно хранить, как ценнейшее историческое наследие. То же надо сказать и о союзе «Спартак». Но было бы коренной ошибкой считать всех спартаковцев предуготованными вождями, которых не полагается, мол, спрашивать, как они смотрят на «саксонскую» политику или октябрьские события 1923 г. Так не годится, товарищи. На основании старого патента мы не можем предоставлять «карт-бланш» всем спартаковцам. Но уже совсем не подобает кому бы то ни было кичиться тем, что «мы, слава богу, не спартаковцы». Мы умеем ценить и то хорошее, что дали нам левые независимцы в Германии. Левые независимцы привели в нашу партию массы. Но, с другой стороны, им свойственны были столь крупные слабости, что преодолеть эти недостатки удалось только после ряда кризисов. Мы должны учиться объединять

под знаменем революционного марксизма то ценное, что дали нам в свое время как союз «Спартак», так и левые независимцы.

Каждый молодой рабочий должен ясно отдавать себе отчет в том, что коммунистическое движение выросло на плечах нескольких предыдущих поколений, — поколений, которым были присущи как слабые, так и сильные стороны. Коммунистический Интернационал появился на свет внезапно. Он стоит на фундаменте, сооруженном революционерами прежних поколений. Величайший ученик Маркса, Ленин тщательно изучал теорию и практику старых поколений революционеров и воспитывал новое поколение в духе преклонения перед историческими подвигами тех, кто подготовил почву Коммунистическому Интернационалу. Ленин всегда настойчиво указывал нам на уроки, которыми мы обязаны успехам и неудачам тех, кто боролся раньше нас. Коммунизм ведет свое начало не от 1919 года, не с момента основания Коммунистического Интернационала, — у него имеется и более раннее, славное и обширное прошлое. С этим прошлым надо знакомиться, его надо изучать, а таким знакомством и изучением у нас обычно пренебрегают. В этом отношении замедление темпа развития революции имеет и свою положительную сторону, заключающуюся в том, что мы тоже используем передышку, которую дарует история буржуазии. Передышка пойдет впрок рабочему классу, поскольку будет использована для углубленного самоизучения, хотя бы нашими университетами в это время и оказались тюрьмы. Но и планомерное изучение при помощи курсов, партшкол, кружков и т. д. приобретает в наши дни сугубое значение. Мы используем эту передышку не только для более совершенного построения наших организаций, но и для учебы, для работы над самими собой, мы используем ее для того,чтобы выработать из себя подлинных коммунистов, таких, какими представлял их себе тов. Ленин. Это— одна из задач большевизации.

Через все препятствия и трудности — вперед!

Резюмирую сказанное. Товарищи, мы вынуждены были констатировать ряд не совсем отрадных фактов, мы должны были отметить у себя многие недостатки и недочеты. Мы должны прямо смотреть в глаза истине. Мы должны признаться, что вопрос о сроках революции подлежит дальнейшему пересмотру. Мы раньше исчисляли иногда время месяцами, теперь мы вынуждены исчислять его годами.

Мы определенно должны сказать, что в некоторых странах непосредственно-революционной ситуации налицо сейчас нет. Мы должны отдать себе отчет в том, что мы вступаем в стадию д л и т е л ь н о й и упорной работы по большевизации наших

партий. Ленинизм не свалится для наших партий готовеньким с неба.

Нам предстоит серьезная борьба против опасностей. Лозунг большевизации и возник в борьбе против правых тенденций. Он и в дальнейшем будет стоять, главным образом, под знаком борьбы против правых, — разумеется, и против ультра-левых, — уклонов, против упадочности, которая местами начинает над нами тяготеть. Достаточно указать на пример Брюнна. Возможно, что и в других странах обнаружатся подобного рода явления. Этого надо ждать именно теперь, в виду обозначившегося замедления темпа революционного развития. В ряде наших партий большинство составляет масса, пришедшая к нам из социал-демократических организаций. Особенно сильно это обстоятельство с его последствиями сказывается сейчас в Чехо-Словакии, где 73 процента членов партии — бывшие социал-демократы. Таково же, думается мне, процентное соотношение и в германской партии. Такое же соотношение мы имеем и во многих других странах. Разумеется, мы *можем гордиться тем, что* разбиваем социал-демократию и отбираем у нее рабочих. Мы будем отрывать рабочих у социал-демократии и дальше. Но одного привлечения их на нашу сторону еще недостаточно. Надо этих рабочих перевоспитать, сделать из них революционеров — подлинных ленинцев, большевиков.

Темп революции замедлен. Но не следует искать в этом факте оправдания или объяснения наших собственных ошибок и недостатков, нашей идеологической инертности, оправдания тому, что не изжиты еще социал-демократические традиции. Рабочие, перешедшие от социал-демократии к коммунистической партии,—превосходные пролетарии. И в Брюнне рабочие наверняка в 99 случаях из ста серьезно преданы коммунизму и Коммунистическому Интернационалу. Но их развращают люди, по существу оставшиеся социал-демократами и смешивающие битье оконных стекол с революцией. Должен сказать, что, если нам придется «разбить пару оконных стекол» у таких оппортунистов, мы сделаем это с удовольствием.

Я должен заявить, товарищи, в заключение следующее. Линия наша в общем и целом остается прежней, как прежними, до конца преданными нашему делу остаемся и мы сами. Применяться к новой ситуации, оставаясь верными марксизму, — это далеко не оппортунизм. Это — революционный долг коммуниста. Путь до победы далек. Путь мировой революции длинен. Нам ранее казалось, что через пяток лет мы уже будем у цели. Мы пустились в путь и скоро поняли, что путь этот гораздо более каменист и тернист, чем это казалось нам вначале. Нам пришлось устранять камни и выкорчевывать пни, преодолевать все новые и новые препятствия, порою отступать, готовясь к новому прыжку с разгона. Мы убедились, что нам предстоит преодолеть еще значительные трудности. Что же, выполним и это! А направление пути

остается прежним, воля наша непоколебима, как и наша великая цель. Мы сумеем устранить с нашего пути камни и пни, мы расчистим себе дорогу, мы достигнем той цели, которая заполняет глубоким смыслом и прекрасным содержанием всю нашу борьбу. Мы осуществим коммунизм! (Бурные рукоплескания.)

О «стабилизации» капитализма и мировой революции.

(Заключительное слово на Расширенном Пленуме ИККИ 4 апреля 1925 г. Перевод с немецкой стенограммы.)

Неверные выводы из нашей оценки и ликование в стане врагов.

Товарищи, в докладе Исполкома мы говорили не только о стабилизации хозяйства Советского Союза, но и о частной стабилизации капитализма в отдельных странах Европы. Наше заявление в его последней части вызвало, повидимому, целую сенсацию почти всюду в Европе, да и кое у кого здесь в Москве. Вообще заявление относительно частичной стабилизации капитализма, как видите, творит чудеса. В некоторых буржуазных кругах — я отношу сюда же и германскую социал-демократию — сенсация особенно велика. Слышатся ликующие голоса: слава богу, революции больше не бывать. В предвыборной кампании германская социал-демократия выпустила на-днях листовки, начинающиеся словами: «Всемирная коммунистическая революция невозможна. Это признал Зиновьев». Итак, царит великая радость.

Коммунистический Интернационал стоит перед новой, довольно трудной обстановкой. Нам, товарищи, надо действительно уделить серьезное внимание вопросу о стабилизации капитализма. Некоторый минимум ошибок неизбежен, но не надо этим злоупотреблять.

Иные из наших товарищей уже и сейчас склонны делать преувеличенные, а то и ложные выводы из высказанного положения о частичной стабилизации капитализма в некоторых европейских странах. Говоря о частичном подъеме капитализма, мы нисколько не отказываемся от общей нашей концепции, признававшей, что с 1917 года мы вступили в *период мировой революции*. Это, очевидно, многие начинают уже забывать. Наш отправной пункт остается прежним. Мы и сейчас считаем, что переживаем *период, эру мировой пролетарской революции*, одержавшей в 1917 году свою первую победу.

Классовая борьба последних лет пропитывается элементами гражданской войны.

Уже делаются попытки истолковать наше положение о частичной консолидации в некоторых европейских странах капитализма в том смысле, будто революция вообще уже свелась на-нет. Любителям преувеличивать не мешало бы принять холодный душ. Это помогло бы им понять, что Европа еще не весь свет, а Германия— не вся Европа. Нельзя забывать, что, говоря об отсутствии непосредственно-революционной ситуации в Германии, мы имеем в виду лишь данный момент. Почему мы констатируем отсутствие непосредственно-революционной ситуации именно в Германии? Да потому, что не дальше, как года полтора тому назад такая ситуация была в Германии налицо. Произошли изменения. Надо их учесть. Но отнюдь не значит, что революция в Германии ликвидирована.

Даже буржуазия не станет утверждать теперь, что капитализм вернулся к «нормальному» довоенному положению. Но если даже допустить подобное преувеличение, тогда возникает вопрос: что же было до войны? Была опять-таки подготовка войны, была классовая борьба, постепенно обострявшаяся до степени гражданской войны. В данный момент непосредственной гражданской войны в Европе не происходит. Но в Европе протекает непрерывная классовая борьба. А классовая борьба послевоенной эпохи отнюдь не менее остра, чем классовая борьба до войны. Наоборот, почти всюду в европейских странах классовая борьба после войны пропитывается элементами гражданской войны. Чем отличается классовая борьба 1925 года от классовой борьбы 1910—12—1913 годов? Неужто более мирным характером? По-моему, наоборот; нынешняя классовая борьба более пропитана элементами гражданской войны и носит более острый характер, чем до войны.

Империализм обуздан некоторым страхом перед Коминтерном.

Допустим на момент, что капитализм консолидировался настолько, что вернулся к «нормальному» довоенному положению. Но и в этом случае для марксиста не тайна, что классовая борьба крайне обострилась еще до войны, что и тогда она местами переходила в гражданскую войну, отзвуки которой еще долго слышны были во всем мире.

Товарищи, вот уже целых шесть лет, как Европа не воюет. Это что-нибудь да значит. Мы не можем предугадать, когда вспыхнут новые войны, но что они предстоят, — порукой тому весь капиталистический строй, даже и при наличии временной стабилизации его. Империалисты чуточку побаиваются Комму-

нистического Интернационала, авангарда мирового пролетариата. Косвенно это видно из того, как реагировали империалисты и их лакеи — социал-демократы — на наше заявление относительно отсутствия непосредственно-революционной ситуации в некоторых странах. Ясно, что господа эти чувствуют себя не совсем прочно в седле. Они боятся вызвать демонов войны, так как им приходится очень и очень задумываться над тем, какие силы в момент начала войны бросит на чашу весов Коммунистический Интернационал, как ответит на войну авангард мирового пролетариата. Они знают, что теперь у нас будет не один Либкнехт, а тысячи и тысячи Либкнехтов.

Товарищи, можно сказать, что империализм, в данный момент царящий над миром, в господстве своем отчасти ограничен страхом перед Коммунистическим Интернационалом, перед авангардом мирового пролетариата. С этим огромным фактом нам придется еще неоднократно встретиться в процессе развития дальнейших событий.

Товарищи, итак, во избежание недоразумений, я должен повторить то, что уже говорил в своем докладе. Если брать не только Европу и не только один уголок ее, скажем, Германию, — хотя этот уголок и чрезвычайно важный, — если, говорю я, брать картину мира в целом, — положение приходится и теперь признать объективно-революционным. В некоторых частях света оно обостряется со значительной быстротой.

«Стабилизация» в Англии и пессимизм Ллойд-Джорджа.

Товарищи, одновременно с нашими дебатами здесь происходила весьма любопытная дискуссия и в английском парламенте, где Ллойд-Джордж на днях тоже говорил о стабилизации в Англии. Англия не принадлежит к числу беднейших и второстепенных стран Европы. Что же говорит Ллойд-Джордж? Газета «Таймс» так передает его речь [1]):

«Он (Ллойд-Джордж) не видит никаких признаков подлинного восстановления хозяйства. Если члены парламента читали за последние дни экономические приложения к «Таймсу», «Манчестер Гардиен» и статьи «Дейли Ньюс», т.-е. три газеты в корне различного характера, они должны были заметить, что все три смотрят на будущее чрезвычайно пессимистично... Если положение не изменится и в дальнейшем, он воистину ни за что не может поручиться. Он не считает такое положение результатом капиталистической системы, но если выхода найдено не будет, то рабочий класс поддастся уверенности, что положение это есть именно результат капиталистической системы. Он — не пессимист, но если ничего радикального не произойдет, катастрофа неизбежна».

---

[1]) „Таймс“ от 27 марта 1925 г., № 43921.

Так говорил Ллойд-Джордж во время прений в английском парламенте 26 марта.

Англия — оплот капитализма в Европе, и там-то мы слышим заявления в роде только-что зачитанного.

Положение во Франции, на Балканах, в Польше.

Возьмем теперь такую страну, как Франция. Произошла ли во Франции такая же стабилизация? Если Ллойд-Джордж признает, что стабилизация подвигается в Англии довольно медленно, то относительно Франции ни в политическом, ни в экономическом отношении даже и этого сказать нельзя.

Установилось ли равновесие на Балканах? Что-то не похоже, товарищи. Разумеется, то обстоятельство, что ситуация в Центральной Европе не является сейчас непосредственно-революционной, отражается до некоторой степени и на Балканах. Но на Балканах стабилизации нет. А Балканы имеют огромное значение для Европы. В начале всемирной войны они сыграли весьма большую роль.

Теперь возьмем Польшу. Наступила ли стабилизация там? Отнюдь нет. Вся картина жизни в Польше вопиет против подобного предположения.

План Дауэса и временная стабилизация в Германии.

Что касается Германии, то все мы, полагаю, одинаково расцениваем значение плана Дауэса и неизбежные последствия его применения в Германии. Мы считаем, что наблюдаемые сейчас в Германии явления стабилизации преходящи и что придет новое обострение положения и там. Если уж быть точным, то надо сказать: стабилизация в Германии началась еще с 1924 года, сейчас мы наблюдаем некоторые ее результаты, но на ряду с этим мы видим в Германии и начинающееся оживление и обострение классовой борьбы. Конечно, мне могут сказать: почему же вы в 1924 году не говорили, что положение в Германии уже стабилизировалось? Да именно потому, товарищи, что точно определить сроки невозможно: недаром Ленин вплоть до 1907 года включительно настаивал на том, что вторая русская революция придет очень скоро. Теперь-то, задним числом, ясно, что первая русская революция завершилась уже в декабре 1905 года и что 1908—09—1910 годы были годами некоторой «стабилизации» русского царизма, монархии и служивших ей оплотом классов. Но единственная революционная партия Европы — большевики — на протяжении всего 1906 и почти всего 1907 года продолжала настаивать, что мы непосредственно стоим перед второй революцией. Большевики знали, и Ленин это подчеркивал, что решают дело не только факторы объективные, но многое зависит и от самого рабочего

класса, от его партии, т.-е. от фактора субъективного. Долг революционера состоит в том, чтобы бросить на чашу весов все силы, пока целый ряд фактов не доказал, что количество перешло в качество, что враг стабилизировался и что надо теперь избрать иные пути.

История показывает ускорение темпа революционного развития.

Сколько же времени будет длиться нынешняя стабилизация? Какой промежуток времени она захватит в Германии и в других странах? Точно этого никто сказать не сможет. Можно лишь попытаться нащупать ответ путем сопоставления различных явлений. Нарастание темпа мирового революционного развития теперь вообще происходит гораздо быстрее, чем раньше. Это все мы видим. Обращаясь к историческим революционным датам, мы видим, что Великую Французскую Революцию 1789 года от революции 1848 года отделяют почти 60 лет. Затем дело идет скорее, и Парижскую Коммуну 1871 года от революции 1848 года отделяют лишь 20 с лишним лет; чуточку больший период далее отделяет революцию 1905 года от 1871. Промежуток между 1905 г. и 1917 г. уже гораздо меньше. В последующие годы 1917 — 1925 — последние 8 лет — развитие происходит очень быстро, хотя и не так ускоренно, как нам бы этого хотелось. Как долго еще продлится нынешняя межреволюционная полоса? С 1917 и до какого года? Точного ответа не даст никто. Но общая линия видна. Бег истории все более и более ускоряется. Темп исторического развития вообще, темп революционного развития делается в общем все более быстрым.

Каково ныне общее политическое положение рабочего класса? Мне приходилось уже слышать плачевные выводы в отношении отдельных стран. Исходя из того, что непосредственно-революционной ситуации в некоторых странах сейчас нет, иные заявляют, что рабочий класс разбит, распылен, и что потребуются годы, пока он вновь соберется с силами.

Рабочий класс в эпоху прежних революций.

Сравним же общее положение рабочего класса ныне с положением его в эпоху прежних революций. В борьбе 1848 года первые вспышки пролетарского движения были настолько основательно потоплены в крови рабочих, что возрождения революционного движения приходилось ждать целое поколение. Затем — Парижская Коммуна 1871 года. После разгрома Коммуны в Париже трудно было найти неосиротевшую семью. Велик был тогда упадок духа во французском пролетариате, и все же не прошло и десятилетия, как французский рабочий класс снова воспрянул к борьбе. Десять

лет спустя после Парижской Коммуны французское рабочее движение уже оправилось от нанесенного ему удара. Вспомните затем революцию 1905 года в России: она тоже была подавлена и потоплена в пролетарской крови. Наступил тяжелый кризис. Рабочему классу России пришлось иметь дело с жестоким врагом. Однако, не прошло и десятилетия, как русский пролетариат вновь встал на ноги и победоносно повел борьбу.

Рабочий класс не разбит.

Обратимся к Германии. Возьмем 1918—1923 годы. В эту пору германский пролетариат бился за революцию. Борьба шла не по неуклонно восходящей прямой, она протекала с перебоями и сопровождалась тяжелыми потерями со стороны рабочего класса. В европейском рабочем движении самые тяжелые жертвы за это время выпали на долю пролетариата германского. И, однако, что наблюдаем мы теперь в Германии, в стране, проходящей через полосу некоторой стабилизации капитализма? Разве есть там в рабочем классе что-либо подобное таким повальным настроениям отчаяния и упадка, сопровождавшим 1848 и 1871 годы? Ничего подобного! Значительный слой рабочего класса Германии сохранил свою бодрость, не теряет выдержки и в самой трудной обстановке непоколебимо идет за коммунистической партией.

А в других странах—во Франции, в Чехо-Словакии, в Польше? Видим ли мы там разбитый, раздавленный пролетариат, который может возродиться для революции лишь через долгий ряд лет? Ничего подобного! Положение здесь иное; рабочий класс только пытался произвести революцию, но он не переходит еще к решающим боям. Ни в одной из стран Европы нет, ведь, такого положения, когда рабочий класс после тяжелой борьбы разбит на-голову, когда, пожалуй, нужно ожидать, пока подрастет новое поколение. Этого нет! Мы видим лишь, что силы рабочего класса еще не созрели, еще недостаточны для того, чтобы одержать победу над буржуазией; но рабочий класс ни в коем случае не обезглавлен, не разбит, не подавлен, не затоплен волнами белого террора. Положение там совершенно отлично от положения в Венгрии или Финляндии, где царил белый террор; но — стоит это отметить — даже и в таких странах, как Венгрия, Финляндия, Эстония, несмотря на бушующий там террор, достаточно лишь нескольких лет, чтобы пролетариат вновь воспрянул к борьбе.

Товарищи, я говорю все это, дабы предостеречь вас от неверной оценки современного политического положения и состояния международного рабочего движения. Допустим, что в стране, где год тому назад клокотал революционный котел, ситуация перестала быть непосредственно революционной. Это обстоятельство отнюдь не должно служить причиной возникновения и роста упадочных настроений в нашей среде, оно не может привести нас

к мысли, что всюду в Европе разбито на-голову все наше поколение рабочего класса, как это было после 1848 и 1871 годов.

Рабочий класс имеет крепкий революционный тыл — СССР.

Я набросал семь пунктов, характеризующих особенности текущего момента, применительно к интересующему нас вопросу.

Первое. Возьмем полосу до 1917 года. Рабочий класс различных стран боролся тогда изолированно. Мы не можем отметить в этот период ни в одной стране ни одной более или менее решительной победы пролетариата. Каково же положение сейчас? Теперь международный пролетариат одержал в одной из стран более или менее окончательную победу. Я имею в виду СССР, шестую часть земного шара. Громадное значение имеет тот факт, что международный рабочий класс, что отдельные части рабочего класса, борющиеся против мировой буржуазии, имеют за собой опорный пункт, своего рода революционный тыл. Этот факт сам по себе имеет мировое историческое значение и ясно показывает, что нынешнее положение нельзя просто приравнивать к кризису, имевшему место после 1848 или 1871 годов. Итак, первый факт — победа, хотя и не окончательная, рабочего класса одной страны, создавшая для международного пролетариата революционный тыл.

На помощь мировому пролетариату идет Восток.

Вторым фактором является Восток. Социал-демократы изощряются в остротах по поводу того, что вот, дескать, наивные люди намерены в Китае теперь произвести революцию Но дело в том, что Китай имеет 400-миллионное население, что он подлинно может приобрести и приобретает мировое историческое значение, что мировой капитализм сейчас уже не может овладеть этой величайшей стихией, приходящей в движение.

Передовые отряды европейского пролетариата, разбитые генералом Галифе в Париже или даже позднее царизмом в 1905 г. в России, сражались одиноко, не находя прямой поддержки в остальной Европе и в колониях. Пробуждение Востока кладет конец такой изолированности рабочего класса; на историческую арену выбиваются новые силы, приобретающие крупнейшее значение для всего революционного движения.

Война революционизировала широчайшие массы рабочих и крестьян.

Третье. Мы пережили всемирную войну и живем в период подготовки новой. Всюду в Европе произошло пробуждение широчайших масс, в том числе крестьянства. После империалистиче-

ской войны массы уже не те, что до нее. Всемирная война сыграла роль величайшего «политического университета» для международного пролетариата и крестьянства. Накопленный рабочим классом, прошедшим во время мировой войны через горнило страданий, политический опыт должен неизбежно стать противоядием против любого идеологического кризиса в пролетариате. Этой яркой чертой также отмечена наша эпоха в отличие от прошлого.

Пролетариат живет в атмосфере гражданской войны.

Четвертое. Классовые противоречия нашей эпохи, как я уже отмечал в своем вступлении, проникнуты элементами гражданской войны. До 1917 года европейский пролетариат о гражданской войне только поговаривал, да и то не часто, да и то не ясно. С 1917 по 1925 год почти весь европейский пролетариат живет в обстановке, в атмосфере гражданской войны. Он меньше страшится кровавых боев. Всем вам знакома психология рабочих масс, создавшаяся со времени войны почти всюду в Европе.

Пробуждение крестьянства.

Пятое. Пробуждение крестьянства. Одной из причин гибели Парижской Коммуны явилось враждебное отношение крестьянства к рабочему классу. Российский пролетариат потерпел в 1905 году поражение в первую голову потому, что русское крестьянство шло еще тогда против рабочего класса. Во всех прежних революционных боях крестьянство не только не занимало нейтральной позиции, но часто относилось к рабочим прямо враждебно. Иное положение начинает занимать крестьянство в наши дни. Самые рядовые рабочие должны сейчас инстинктивно почувствовать, что они не так уже изолированы и одиноки в своей борьбе, как ушедшие поколения.

Революция не разбита.

Шестое. Мы не прошли полосы разбитых на-голову революций. Во всей Европе положение характеризуется лишь недостаточной еще зрелостью сил рабочего класса для совершения победоносной революции.

Седьмое. Революционный рабочий класс имеет теперь свой боевой штаб — Коммунистический Интернационал, воплощающий опыт революционного движения и оказывающий большую помощь отдельным отрядам международного пролетариата. В былые времена об этом еще не было и речи.

Тактика большевизма после революции 1905 года.

Таково, товарищи, объективное положение вещей, и я решительно восстаю против того, чтобы кто-либо ушел с нашей сессии с таким настроением, что, мол, наступила консолидация капитала,

рабочий класс повержен в прах, господствует идеологический кризис, надо начинать чуть ли не все сначала, партии неминуемо сократятся, кризис неизбежен в каждой стране. Товарищи, дело обстоит далеко не так.

После поражения первой русской революции 1905 года большевики в течение всего 1906 года спорили с меньшевиками по вопросу о сущности переживаемого периода. Вопрос ставился так: переживаем ли мы период, подобный 1847 или 1849 году, т.-е. находимся ли мы накануне новой буржуазной революции или уже перешагнули через нее? Меньшевики утверждали, что мы переживаем 1849 год, что царизмом одержана решительная победа, что устанавливается конституционная монархия, что царизм и часть крупной буржуазии разрешили задачи русской революции сверху. Мы должны, — говорили они, — отныне строить нашу партию по образцу европейской легальной социал-демократии и бороться за реформы, а «конечная цель» будет достигнута лет 50 спустя.

Большевистская партия, с Лениным во главе, держалась того мнения, что Россия переживает не 1849, а 1847 год. 1905 год она считала лишь репетицией. Грядет вторая революция, ибо царизму и крупной буржуазии не разрешить задач революции сверху. Это утверждали мы в 1907 году, и в 1908, и в 1909 и т. д., и т. д., вплоть до 1917. 1917 год от 1906 года отделяло десятилетие слишком. В течение всего этого десятилетия русские меньшевики и меньшевики международные злорадствовали: «А, что? Вы говорили, что это не 1849 год, вы утверждали, что не сегодня — завтра произойдет вторая революция? Где же она, эта ваша революция? Мы ее что-то не видим». «Большевики — фантазеры; идите же в нашу лавочку», — зазывают рабочих социал-демократы. Мы же говорили им тогда, говорим и теперь: пробьет наш час, когда мы посадим вас за решотку вместе с господами буржуа, и вам придется скрежетать зубами, видя, как победоносно развевается наше красное знамя. Эти 10 — 12 лет были для нас годами испытания. Не всякий склонен был верить, что правы все же большевики. История подтвердила нашу правоту.

Повидимому, — полную параллель здесь, конечно, нельзя провести, — в данный момент мы переживаем нечто подобное в международном масштабе. Господа социал-демократы, да и малая толика в наших рядах, утверждают, что рабочий класс переживает теперь в международном масштабе 1849 год, что впереди, таким образом, предстоит совершенно новая длительная эпоха консолидации капитализма на целые поколения. Мы же утверждаем, что нынешнее положение подобно не 1849 году, а промежутку между 1905 и 1917, равному 12 годам. Из этих 12 лет в Германии уже оставлены позади 6 лет. Если считать, что историческое развитие в международном масштабе протекает приблизительно так же, как в национальном масштабе до 1917 года в России, то и тогда нам

остается перевалить всего лишь через несколько лет, а никак не через целую эпоху, которая, будто бы, окажется отмеченной полной победой международной буржуазии. Разумеется, если рабочему классу трудно было перевалить через эту полосу развития в рамках одной страны, то тем труднее проходить через нее в международном масштабе, где само по себе положение пестро, разнокалиберно, ибо в некоторых странах буржуазия окрепла больше, в других — меньше. Но я считаю, что надо определять международное положение так, как большевизм оценивал обстановку, создавшуюся после первой революции в России. Тем более, что налицо, как я уже говорил выше, целый ряд моментов, в широком международном объеме благоприятствующих нам, нашей борьбе.

Уроки президентских выборов в Германии.

Я должен в нескольких словах остановиться специально на вопросе о Германии, потому что на долю Германии выпала сомнительная привилегия считаться страной, где в деле консолидации капитализма буржуазия достигла сейчас особого успеха, а также и потому, что самые горячие бои разыгрались в последнее время как раз в Германии.

Некоторые товарищи уже говорили здесь о президентских выборах. Пару слов о них. Мы потеряли на выборах довольно много голосов. Объясняется это отчасти тем, что рабочий класс вообще интересуется выборами президента меньше, чем выборами в рейхстаг. Мы видели, что и в Америке, и в Финляндии многие из наших сторонников не принимали участия в выборах президента. И социалистическую партию Америки, когда она была еще социалистической, на прежних выборах президента постигла такая же участь. В выборах президента вообще участвует меньше народу.

Но этого объяснения недостаточно. Есть здесь еще один момент, который требует большого внимания с нашей стороны.

В Германии сейчас возникает на время альтернатива: буржуазная республика или монархия. Разумеется, для нас, коммунистов, главное противопоставление: пролетарская диктатура или буржуазные государственные формы. Этим коммунисты отличаются от всех прочих партий. Такая точка зрения для нас неизменна. Но может возникнуть и такое положение, когда альтернатива «буржуазная республика или монархия» на некоторое время оживает и приобретает для масс актуальное значение в той или иной стране. Таково теперь положение в Германии. В этой фазе исторического развития вопрос о диктатуре пролетариата имеет лишь пропагандистское значение. Рабочие Германии инстинктивно чувствуют, что теперь в их стране ставится ребром вопрос о буржуазной республике или монархии. Боясь, как бы к преле-

стям плана Дауэса не прибавились ужасы монархии, они голосуют за социал-демократов, ища в этом спасения. Если наша партия этого не поймет и не сумеет подойти к вопросу по-большевистски, мы и дальше будем терять приверженцев. Дело тут не в количестве голосов — с потерей голосов можно здесь еще мириться — дело в опасности отчуждения от некоторых слоев самого пролетариата. Мы должны действовать так, чтобы быть как можно ближе к пролетариату.

Мне довелось слышать, как товарищи говорят: а разве нам не все равно, победит ли черно-красно-золотое знамя буржуазной республики или черно-бело-красное знамя монархии?

Нет, не все равно. Это — не марксистская постановка вопроса. Такой подход напоминает старые споры марксистов с лассальянцами (вернее, с вульгаризаторами лассальянства).

Какой вывод мы должны сделать из того факта, что 8 миллионов голосов подано за социал-демократию? Вывод ясен: вопреки накопленному опыту, пролетариат все еще не понимает, что социал-демократия — «третья» партия буржуазии. Мы должны стараться высвободить рабочий класс из пут буржуазии. Но различие между монархией и республикой мы должны видеть. Для классовой борьбы пролетариата буржуазная республика является почвой более благоприятной, чем монархия. Не потому, конечно, будто республика стремится к гражданскому миру, а потому, что эта форма правления ярче всего вскрывает подлинный классовый характер буржуазии. Теперь мы уже знаем, что и всеобщее избирательное право стало в руках буржуазии оружием в классовой борьбе против пролетариата. Но мы должны понимать, что при выборе между буржуазной республикой и монархией пролетариат не может оставаться безразличным. Если наша братская германская партия сумеет уяснить эту идею пролетариату, то это облегчит ее положение в период революционного затишья.

Я имею уже подробные данные о ходе президентских выборов в Германии. Из цифр видно, что в некоторых рабочих центрах социал-демократия отняла у нас известное количество голосов. Так было в Берлине и даже в Галле, где раньше мы всегда имели большинство. В Галле за нас было подано теперь 20 процентов голосов, за социал-демократов — 21,4 процента. И это в Галле, где полиция лишь на днях стреляла в собрание рабочих в закрытом помещении, — в Галле, где цитадель коммунизма.

Для рабочего класса большое несчастье, что он еще находится в идеологической зависимости от буржуазии и, следовательно, также от социал-демократии. Но должно ли это нас обескураживать? Должны ли мы предполагать, что это является признаком глубокого духовного кризиса рабочего класса и что он еще долго, быть-может, на протяжении десятилетий, будет гнуть спину под игом буржуазии? Нет, товарищи. Это только означает, что мы должны вести более длительную и более упорную борьбу за рево-

люцию, что значительные части наиболее передовых отрядов рабочего класса, — я причисляю германский рабочий класс к самым передовым, — пройдут еще через ряд неудач и поражений. Это принуждает нас считаться с психологией обуржуазившихся частей рабочего класса, не в том смысле, что мы этой психологией проникаемся, а в том смысле, что мы попытаемся ее лучше понять, чтобы легче вытравить из умов рабочего. Мы не можем сказать: 1.800.000 коммунистов у нас есть, и лишь с этой основной нашей колонной мы будем считаться. Эти 1.800.000 коммунистов — наша закрепленная позиция, наш железный кадр, цвет рабочего класса, рычаг мировой революции. Без этого кадра мы — ничто. Это так. Но весь вопрос, — как завоевать остальную массу? Для этого мы должны знать, где жмет сапог. Но не следует понимать это так, что мы будем плестись в хвосте и мириться со всеми недостатками рабочих масс.

Какие факторы ускоряют революционный процесс в Германии?

Я полагаю, что эта пауза в революционном движении, если можно говорить о ней в такой стране, где так часто происходят большие уличные демонстрации, крупные классовые бои, будет не особенно продолжительна. В России первая и вторая революции были отделены одна от другой промежутком в 12 лет. Этот промежуток был так непродолжителен благодаря тому, что революционный процесс в России ускорялся двумя факторами: 1) подходила новая война и 2) тем обстоятельством, что царизм не был в состоянии разрешить аграрный кризис. Крестьянство развивалось в сторону революции.

В Германии действуют три фактора, тоже большого значения:

1. Последствия поражения в мировой войне продолжают действовать. Германия остается добычей Антанты. Мирное международное разрешение вопроса не найдено.

2. В Германии рабочий класс гораздо сильнее, чем в России. В Германии численный состав рабочего класса выше почти втрое.

3. Германская революция развивается в атмосфере международной революционной борьбы и ожесточенных конфликтов, которые должны привести к новым мировым войнам.

Мы можем от души посмеяться над тем, что пишут разные пресмыкающиеся из «Форвертс»: «С мировой революцией покончено, сам Интернационал подтверждает это». Вы, германские друзья и товарищи, имейте лишь крепкие нервы. Нас в России 12 лет (с 1905 по 1917 г.г.) обстреливали такими статьями. Каждому большевику, который шел в тюрьму или на каторгу, меньшевики злорадно бросали: «Ты идешь в тюрьму, ты приговорен к каторжным работам только потому, что большевистская партия делает глупости, потому, что она держится романтической тактики. Ты

идешь в тюрьму напрасно, — революции нет и не будет, ты даром жертвуешь своей жизнью». Наши лучшие борцы это слышали на каждом шагу из меньшевистского лагеря. Но они были тверды, они говорили себе: «Нет, не все кончено, надо держаться, нельзя верить этим лакеям буржуазии». Товарищи, мы можем спокойно ответить «Форвертс»: «Дайте срок, наступит момент, когда мы скажем: покончено не с революцией, покончено с социал-демократией!».

Приемы Радека в речи Крейбиха.

Товарищи, я хотел бы еще остановиться на некоторых местах из речи тов. Крейбиха. Крейбих, собственно, говорил здесь, как заместитель тов. Радека. Это мы все хорошо поняли. Отсюда и некоторые специфические приемы в его речи, которые мы хорошо знаем у Радека: всякие россказни о «личностях» и разногласиях, гадания насчет того, существуют ли эти разногласия или нет. Тов. Бухарин сказал уже от имени нас всех, что все это пустые разговоры. В речи тов. Крейбиха проявилась «стратегия» Радека, полагавшего, что теперь можно отважиться на кой-какие шаги. Из некоторых оглашенных здесь документов вы могли лучше всего видеть цену этим соображениям. Я не стану на этом больше задерживаться. Я вполне присоединяюсь к сказанному здесь тов. Бухариным. Думаю, что то же сделаете и вы.

Азбуку коммунизма Крейбих принимает за «механическую теорию катастроф».

Перейду к некоторым принципиальным вопросам, затронутым в речи Крейбиха. Крейбих на пленуме, как и в чешской комиссии, позволил себе роскошь, которую не позволяют себе его единомышленники: достаточно открыто высказать то, что он думает. Поэтому он довольно откровенно грозил расколом и выступал с речами, которые звучали так же, как некогда выступления в этом зале Криспина и Пауля Леви.

Крейбих говорит: Зиновьев заявляет, что капитализм смертельно ранен. Значит, Зиновьев — за механическую теорию катастроф! И — что еще ужаснее — это не только «механическая теория катастроф», это—«элемент люксембургианства». Тов. Крейбих, не забудьте, что от Розы Люксембург исходит много хорошего. Я должен сказать, что старый башмак Розы Люксембург все же стоит больше, чем весь «радекизм» и «крейбихизм», вместе взятые. Мы критикуем многое в теории и практике покойной Розы Люксембург, прежде всего потому, что мы уже прожили еще 6—7 лет после ее смерти и имеем уже опыт русской революции и революции германской. Мы критикуем ее ошибки, но это не мешает нам видеть то великое, что было в Розе Люксембург.

Моему положению Крейбих противопоставляет другое положение, высказанное тов. Лениным. Он говорит: «Ленин на II всемирном конгрессе заявил, что для капитализма нет безвыходного положения, если пролетариат и его партия не спихнут его в яму, т.-е. не сделают революции».

Так как я не повторил этого, то я, видите ли, идолопоклонник «катастроф». Это смешно и нелепо! Ведь, я делал доклад именно по вопросу о большевизации партий. Что означает большевизация партий? Она означает подготовку авангарда пролетариата к пролетарской революции. Отсюда следует, что мы отлично понимаем роль субъективного фактора, значение рабочего класса и его партии в революции. Конечно, при отсутствии или при бездействии этого авангарда капитализм м о ж е т найти тот или иной выход. Это подчеркивал Ленин, это отмечаем и мы все. Итак, в каком же смысле можно противопоставить положение Ленина моим выводам? Где у меня «теория катастроф»? Тов. Крейбих, некоторые отдельные коммунисты, потерпевшие катастрофу, как коммунисты, весьма охотно видят «теорию катастроф» там, где речь идет лишь об азбуке коммунизма. (Аплодисменты.)

Тов. Крейбих далее говорит: «Тезисы Зиновьева не плохи, но доклад был попыткой их смягчения. Зиновьев не мог сказать всей правды, он слишком связан со своими левыми, и, г л а в н о е, он сделал им слишком много уступок».

Вы помните, какие горячие дискуссии, например, по профсоюзному вопросу были в наших рядах, в рядах коммунистов, которые могут и ошибаться. Мы сказали свое мнение левым товарищам. И так как за нами большой опыт, то оказалось, что мы были правы. Сложись дело иначе,—мы бы признали, что были неправы. На то и существует Коммунистический Интернационал, чтобы учитывать опыт работы и борьбы и, когда надо, выправлять линию. Я думаю, товарищи, что надо возможно скорее отказаться от таких методов работы, которые демонстрировал здесь т. Крейбих.

Отход Крейбиха вправо.

Тов. Крейбих в своей речи касался вопроса о правых. Он рассказывал, что в чешской комиссии я спрашивал у него адрес правых, но, видите ли, в виду террора и невозможности свободно высказаться, он не выдаст мне тайны. Он не сообщит мне даже конспиративный их адрес. Товарищи, после речи Крейбиха, однако, мы напали на верный след, который даст нам точный адрес. В Чехо-Словакии он таков: Крейбих, Раучек и К°. В интернациональном масштабе этот адрес таков: Крейбих, Радек, Брандлер, Росмер, Суварин и К°. Как видите, адрес у нас теперь в руках довольно точный.

Крейбих говорил о «комиссарском» подходе к вопросам. Я думаю, что в момент, когда Крейбих говорил это, Паулю Леви икалось. Леви должен был почувствовать, что Крейбих через пять лет повторяет то же самое, что некогда говорил и он. Только тогда говорили о «туркестанцах», а теперь говорят о «комиссарстве». На этом примере яснее всего видно, что Крейбих внутренне отдаляется от Коммунистического Интернационала.

Мы не спрашиваем чешских товарищей сейчас, готовы ли они разделять наши взгляды на мировое положение, мы спрашиваем, готовы ли они на практике поддерживать Коминтерн, принимать его решения и проводить их, а не заниматься дипломатией, как это делается во II Интернационале и как это не может и не должно делаться в III Интернационале? Мы твердо убеждены в том, что громадное большинство чешских товарищей, что чешский пролетариат поймет нас.

Я не могу обойти молчанием такой любопытный факт, как сообщение в полученном мною сегодня номере рейхенбергского «Форвертс». «Фюрвертс» передает следующее. Исключенный из партии вместе с Бубником г-н Варнбрун издал брошюру о чистке партии и методах Коминтерна. В качестве приложения к своей брошюре он перепечатал статью т. Крейбиха, написанную перед партийным съездом. Я не хочу сказать, что Крейбих несет за это формальную ответственность, но политически он несет ответственность за то, что ренегаты, которые уже борются против Коминтерна, которые уже стоят по другую сторону баррикады, используют его статью. Какие еще вам нужны предостережения, тов. Крейбих? Вы отдали дьяволу не только палец, но он уже взял почти всю руку, и не удивляйтесь, если он завладеет вашей головой.

Мы должны стать единственной и мощной партией рабочего класса.

Я кончаю. Обыкновенно мы, ученики Ленина, спрашиваем себя: что сказал бы Ленин при нынешней мировой политической обстановке? Как и на IV конгрессе, он сказал бы нам сейчас, что прежде всего надо учиться и учиться. Он сказал бы нам: оставайтесь массовой партией, но большевистской и коммунистической, а не полуменьшевистской, как кое-кто сейчас предлагает. Он сказал бы нам: бейте правых, не делая никаких политических уступок «ультралевым», которые являются лишь пособниками правых. Капитализм стабилизируется, но самое важное, чтобы мы сами стабилизировались, чтобы стабилизировалась наша партия, наш Коминтерн, чтобы обогащался наш идеологический багаж. При нынешней обстановке тов. Ленин еще раз напомнил бы нам о значении субъективного фактора — авангарда пролетариата и его партии.

Для партии Коминтерна в нынешний период сравнительного затишья возможны две перспективы: одна из них мрачная, печальная перспектива. Если мы, действительно, не сумеем удержаться на необходимом уровне в этот период между двумя революциями, кое-где в наших рядах могут возникнуть разочарования, кризисы, расколы, ренегатство, социал-демократические уклоны. Это — одна возможность, одна перспектива. Другая перспектива — мы научимся правильно прощупывать обстановку, диференцировать положение, мы окрепнем под ударами контр-революции, крепнет наша партия, мы сумеем использовать передышку, чтобы работать над самими собой, чтобы стать могучей и единственной партией рабочего класса. Я напоминаю вам, что в нормальные времена капитализма перед войной германская социал-демократия сумела сделаться партией рабочего класса. Правда, в ней тогда уже зрели семена измены, превратившей ее впоследствии в социал-предательскую партию. Но в свое время она была партией рабочего класса. Совершенно необязательно, и нет такого закона, чтобы в нынешнюю пору некоторой стабилизации капитализма (весьма непрочной, надо добавить) социал-демократия росла, а мы распылялись. Возможно, что при таком положении вещей, когда классовая борьба не выливается еще в форму гражданской войны, но уже пропитана ее элементами, когда социал-демократия превращается в «третью» буржуазную партию, — возможно, что мы именно в годы реакции станем еще массовой партией рабочего класса, той организацией, которая одна может и хочет руководить рабочим движением.

Наши тезисы ни в коем случае не означают, — как это многие им уже приписывают, — будто бы мы убедились в том, что наши партии не становятся массовыми партиями, что начинается эпоха господства в рабочем движении социал-демократии и т. д. Ни в коем случае нельзя понимать наши тезисы в этом смысле. Будет ли ошибкой, если мы проведем аналогию между положением в Коминтерне в данный момент и положением вещей в большевистской партии между 1907 и 1917 г.г. Известная аналогия здесь возможна. Трудно было одной колонне русского рабочего класса 10 лет удерживать под руководством Ленина свои революционные позиции, когда нам каждый день, именно так, как пишет сейчас «Форвертс», кричали, что с революцией «покончено». Так же трудно продержаться сейчас в международном масштабе, особенно когда нет с нами Ленина. И тем не менее мы должны продержаться, воспитывая революционные коммунистические партии, стараясь не только закрепиться на нынешнем базисе, но и расширить его, стремясь стать единственной партией рабочего класса.

Почему мы должны были теперь заявить, что стабилизация капитализма кое-где началась? Мы это делаем для того, чтобы отмести иллюзии, чтобы пойти верным путем, как бы он ни был

тернист. Никаких преувеличенных выводов! Но мы не должны склоняться на колени перед «ее величеством» стабилизацией. Мы должны думать о том, что самим нам нужно стабилизироваться, т.-е. большевизировать свои партии, удерживать свои позиции, работать и выжидать момента, когда мы, наконец, возьмем за горло буржуазию и, покончив с ней, станем строить коммунизм!

Я думаю, товарищи, что тот, кто пытается состряпать противоречие между V всемирным конгрессом и расширенным пленумом, либо стоит на ложном пути, либо же он заинтересован в том, чтобы искать истину. Наш путь все тот же. Конечно, иные решения I, II, III и остальных конгрессов не оправдались. Но множество решений и документов вошло в вечный инвентарь Коммунистического Интернационала. Данный расширенный пленум Исполкома продолжает и дает дальнейшее развитие прежним решениям. Наша сессия — «сессия большевизации» компартий. Мы будем бороться со всеми ложными тенденциями, подобными тем, которые выявило сегодняшнее заявление по делу Радека, Брандлера, Тальгеймера. Если понадобится, мы будем действовать еще более круто. Ленин учил нас, что в момент, когда буржуазия или социал-демократия крепнет то тут, то там, — что в этот момент всякий, кто пытается отклонить нас от нашей основной линии, должен встретить самый непримиримый отпор. Всем, кто попытается затащить нас в социал-демократическое болото, — мы скажем: если вам уж так хочется, милости просим, погрязайте сами. Мы же в болото не пойдем, мы остаемся коммунистами, мы остаемся учениками тов. Ленина. (Продолжительные рукоплескания. «Интернационал».)

Положение в Чехо-Словацкой Компартии и Коминтерн.

(Речь в Чехо-Словацкой Комиссии Расширенного Пленума ИККИ 27 марта 1925 г.)

— Товарищи, я согласен с тов. Шмералем, который в своей речи сказал, что чешский вопрос служит предостережением всему Интернационалу. Весь вопрос только в том, в чем именно заключается это предостережение, какие именно положительные и отрицательные явления обнаружил чехо-словацкий конгресс. Огромный интерес, проявляемый всеми товарищами к чешскому вопросу, подтверждает эту мысль. Чешская партия сама по себе — фактор весьма большого значения, и мы должны сугубо заботиться о ее судьбах. Но чешский вопрос имеет не меньшее значение и с международной точки зрения. Мы должны внимательно проанализировать этот вопрос, чтобы извлечь из него все необходимые для Коммунистического Интернационала уроки.

Ошибки левого Ц. К.

Я коснусь прежде всего в нескольких словах тех пунктов, в которых у меня имеются расхождения с левыми чехо-словацкими товарищами.

Я считаю, что в деятельности левого ЦК были ошибки. Разумеется, объективные условия, — я должен заранее это подчеркнуть, — сложились для левого ЦК чешской партии очень неблагоприятно. Значительная часть партии с первого дня работы нового ЦК поглядывала на него недоверчиво. Помнится, еще в первой корреспонденции, полученной нами после партсъезда, приводилось изречение Шмераля или кого-то из его друзей: «Левое крыло «потерпело» победу». (Возглас с места: «Изречение это принадлежит Гайсу!».) Так это изрек Гайс? Весьма остроумно. Но шутки в сторону. Что означает эта фраза, каково ее политическое содержание и о чем она свидетельствует в устах правого? Она определенно говорит о том, что правые были полны скептицизма, не хотели помогать ЦК, ждали только удобного момента, когда можно будет показать полную непригодность нового ЦК. В этой фразе слышится злорадство, авансом выраженное.

Всего этого не следует упускать из виду, товарищи. В момент, довольно затруднительный для партии, во главе ее становится новый ЦК. Но в это время вожди правых и часть партии дают лозунг: с новым ЦК не сотрудничать. Подождем, скоро обнаружится, что он «потерпел» победу. Такой подход значительной части партии к новому ЦК создавал для него обстановку, весьма неблагоприятную.

В чем же состояли ошибки левых?

Во-первых, я считаю доказанным, например, что в профсоюзном вопросе некоторые товарищи из числа левых ошибки совершили. Профсоюзный вопрос таит в себе теперь две опасности: одна из них заключается в ошибочном представлении, будто мы можем в таких странах, как Франция или Чехо-Словакия, отказаться от красных профсоюзов и без условий просто переходить в союзы реформистов; другая — в подходе к нашей профсоюзной тактике исключительно как к мелкому маневру. В чехо-словацкой партии были налицо обе крайности. Статья т. Штерна свидетельствует о наличии ошибок в профсоюзной тактике со стороны левых. Ошибки и правых и левых не только в чешской, но и в ряде других партий нам придется исправлять.

Вторая ошибка левого ЦК состояла в том, что он недостаточно заботился о крепкой связи с массовыми организациями пролетариата. Об этом надо сказать прямо. То обстоятельство, что члены ЦК ни разу не побывали в Кладно (возглас с места: «Они не побывали и в Брюнне!»), свидетельствует о ненормальном положении вещей. ЦК должен был итти в организации, разъяснять наши принципы пролетариату и влиять личным примером. При отсутствии живого общения с партийными массами все иные способы связи мало стоят. Правда, у ЦК не было еще достаточно времени, чтобы развернуть настоящую широкую работу, но факт остается фактом: ЦК слишком слабо работал в чешских областях, хотя и может похвалиться некоторыми успехами в этих районах.

Третий пункт я считаю важным не только для чешской партии, но и для всех партий Коммунистического Интернационала. Я имею в виду отношение ЦК к Исполкому Коминтерна. Левые товарищи проявляли слишком большую склонность все валить на плечи московского «дядюшки», на плечи Коминтерна. Они думают, что достаточно сказать: «Мы солидарны с Коминтерном», и остальное образуется. Нет, товарищи, так не годится. Верность Интернационалу—не в том, чтобы сваливать на Коммунистический Интернационал всю ответственность за все, что делается в партии и в рабочем движении, заявляя себя попросту солидарными с ним. Надо твердо стоять на собственных ногах и собственной работой добиваться желательных результатов. Это гораздо полезнее и даст лучшие плоды, чем перенесение всей ответственности на Коминтерн.

*

И, наконец, четвертый пункт, это — недостаток объективности, а порою и такта в отношении левого ЦК к лучшей части правых товарищей, ибо только недостатком объективности и такта можно объяснить, например, подчинение т. Запотоцкого в финансовых вопросах и т. п. такому мнимо-«левому», как Горн. Возможно, что в ту пору фракционная борьба была уже очень яростной и что акт этот вытекал из всей обстановки борьбы. Но все же мы имеем и здесь ошибку со стороны левого ЦК. Недостаток объективности и такта сказался, впрочем, и в некоторых других ошибках.

Таковы, товарищи, на мой взгляд, наиболее серьезные ошибки левого ЦК. Были, вероятно, и другие. Но все же мы не можем признать ошибочной политическую линию ЦК. Мы находим у него только организационные промахи, объясняющиеся политической неопытностью и вытекающие отчасти из трудного положения ЦК в целом.

К чему же сводится подлинная сущность чехо-словацкой проблемы? Несомненно, к правой опасности. В этом мы должны отдать себе ясный отчет.

Своим выступлением правые осложнили положение ЦК.

Остановлюсь, товарищи, в нескольких словах на личных обвинениях, имевших место в чешской компартии. Обойти этот вопрос молчанием нельзя. Теперь товарищи из правого крыла не хотят возвращаться к вопросу о Бубнике, они заявляют: «Что нам до Бубника? Это — скучная история, давно уже сданная в архив».

Товарищи, мы имели во французской компартии явление, аналогичное истории с Бубником. Об этом в своей речи нам недавно напомнил здесь т. Кашен. Что сказали бы Шмераль и Запотоцкий, если бы как раз в момент перехода Фроссара на сторону французской буржуазии Кашен вздумал выступить с какими-либо личными обвинениями против левых членов Центрального Комитета? Думаю, что каждый из вас сказал бы себе: допустим, что тот или иной товарищ, борющийся против Фроссара, совершил что-либо даже очень плохое, но в момент, когда общий политический интерес прикован к вопросу о Фроссаре, когда на сторону буржуазии переходит один из виднейших вождей партии, — в такой момент все мы дружно должны бороться против дезертира, но не ослаблять партии и не осложнять положения обвинениями против левых, а вопрос о нехороших делах того или другого бывшего левого мы разрешим организационным путем (через ЦК или ИККИ).

Что значит это в применении к Чехо-Словакии? Допустим, доказано, что Верчик и Зейдлер совершили очень плохие поступки. И все-таки в момент, когда Бубник переходит на сторону буржуазии, Шмераль и другие должны были сказать себе:

мы будем сейчас бороться против Бубника, что же касается проступков Зейдлера и Верчика, то мы покончим с этим делом чисто-организационным путем, при помощи ЦК или Исполкома. Мы ни в коем случае не ринемся в контр-атаку против левого ЦК, когда ЦК ведет атаку против изменника Бубника.

А что произошло на самом деле? А вот что: ЦК исключает изменника Бубника, и как раз в тот же момент начинается контр-атака против Верчика. Откуда она пошла? С правого крыла, и даже не только из среды брюннских товарищей, но и со стороны Шмераля. Это — факт. Обвинение против Верчика лишь совершенно случайно совпало с данным моментом, — скажут некоторые. Это не так. Мы знаем, что Верчик не один год был членом ЦК. Почему же именно в момент перебега Бубника к врагам вы, товарищи справа, нападаете на Верчика? Ясно, что правым желательно было использовать обстановку для ослабления левого ЦК. Никакой случайности тут не было. Председатель международной контрольной комиссии т. Стучка доложил здесь, что ничего особенно серьезного и значительного в деле Верчика не обнаружено, но если даже допустить, что провинности Верчика принадлежат к числу серьезных, все равно политическое значение неуместного выступления правых от этого не изменяется: ваши нападки, товарищи, означают, что объективно вы выступили на защиту Бубника, вы стремились поддержать его. Исключение Бубника вы болезненно восприняли, как удар по отношению к вам самим. Нельзя понять все это дело иначе.

Вмешательство Коминтерна и поведение правых.

Президиум Исполкома послал т. Шмералю лично и другим товарищам из правого крыла телеграммы, где говорилось: в вашей партии наступает острый политический кризис. Ваш долг — сохранить верность партии и доказать, что КПЧ есть подлинно единая, крепко спаянная партия. А как поступают Шмераль и другие товарищи? Ни один из них на телеграмму просто-напросто не ответил. Это ли выражение доверия Коммунистическому Интернационалу? Вместо того, чтобы ответить нам, правые товарищи в это время взвешивали соотношение сил в партии. Наше товарищеское обращение осталось без ответа, нашему предложению не последовали. А в этот момент разыгрался бой по вопросу о Бубнике. Сначала Шмераль высказался вообще против исключения, затем он возражал лишь против момента исключения, против формы, против метода исключения. Дальше Шмераль предъявляет ЦК ультиматум с требованием немедленного созыва национальной конференции. И, наконец, на сцену выплывают брюннские методы.

Шмераль очень любит говорить на тему о «методах». Как же обстоит дело с брюннским «методом», как оценивать метод,

состоящий в том, что отдельная группа товарищей захватывает газету, выбрасывает редактора, а телеграмму Исполкома, адресованную брюннской организации, не опубликовывает? В своей телеграмме мы писали: товарищи, мы знаем революционное настроение чешского пролетариата и убеждены, что в этот момент он верен Интернационалу. Брюннские товарищи кладут телеграмму под сукно. Как назовете вы, товарищи, подобного рода методы? Хорошие методы, нечего сказать! Неужели вы думаете, что Интернационал такие вещи допустит?

Проявил ли Коминтерн сверхцентрализм?

Тов. Шмераль говорил в своей речи о централизме. Я записал дословно то, что он по этому поводу сказал: Шмераль считает, что Исполком имеет право вмешиваться в дела отдельных секций, но Коммунистический Интернационал не должен поддерживать при этом ту или иную фракцию.

Вопрос о централизме имеет огромное значение для международного рабочего движения, и разобраться в нем надо основательно. Когда Транмель в свое время восстал против централизма, мы на него отнюдь не обрушились, а открыто заявили, что вопрос этот необходимо продискуссировать. Сверхцентрализм в международной организации может оказаться вредным. История нам показала, что I Интернационал распался отчасти в связи с вопросом о централизме. Движение приобрело тогда достаточно сильный размах, а в I Интернационале еще продолжали думать, что им можно руководить из одного центра при помощи слишком простых методов. Мы далеки от того, чтобы клеймить, как оппортуниста, каждого, кто ставит вопрос о централизме в Коминтерне. Надо возможно более точно определить границы централизма в Коминтерне. Чем больше растет и усложняется наше движение, тем осторожнее надо действовать в этой области.

Как же обстояло дело в Чехо-Словакии? Здесь утверждали, будто Коминтерн вмешался слишком механически, и указывали при этом на поведение тов. Мануильского. Что касается меня лично, я целиком беру на себя ответственность за поведение наших товарищей. Я считаю, что они поступали правильно. Шмераль говорит: «Для нашей партии «выискивали» вождей, и вот гляньте-ка на результаты!». Обождите, т. Шмераль! Результаты мы еще увидим, только несколько позднее. К чему поспешность? А впрочем, по-моему, результаты и сейчас неплохи. Все же, потерпим хотя бы годик, — увидим яснее.

Как обстояло дело в Чехо-Словакии? Муна говорит, что там было 60% правых и 40% левых. Другие товарищи считают, что их было половина на половину, третьи доказали, что когда на съезде дело дошло до решающих голосований, то на стороне левых было большинство. Но допустим, что между правой и левой

частями партии существовало численное равновесие. Обе стороны не могли сами притти к определенному соглашению. Как же должен был поступить в этом случае Коммунистический Интернационал? Когда ни одна из сторон не имеет достаточно перевеса, в дело и должен вмешаться Коммунистический Интернационал, ибо какой же может быть другой выход из положения, когда партия раскалывается на два лагеря? Другого выхода нет. И такое вмешательство вы рассматриваете как сверх-централистский метод? Если это «сверх-централизм», то, действительно, зачем же нам вообще Коммунистический Интернационал?

В сентябре 1920 года один чешский товарищ писал:

> «Предпосылкой успешности этой великой мировой гражданской войны международного пролетариата против капитализма является строгое объединение всех мужественных, надежных, непреклонных революционных сил в крепко спаянную международную боевую организацию. Тут не место колебаниям, шатаниям, лавированию. Надо открыто исповедывать свое «кредо», а не устраивать нечто в роде международного дискуссионного клуба: когда начинается сражение и раздаются первые выстрелы, не время офицерам вести стратегические споры. Трогательных рукоплесканий недостаточно; надо передавать дальше патроны. Состязаться с мировым капитализмом, раздающим приказания из единого парижского центра, сможет только генеральный штаб в Москве, а не женевский дискуссионный клуб. Тот, кто в разгаре войны, будучи солдатом мировой революции, болтает о демократии и мечет громы и молнии против диктатуры в партии, тот никогда не будет способен завоевать свободу человечеству.
>
> А вывод отсюда один: вступайте в III Интернационал.
>
> Сентябрь, 1920 г.».

Не правда ли, очень хорошо? Даже, пожалуй, немного чересчур хорошо. Кто же автор этих строк? Их писал в 1922 году... тов. Крейбих. Так говорил он на заре развития Коммунистического Интернационала. Кое-что у него преувеличено, взять хотя бы то место, где он говорит о «демократической болтовне». Внутрипартийная демократия, демократия в наших рядах, нам нужна.

Но главное: вы видите, что Крейбих в ту пору признавал Коммунистический Интернационал подлинным генеральным штабом. Теперь Крейбих понемножку регрессирует. Крейбих не спрашивал здесь, что такое «шмерализм». Ваше попятное движение, тов. Крейбих, от позиции Коминтерна до вашей нынешней позиции — тоже составная часть шмерализма.

Товарищи, я первый восстал бы против сверхцентрализма, ибо считаю его действительно опасным. Механический централизм в деле руководства партиями недопустим. Но в момент, когда партия переживает значительные трудности, в момент, когда одна

половина ее борется с другой только потому, что та держится линии Коминтерна, — в такой момент выступать против вмешательства Коминтерна — значит отказываться от основных принципов коммунистической работы. Вмешательство Коммунистического Интернационала в надлежащий момент отнюдь не есть ошибка. Если Коминтерн не будет этого делать, он уподобится II Интернационалу, который посылает в Болгарию, Венгрию и другие страны делегации для произнесения там красивых речей, а на деле не проводит никакой практической работы. Такого положения мы не можем допустить.

Политика правых.

Несколько слов о Брюнне. Нас здесь предостерегали против исключения брюннских товарищей. Я с самого начала был решительным противником исключения. Но я считаю, что здесь нужны резкие дисциплинарные меры, чтобы положить конец такого рода вещам. Тов. Муна одобрительно кивает головой, — я с удовольствием отмечаю это. Я не настаиваю на исключении, если удастся ограничиться другими мерами. Но если Коминтерн будет допускать такое положение, когда в партии отдельные группы захватывают редакцию, выбрасывают редакторов и прячут под сукно телеграммы Коминтерна, — то все перестанут Коммунистический Интернационал уважать. И брюннский пролетариат тоже перестанет нас уважать. Серьезного разговора с брюннскими товарищами нам не избежать.

В своей речи тов. Крейбих, по меньшей мере, *играл* угрозою раскола. Если говорить прямо, — это была вызывающая речь. Тов. Крейбих нас спрашивает: Как понимать ваше поведение по нашему адресу; вы лицемерите или боитесь? исключайте нас или прекратите разговор о «шмерализме». Не понимаю, что дает право тов. Крейбиху обращаться с такими речами к Коммунистическому Интернационалу. Но раз он уже это делает, я позволю себе ответить ему.

В течение некоторого времени мы говорили о «серратизме». Серрати — талантливый человек и крупная фигура в Коммунистическом Интернационале. Тов. Ленин им особенно интересовался, писал ему и старался лично на него повлиять. Посмотрите же, как зигзагообразен был путь Серрати. Он первый из итальянцев пришел к Коммунистическому Интернационалу. Затем он покинул наши ряды, ушел нехорошим образом. Он погубил свою собственную массовую партию. Между прочим, свой уход Серрати мотивировал тем, что мы не умеем ценить массовую партию и не понимаем необходимости ее создания.

Чего же достиг Серрати? Ему пришлось быть свидетелем того, как его партия (ИСП) разбилась в черепки. Несомненно, для Серрати это было великой трагедией, потому что он — человек

искренний и серьезно предан делу пролетариата. Он видел, как его партия постепенно превращалась в игрушку в руках подлинных предателей, губивших ее к великой радости буржуазии. Как поступил тогда Серрати? Он должен был примкнуть к ИКП, против которой раньше так много боролся.

Как мы вели себя по отношению к Серрати? Вначале, когда он стал колебаться, мы употребили все усилия, чтобы удержать его. Когда колебания его зашли слишком далеко, мы стали самым резким образом против него бороться. Так будем мы поступать и со всяким, кто поведет борьбу против линии Коммунистического Интернационала или станет от нее отходить. Когда же Серрати свои ошибки признал и начал их исправлять, мы тотчас перестали говорить о «серратизме». Мы сказали себе: опыт обошелся Серрати дорого, но он опять стоит плечом к плечу с нами в качестве солдата революции.

К чему, тов. Крейбих, ваш высокопарный парламентский стиль, ваши полемические выпады, отдающие школой венского парламента? При чем тут разговоры о лицемерии, боязни и т. д.? Ни о том, ни о другом здесь не может быть и речи. Мы совсем не боимся вас и мы не лицемерим, мы *хотим* найти общий язык с нынешним меньшинством ЦК для совместной коммунистической работы. Вам на деле преставился случай показать свое отношение к нам: с Коминтерном вы или против?

Вам, товарищи, представлялся случай показать, на чьей вы стороне. И вы это, действительно, показали. Одни из вас встали на сторону Бубника, другие поступили «синтетически»: одной рукой они держались за ЦК, другой — за Брюнн или Бубника.

Для нас дело не в лицах, а в линии.

Товарищи, смею вас уверить, что никто из левых товарищей нам «не брат и не сват». Может, разумеется, оказаться, что при всей правильности левого курса тот или иной товарищ в качестве руководителя окажется непригодным. Подбор настоящих вождей очень труден, порою для этого требуются годы. Но линия Интернационала в целом намечена твердо. Отвечайте же нам прямо: примыкаете вы к ней или нет?

Мы знаем, что кладненские рабочие — революционеры и революционерами останутся, навяжи им верхушка хоть десяток резолюций против Коммунистического Интернационала. Неужели вы полагаете, товарищи, что мы теперь объявим всю кладненскую организацию «правой»? Мы об этом и не думаем. Наоборот, мы будем бороться за каждого кладненского пролетария и в конце концов завоюем на свою сторону кладненских рабочих, ибо мы убеждены, что кладненский пролетариат *хочет* проводить линию Коммунистического Интернационала, а не линию Бубника или Крейбиха. Для нас подлинная беда, что мы не связались доста-

точно крепко с этой организацией; вина за это лежит на левом ЦК. Итак, вождей менять можно, но линия остается.

Товарищи из Кладно и Брюнна ошибаются, полагая, что мы держимся за определенных лиц. Что связывает нас с тем или иным товарищем? Неужели дело в том, что мы любим Нейрата больше, чем Муну? Отнюдь нет. Мы ценим Муну, как старого революционера. То же можно сказать и о Запотоцком. Для нас дело не в лицах, а в линии.

Оппортунизм и упадочное настроение среди правых.

Товарищи, то, что произошло в чешской компартии, нельзя сводить к личным моментам. Корни этого лежат глубже. Налицо глубокое политическое расхождение, обнаружившееся в партии. В чем же его сущность? Для нас это главный вопрос. Тов. Крейбих говорил вчера о «шмерализме». Он посмеивался над этим выражением и удивленно спрашивал: в чем же сущность «шмерализма?». «Шмерализм заключается в отходе Шмераля в целом ряде вопросов от линии Коминтерна. Если вам угодно иметь характеристику более общую, извольте: мы именуем это оппортунизмом. Мы хотим, чтобы Шмераль присоединился к общей линии Коммунистического Интернационала, а тов. Крейбиху, наоборот, хочется, чтобы Коминтерн присоединился к линии Шмераля.

«Шмерализм» существует, и его надо проанализировать. Вчерашняя речь тов. Шмераля, по-моему, продиктована паникой. Все признают, говорит он, что в Чехо-Словакии непосредственно революционная ситуация отсутствует. Какие же он делает отсюда выводы? Настроение его вполне ясно. Шмераль утверждает, что пролетариат вошел в полосу психологического, идейного кризиса, нервы рабочего класса расшатаны, в нем воцаряется упадочность. Но, товарищи, недавний выход на улицу десятков тысяч чешских рабочих — тоже ведь факт. Ведь не десяток лет, а всего лишь несколько дней назад десятки тысяч чешских рабочих с энтузиазмом демонстрировали на улицах против дороговизны. Это упускает из виду тов. Шмераль.

Допустим, что среди ультра-«левых» интеллигентов, ранее надеявшихся в каких-нибудь два месяца разделаться с буржуазией, царит своего рода «кацен-ямер» — тяжелое похмелье. Допустим даже, что эти настроения отчасти перебросились и в рабочую среду. Но, чтобы чешский рабочий класс, сильные и слабые стороны которого мы все знаем, чтобы он, не уступающий по своему революционному закалу ни французскому, ни германскому, ни пролетариату других стран, чтоб он вошел сейчас в полосу глубокого идейного кризиса, — это допустить трудно. То, что здесь утверждают правые, есть преувеличение не на 100, а на 1000 процентов. Тов. Шмераль или дал себя запугать или хочет запугать нас.

Рабочий класс не разбит, он продолжает бороться.

В такой стране, как Чехо-Словакия, классовая борьба неизбежна. О чем говорит нынешняя частичная стабилизация капиталистического хозяйства? Величайший оптимист, будь то буржуа или социал-демократ, в лучшем для него случае утверждает, что нынешний капитализм возвращается к состоянию равновесия довоенной эпохи. Вот максимум того, что можно сказать о стабилизации. Но и это неверно, так как каждый понимает, что мировая война — не простой эпизод, что война расшатала капитализм в его основных устоях. Но если даже допустить, — хотя это и невероятно, — что капитализм в наши дни столь же устойчив, как и до войны, тогда возникает вопрос: что же было до войны? Разве довоенный капитализм не был долгое время чреват опасностями войн? Разве не свирепствовала тогда самая яростная классовая борьба, заметно обострявшаяся из года в год, а последнее время — из месяца в месяц? Неужто до войны человечество пребывало в раю, переживало идиллию гражданского мира? Разве в недрах II Интернационала уже в ту пору не созревал III Интернационал?

Какую точку зрения противопоставляют нам здесь, товарищи? Вдумайтесь в то, что они нам пророчат: они предсказывают на целый ряд лет совершенный застой в рабочем движении, который вызовет идейный, психологический, моральный кризис — наступление такой поры, когда будет замирать всякая классовая борьба. Люди, стоящие на такой позиции, не могут вести за собою пролетариат.

Между тем, классовая борьба не только неизбежна, но она несомненно налицо. Мы наблюдаем ее развитие изо дня в день, мы видим, как то в одной, то в другой стране она принимает форму отдельных эпизодов гражданской войны. И при этом находятся люди, совершенно серьезно требующие от нас, чтобы мы обсуждали вопрос о «разложении» в рядах пролетариата. Позиция Шмераля абсолютно неправильна и служит доказательством его недостаточной политической прозорливости.

Тов. Шмераль говорит, что так как в настоящее время непосредственно революционной ситуации не имеется, то поэтому нам нужна «тонкая», «деликатная» тактика. Деликатная ситуация — тонкая тактика, — так гласит его тезис. Он требует от нас тактики весьма осторожной. На самом деле, почему бы нам не проводить тонкой тактики? Тов. Ленин, например, проводил весьма тонкую, весьма диференциальную, весьма деликатную тактику в годы между двумя революциями — 1905 и 1917 годов. В чем же эта тактика заключалась? Заявлял ли он тогда: разложение пролетариата налицо, настроение упадочности его одолевает, — мы погибли? Ничего подобного! Ленин высмеивал и беспощадно клеймил упадочность в рядах интеллигенции. И в то же время он соби-

рал и взращивал легальным и нелегальным путем силы пролетариата для подготовки революции.

Не следует, однако, забывать одного: после поражения 1905 года в России наступил период послереволюционный. Революция была подавлена, пролетариат был разбит, его восстание утопили в его собственной крови; крестьянство еще шло против рабочего класса. Это поражение по размерам своим напоминало разгром Парижской Коммуны 1871 г. Такого рода поражение, естественно, должно было вызвать глубокие потрясения в массах пролетариата.

Имеется ли подобная обстановка в Европе или, в частности, в Чехо-Словакии? Никоим образом! Разве рабочий класс Европы или Чехо-Словакии пережил поражение, которое можно было бы сопоставить с поражением 1871 и 1905 г.г.? Нет! Такого поражения он не переживал. Мы рассчитывали в более короткий срок достичь революционной цели, но ошиблись в расчете. Революция не произошла. Победа не одержана. Чехо-Словакия не прошла полосы революции и поражения ее.

Какие последствия имел для французского пролетариата разгром Парижской Коммуны 1871 г.? В Париже тогда не осталось почти ни одной рабочей семьи, которая не понесла бы потери во время боев Коммуны. Такой удар неизбежно повлек за собою психологический кризис и упадочность в рядах рабочего класса, длившуюся почти 10 лет.

Что мы переживали в России после 1905 г., — после года великих боев и сражений в Москве, Петербурге, Сибири и пр.? И у нас в ту пору трудно было найти семью, которая не оплакивала бы погибшего во время революции отца или сына. То была подлинно революционная массовая борьба, сопровождавшаяся длительным — на протяжении целого ряда лет — кризисом.

Что же мы видим в Чехо-Словакии в 1925 году? Таких жертв в революционной борьбе чешский рабочий класс не понес. Во время империалистической войны—да, рабочие и их семьи понесли чудовищные потери, и это лишь усугубляет их ненависть к буржуазии, повышает революционное настроение масс. Откуда же такой «глубокий, всеобъемлющий кризис» в чешском пролетариате, потрясающие картины которого рисует нам здесь тов. Шмераль? Та пессимистическая оценка массового настроения, которую дал здесь Шмераль, совершенно не обоснована. Если послушать и поверить Шмералю, можно подумать, что в Чехо-Словакии, как и во Франции времен поражения Коммуны, приходится выжидать десятки лет подъема рабочего движения.

Может ли такая мысль кому-нибудь притти в голову? Ведь и международное положение ныне совершенно иное. В наши дни оно складывается для рабочего класса гораздо более благоприятно. У международного пролетариата имеется Коммунистический Интернационал; в одной из стран, занимающей шестую часть суши,

установлена советская власть; из советской страны, цитадели пролетарской диктатуры, струится поток мужества к рабочим всего мира. В странах, соседних с Чехо-Словакией, рабочее движение растет. Неужели Чехо-Словакия — остров мертвых, окруженный потерпевшими поражение рабочими массами, испускающими последнее дыхание? Ничего подобного! КПЧ—живая, действенная партия, прекрасно чувствующая, что рабочий класс борется и в Германии, что сила пролетариата и во Франции и в Австрии неуклонно растет.

Мы поэтому считаем, что Шмераль значительно преувеличивает трудности, говоря о глубоком кризисе, об идейном кризисе, охватившем весь пролетариат. Это совершенно не соответствует действительности. Мы имеем дело с трудностями, которые рабочий класс и наша партия в Чехо-Словакии несомненно сумеют преодолеть, поскольку мы сами, мы, вожди партии, не утратим мужества и бесстрашно будем итти впереди масс.

Роль партии, как вождя, — быть всегда впереди, звать к бодрости, поднимать революционное настроение масс.

Как раз в такую пору, когда некоторые части пролетариата начинают колебаться, усиленное значение приобретает партия. Это не подлежит сомнению. Партия сугубо должна отдавать себе отчет в своей роли авангарда. Выдающаяся роль вождя, которую играет наша русская партия, сказалась столь ясно не только в момент октябрьского переворота 1917 года, когда масса в подавляющем большинстве шла за нею, но и в период кронштадтского восстания 1921 года, когда значительные массы пролетариата поколебались и на некоторое время, пожалуй, мы очутились в меньшинстве. У нас не было хлеба, а гражданская война казалась нескончаемой. Часть пролетарской массы поколебалась, и вот тогда-то и сказалась во всем своем неизмеримом значении руководящая роль коммунистической партии. И если мы в ближайшее время почувствуем, что некоторая часть европейского пролетариата начинает колебаться, — а это весьма вероятно, — если мы в частности будем наблюдать это и в Чехо-Словакии, — все это далеко еще не повод, чтобы мы, вожди партии, ударились в дискуссии о разложении пролетариата и стали бы искать вокруг себя существующие и несуществующие идейные кризисы. Нет, мы должны ободрять тех, кто начинает временно колебаться, мы должны увлекать их за собой, не давать им отставать в борьбе.

Тактика Ленина в промежутке между двумя революциями 1905 и 1917 годов отнюдь не была ни вульгарна, ни слишком проста. Ленин умел бороться с ультра-левыми уклонами, одновременно нанося сокрушительные удары правым. А положение русской пар-

тии в ту пору было более трудным, чем положение партии чехословацкой в наши дни, тов. Шмераль! Русская партия существовала тогда нелегально, вы же представляете собой в Чехо-Словакии легальную массовую партию. Разумеется, нужна тонкая, деликатная тактика, но в чем же состоит эта тактика в данную конкретную фазу развития рабочего движения? Она состоит в том, чтобы бороться против выплывающих в тот или иной момент ультра-левых тенденций, одновременно с этим нанося главные удары вправо; она состоит в том, чтобы массы революционизировать, но не отдаваться самим во власть упадочных настроений. Тем более беспочвенны, безосновательны панические, упадочные настроения Шмераля. А в том, что они вредны и опасны, — нет никакого сомнения.

Отход от партии под прикрытием разговоров о массовой партии.

Я спросил одного из чешских товарищей, как относится он к моему докладу о большевизации партии. Он ответил: все хорошо, есть только один пробел — в докладе не уделено специального внимания вопросу о массовой партии. Действительно, на вопросе о массовой партии я не останавливался специально. Однако, мне думается, то, что я говорил об Англии, о профдвижении и о тактике единого фронта, в конечном счете представляет собою подход к вопросу о массовой партии и ее тактике. Подлинных разногласий у нас здесь нет. Все мы сторонники массовой партии и будем ее строить.

Должен, однако, сознаться, что я питаю некоторое недоверие к тем товарищам, которые особенно «болеют» вопросом о «массовой партии» и которые только и говорят что о ней. Не стану утверждать, что все великие и маленькие покойники, оставившие наши ряды, начинали с этого, но значительная часть их несомненно так начинала свой отход. Они тоже обвиняли нас в намерении уклониться от образования массовой партии.

Пусть чешские товарищи вспомнят, что говорил Ленин на III конгрессе, как раз когда он критиковал ультра-левых. Ленин заявлял, что не всегда партия имеет возможность охватить организационно основную массу пролетариата. Но задача в том, чтобы и в периоды подполья остаться партией, отстаивающей интересы масс и умеющей выражать их чувства. В отдельных странах на время всегда может создаться положение, когда широкая масса пролетариата не будет еще в наших рядах.

Но, как я уже сказал, в вопросе о массовой партии разногласий в КПЧ не наблюдается. Мы и в Чехо-Словакии будем продолжать борьбу за еще большее усиление партии, как массовой. Секта нам не годится. Тов. Шмераль указывал, что при основании

партии у нас было 300.000 членов, а теперь осталось меньше. Подобного рода факты имеют большое значение, игнорировать их нельзя. Произошло отсеивание части рабочих. То же наблюдается и во многих других партиях. Было время, когда к нам перешло от германских независимых полмиллиона членов, позднее часть их вновь ушла. Эта текучесть количественного состава — проблема весьма серьезная. Можно ли, однако, сказать, что в ту пору, когда у нас было 300.000 членов, мы были сильнее, чем теперь? По-моему, нет. В партию входили тогда многие попутчики, позднее отставшие от нас. Сила и значение партии сказывается именно в том, что и в периоды отлива из нее различных групп попутчиков ядро ее, как и принципы, остаются непоколебимыми.

Это непостоянство состава партий — проклятие для рабочего класса. Если бы он оставался единым и сплоченным, мы, товарищи, давно уже одержали бы победу. Мы должны научиться понимать роль партии при буржуазном строе. Мы и в дальнейшем будем развиваться за счет тех или иных групп и партий и в первую голову за счет партии социал-демократической. Когда нам удастся разбить социал-демократию, мы несомненно завоюем крепко на свою сторону новые группы.

Национальный вопрос в чешской компартии.

Говоря о положении в чешской компартии, я должен в нескольких словах коснуться и национального вопроса.

Товарищи, всем нам ясно, что буржуазия и социал-демократия только и ждут, как бы сыграть на национальных моментах в нашей среде. Мы видим, как чехов хотят использовать против коммунистов других национальностей. Ядро партии состоит из чехов, они преобладают количественно, притом чехи не самая плохая часть партии. Какие обязанности вытекают отсюда для чешской части нашей партии? Те же обязанности, которые англичане имеют в отношении ирландцев в английской партии. Я этим отнюдь не хочу сказать, что положение здесь и там аналогично. Но некоторую параллель провести можно. Ленин говорил, что на той части пролетариата, которая принадлежит к господствующей в капиталистической стране нации, лежит сугубый долг и что она особенно высоко должна держать знамя международной пролетарской солидарности. В момент, когда социал-демократия и буржуазия сыплют политическую отраву в колодцы с водой, чтобы использовать в своих интересах национальную рознь в рядах пролетариата, каждый чешский рабочий должен себе сказать: на эту удочку я не пойду, я буду особеннно осторожен в отношении собратьев другой национальности и удвою усилия для выполнения своего международного долга.

Уроки чешского кризиса.

Товарищи, я резюмирую. Прежде всего в международной плоскости. Каким предостережением служит нам чешский пример? Позиция Крейбиха и Шмераля предостерегает нас от опасностей оппортунистического свойства, от неправильной оценки текущего международного положения и наблюдаемых явлений стабилизации капитализма. Некоторые товарищи рассуждают так: непосредственно революционной ситуации налицо уже нет, а следовательно нет вообще никакой надежды на революцию. Ошибочные выводы, опасная оценка.

Товарищи, мы видим, что чехо-словацкая рабочая масса представляет собой здоровую, сильную волей пролетарскую массу, должным образом относящуюся к Коммунистическому Интернационалу. Нам угрожали здесь в замаскированной форме расколом. Тов. Крейбих, угрожать нам теперь расколом — значит «подавать после ужина горчицу!». Те, кто заигрывает с идеей раскола, уже упустили момент. Несколько недель назад раскол, может быть, вам и удался бы, хотя в политическом отношении вы и тогда сломали бы себе шею. Ныне же срок упущен. Чешский пролетариат хочет единства. (Бурные рукоплескания.)

Чешским рабочим легко будет доказать то, что Коммунистический Интернационал в политике своей исходит не из групповых соображений. Нам нужны лица для дела, а не дело для лиц. Когда того требуют обстоятельства, лица сменяются. Спор же вращается действительно вокруг политической линии. Намерены ли вы медленно пятиться назад или готовы постепенно продвигаться вперед? Если у вас есть правое крыло, — как это признал здесь и Крейбих, — давайте вместе наносить ему удары. Когда темп развития революции замедляется, борьба против оппортунистов особенно необходима. Мы видели, что часть из вас в момент, когда мы схватили Бубника за шиворот, взбунтовалась против левого ЦК. Теперь же они заявляют: «Бубника мы вам дарим». Спасибо, мы дарим его вам обратно. (Рукоплескания и смех.)

Но где адрес других Бубников? Думаю, что, если бы только Шмераль и Гайс действительно захотели нам помочь, мы очень скоро отыскали бы целый ряд других Бубников.

Коминтерн требует от чешской компартии единства, сплоченности, верности коммунистической линии.

Мы требуем от нашей братской чешской партии не больше того, чего мы требуем и от всех прочих, а именно: борьбы объединенными силами против имеющихся у них Фроссаров, борьбы за единство партии на почве резолюций V конгресса и расширенного пленума.

Тов. Шмераль восстает против таких выражений, как «шмерализм» и проч. Никто из нас не позволит себе говорить о «шмерализме» с того момента, когда сгладятся политические разногласия и начнется совместная работа по проведению в жизнь резолюций Коминтерна. Неужели действительно нельзя достичь соглашения в такую пору, когда вся буржуазия силится использовать в своих интересах борьбу течений внутри партий? Поскольку же внутрипартийная борьба будет ликвидирована, проведение в Чехо-Словакии подлинной единой политической линии не будет представлять трудности.

Положение в КПЧ волнует весь Коминтерн. Допустим, что в нашей среде имеются товарищи, для которых, как выразился однажды Ленин, фракционная борьба есть нечто в роде спорта. Может быть, и есть такие товарищи, юные товарищи, которым не приходилось еще переживать серьезной фракционной борьбы и которые впервые в жизни с нею знакомятся. Таким товарищам мы заявляем: Коммунистический Интернационал давно уже вышел из этого возраста и фракционной борьбы не хочет. Больше того — он ждет единства и сплоченности. Лишь горькая необходимость заставляет Коминтерн возиться с этим вопросом, радостного же в нем мало. Будем надеяться, что это происходит уже в последний раз.

Вспомните, товарищи, те времена, когда борьба течений во французской партии, казалось, готова была принять «перманентный» характер. Вновь и вновь приходилось Коминтерну обсуждать «французский вопрос». Положение во Франции было гораздо труднее, чем в Чехо-Словакии: там приходилось преодолевать определенные традиции, крепко гнездившиеся во французской партии, — традиции прудонизма, бланкизма, социал-патриотизма, анархо-синдикализма и пр. Французской партии не хватало как доброй выучки, так и единого социального состава. Мелкобуржуазные элементы еще не преобладали в ней над пролетарскими. Таким образом, справиться с кризисом ей было гораздо труднее, чем ныне чехо-словацкой партии. И все же при содействии Коминтерна партия справилась с ними. В Чехо-Словакии у нас гораздо лучшие традиции, лучше организованный и прошедший лучшую выучку пролетариат, да и партия там носит более пролетарский характер, чем во Франции, а потому и кризис в Чехо-Словакии преодолеть будет легче. Все мы искренно желаем, чтобы чешский вопрос обсуждался в последний раз, чтобы нам не приходилось больше говорить о «шмерализме» и собирать такой парламент, как настоящая комиссия. Мы стремимся к подлинно единой линии, дающей возможность нашей чешской массовой партии успешно развиваться дальше.

С этими пожеланиями подходим мы сейчас к чешским товарищам. Дело не обошлось без резкостей. Это так понятно. Не пройдет и дня, как мы их забудем, если вы выправите линию. Мы

предлагаем кладненским и брюннским товарищам открыто заявить нам, чего они хотят. Справедливую критику мы всегда готовы выслушать.

Мы намерены ставить все вопросы открыто, не то ваша партия, эта превосходная партия, увязнет в болоте. Вот почему Коммунистическому Интернационалу пришлось вмешаться. Партия при содействии Коминтерна выработает единую политическую линию, которая, — мы в этом уверены, — будет проводиться всеми присутствующими здесь товарищами дружно и с искренней преданностью нашей общей великой цели. (Бурные рукоплескания.)

С Коминтерном — против правых, или с правыми — против Коминтерна.

(Речь на заседании чешской подкомиссии 30 марта 1925 г.)

Я буду весьма краток.

Тов. Запотоцкий сказал здесь — между нами, он вынужден говорить это, — будто Исполком несет ответственность за то, что в чешской партии авторитет Центрального Комитета подорван. Это очень тяжелый упрек, который необходимо проверить. Действительно ли Исполкомом была допущена подобная оплошность?

Я слышу этот упрек из уст чешских товарищей уж не в первый, а во второй раз. Впервые мне пришлось его услышать при следующих обстоятельствах: когда Шмераль и его сторонники были в большинстве в чешской партии, в один прекрасный день они совершенно механически исключили из партии группу работников со Штурцем, основателем партии, и Жилеком во главе. Когда мы узнали об этом исключении, мы сказали товарищам из тогдашнего ЦК, что их постановление не демократично. Мы занялись этой историей. Товарищи из Чехо-Словацкого ЦК явились к нам, и мы совместно с ними обсудили вопрос. Решение Центрального Комитета было отменено. Мы приложили все усилия, чтобы ликвидировать грубую ошибку шмералевского Центрального Комитета. И в тот момент нам заявили: вы подрываете всякий авторитет Центрального Комитета; теперь мы погибли: центральный Комитет вынес постановление об исключении, а Москва его отменила.

Вы видите, товарищи, как история повторяется. Мы были того мнения, что в подобном случае, когда исключается Штурц, Жилек и подобные им товарищи, мы должны пускать в ход тормоза. Нам придется и впредь поступать в этом духе, если Исполком хочет сохранить правильное руководство своими секциями. Но в данном случае, когда партия исключает Бубника, мы не тормозим, а тормозят другие. Итак, без лишних слов, товарищи: этот пример освещает все положение точно бенгальским огнем. Когда исключают Бубника после совершенного им предательства, то нам говорят, что это сделано механически, что Исполком подрывает авторитет ЦК. Зачем же лишние слова?

*

Положение совершенно ясно. Брюнн еще и сейчас защищает Бубника. Есть такая русская детская сказочка: дедка — за бабку, бабка — за репку. Именно такое положение создалось теперь. Брюнн защищает Бубника, Шмераль и Запотоцкий защищают Брюнн. Поэтому, товарищи, мы полагаем, что эта «трагическая» сторона речи Запотоцкого, его утверждение, будто бы мы из Москвы подрываем всякий авторитет Центрального Комитета, в сущности, не так уж трагична. Вы, т.т. Шмераль, Запотоцкий и ваши соратники, действительно подрываете авторитет товарищей из ЦК в таком вопросе, как дело Бубника.

Мне очень жаль, что Шмераль и Запотоцкий так поступают. Зачем они заняли подобную позицию? Ведь дело Бубника совершенно ясное. Сегодня мы уже получили телеграмму, что Бубник издает газету при поддержке буржуазии, что он написал соответствующую брошюру. Все идет по классическому примеру Пауля Леви, Фроссара и т. д. И как вы можете сказать в данном случае, что мы ошиблись? Нет, ошиблись вы. Мы знаем Бубника меньше, но по всей его политической линии мы видели отлично, кто он такой. Почему же вы не видели этого? Тут явно — грубая политическая ошибка с вашей стороны. Вы знаете Бубника лучше, чем мы, а Брюнн еще и сейчас поддерживает его. Вот ответ, который я даю тов. Запотоцкому. Тов. Запотоцкий уверяет, что он не ищет искусственных доводов, но он нападает на нас там, где мы этого не заслужили. Я прекрасно знаю, что нападать — лучшая тактика. Это вы и должны делать, вы должны нападать, но не на нас, а на правых.

Мы ничего не сделали такого, что могло бы подорвать авторитет ЦК. Авторитет Центрального Комитета подрывает тот, кто занимает двусмысленную позицию в деле Бубника. Я думаю, что если взять оба момента в истории чешской партии — исключение группы Штурца-Жилека и исключение Бубника, то всякий серьезный коммунист признает полную правоту Коминтерна в обоих случаях. Вы же и в прошлый раз, и на этот раз поступили неправильно. В одном случае вы хотели исключить группу, которая, несмотря на большие ошибки, допущенные ею, представляет собой великолепные рабочие элементы, а в другом случае вы не хотите исключать из партии элементы, всецело принадлежащие социал-демократии.

Теперь — о Шмерале. Быть может, слова Шмераля звучали несколько подкупающе. Он говорил, что положение очень трудное, что мы преподносим партии, — в качестве подарка, сообщение об отсутствии острой революционной ситуации в Европе, сообщение о том, что в Германии нельзя скоро ждать особенно больших успехов и т. д. и что мы поэтому должны быть осторожны. Если бы Шмераль далее предложил нам вести борьбу против правых, но другим темпом, мы бы стали с ним разговаривать, стали бы спорить об этом. Вы видели, что во французской партии мы были осто-

рожны в отношении темпа борьбы против правых. Мы были там терпеливы на протяжении целого ряда лет. Что касается темпа, то этот вопрос еще можно обсуждать. Но, тов. Шмераль, у вас речь идет не о темпе, а о направлении борьбы: вы выбросили левых и не хотели исключить безнадежного оппортуниста Бубника.

Шмераль говорит, что раньше надо вести пропаганду, а затем переходить к организационным мероприятиям. Я полагаю, что это поистине не диалектическое и не марксистское противопоставление, но условно можно с ним согласиться. Пусть, как вы говорите, сначала активная пропаганда ленинизма, а затем — организационные меры. Хорошо, я это понял. Но ведь вы ведете активную пропаганду против Коминтерна. Мы готовы и к этому. А теперь давайте вести активную пропаганду против Брюннской платформы, явно антиленинской, явно оппортунистической. Запотоцкий является с предложением взаимной амнистии. Я не понимаю, кого вы противопоставляете брюннцам, кто и кого должен амнистировать? Быть может, с одной стороны, надо амнистировать Исполком, и с другой стороны Брюннскую организацию? Хорошо, тов. Шмераль, будем создавать настроение против брюннцев. Немножко агитации против Бубника и немножко против брюннцев. Но если вы становитесь впереди брюннцев, грудью их защищая, тогда мы не верим в ваше желание действительно вести демократическую агитацию против правых.

Шмераль дальше говорит, что надо зорко следить за отдельными лицами, которые вызывают подозрение, ибо они явно передвигаются вправо. Хорошо, давайте — будем наблюдать за ними. Но что вы в этом отношении сделали до сих пор? Боролись ли вы хотя бы с одним правым? Никто этого не видел. Вы вели борьбу против Центрального Комитета, который, быть может, и допустил большие ошибки, но всегда стремился проводить линию V мирового конгресса. Шмераль говорит: создадим активное настроение в духе ленинизма. Но он прикрывает Крейбиха, который в своей статье создает активное настроение против Коминтерна. Разве статья Крейбиха носила другой характер? Нет, и его сегодняшняя речь тоже была попыткой создать подобное настроение. Удалось ли это ему? Я считаю, что нет, не удалось.

Я думаю, что мы находимся в таком положении, когда должны требовать определенных и категорических ответов от чешских товарищей. Шмераль говорит, что необходимо сделать кой-кому инъекцию, впрыскивание. Кто же должен делать инъекцию? И кому нужно ее сделать? И что именно следует впрыскивать? Кто, кому и что? Следует ответить на эти три маленьких вопроса. Мы готовы со всей осторожностью произвести инъекцию. Прежде всего мы очищаем, озонируем воздух. Это необходимо. Если говорить прямо, мы сейчас действительно делаем инъекцию. Шмераль ссылался на пример своего родного города. Социал-демократы были там совершенно уничтожены. А теперь они победили даже

в совете общин, т.-е. они имеют в нем большинство. Совершенно верно, социал-демократия, быть-может, некоторое время будет усиливаться. Буржуазия усиливается, следовательно, и социал-демократия должна воспрянуть духом. Это — определенный политический закон в нашу эпоху. Но какие выводы мы, как партия, должны извлечь отсюда? Ясно: в нашей партии должен быть создан иммунитет против социал-демократического влияния. Вы должны нам показать, что вы вместе с нами ведете борьбу против правых, как это было во французской партии. И там были разногласия относительно того, нужно ли тотчас же вытеснить правых или же запастись терпением. Речь, повторяю, может лишь итти о темпе борьбы, ибо здесь мы еще готовы на компромиссы.

Когда Шмераль говорит о том, как он привел с собой в партию многих работников из рядов социал-демократии, то мы прислушиваемся к его словам и готовы следовать его совету. Положение трудное, нужна осторожность. Социал-демократия зорко следит за каждой нашей ошибкой. Я должен признать, что Шмераль в свое время многое сделал для партии. Это — факт. Но теперь положение иное. Массы с нами. Часть их мы снова потеряли, она отходит к социал-демократии. И речь для нас идет о том, чтобы удержать массы, чтобы сделать их коммунистическими. Ведь нас интересует не только количество? Конечно, количество для нас много значит, но важно и качество. Речь идет о том, чтобы действительно создать подлинную коммунистическую партию, воспитать в партии настоящих коммунистов. У меня такое убеждение, что Шмераль ищет самых умных и сильных мотивов, чтобы спасти политически проигранное дело. Он защищает его доводами, которые отчасти подкупают, и потому они еще опаснее.

Я думаю, товарищи, все мы хотим, чтобы массы, которые находятся в нашей партии, остались с нами. Но где доказательства, что массы в Чехо-Словакии стоят на Брюннской платформе, на стороне оппортунизма и против Коминтерна? Это не доказано. Брюнские товарищи заявляют здесь: если вы исключаете Ковандера, то девять десятых наших товарищей потеряны для Коммунистического Интернационала. Почему они потеряны? Чем доказано, что эти массы действительно настроены социал-демократически? Нет, идеологическая борьба в Брюнне не велась. Брюннские товарищи были отравлены историей с Верчиком и Горном. Разве члены Брюннской организации хоть раз серьезно обсудили действительные разногласия, разделяющие Коммунистический Интернационал и правую группу? Ни разу! Но в Брюнне говорилось много о том, не нервничает ли Владо Буриан, не совершил ли преступления Горн и т. д. Таким путем можно отравить всякое движение, в особенности если эти приемы применяются не извне, а изнутри. Но в тот момент, когда вопросы будут поставлены

политически, я думаю, девять десятых брюннской организации окажутся на нашей стороне.

Итак, суммирую: чем дальше, тем больше мы убеждаемся в том, что вы делаете все возможное и невозможное для защиты и поддержки явно проигранного политического дела. Я думаю, что поистине такие хорошие головы, как ваши, могут найти лучшее применение для своих способностей, чем защита подобного дела.

Тов. Мануильский был прав. Повидимому, чем больше терпения и добродушия обнаруживает комиссия, тем труднее нам притти к какому-нибудь решению. Это доказывает речь Крейбиха. Тут видна рука мастера Радека. Радек полагает, что он добьется чего-нибудь своими приемами. Ведь вы уже видели, какую большую победу доставили Радеку подобные приемы в русской партии. Хотите ли вы в чешской партии добиться таких же «побед»? Перед нами непрерывная цепь, созданная буржуазной прессой, начиная от белогвардейской и вплоть до таких элементов, как Радек. В русской партии, тов. Крейбих, серьезные разногласия всегда дискуссируются открыто, и если в какой-либо партии возникают серьезные разногласия, они становятся известными всему Интернационалу — это вы должны были знать. Я думаю, что вы должны возможно скорее порвать с такими элементами, которые прогнили, которые живут только сплетнями. Сплетня, это — все их идеологическое содержание. Я полагаю, что никто не повредил в такой степени некоторым спартаковским рабочим, которые теперь пришли к разрыву с собственной партией, как Брандлер и Радек. Хотите ли вы добиться того же самого в чешской партии? Оставьте эти попытки возможно скорее и говорите с нами искренне. Мы внимательно слушаем, когда вы приводите аргументы из жизни рабочих, когда вы говорите о том, что надо сохранять осторожность, что надо соблюдать темп, подготовлять пропаганду. Здесь мы очень внимательны. В вопросах о персональном составе каких-нибудь органов мы опять-таки очень внимательны. Все аргументы, которые, по мнению Шмераля, означают, что мы должны итти на компромисс с оппортунистами, говорят за необходимость самой решительной борьбы с оппортунизмом.

Шмераль говорит: вы правы, будут большие трудности, революция наступит не так быстро, отсюда надо сделать правильные выводы. Верный вывод состоит в том, что мы должны создать в партии иммунитет против социал-демократической опасности. Если вы хотите это сделать совместно с нами, тогда все остальное будет ликвидировано в один час. Я готов признать, что в пылу спора кое-что, возможно, было сделано неправильно. Но теперь у всех нас такое впечатление, что вы политически уклоняетесь от борьбы против правых. Если это действительно так, то мы должны вести борьбу и против вас. Ленин часто говорил, что при некото-

рых условиях не так плохи сами оппортунисты, как их защитники Иногда это действительно так, теперь мы убеждаемся в этом. Не так опасен Бубник, не так опасны Брюннские уклоны, как подобные предложения: пожалуйте амнистию. Товарищи, вы совершаете ошибку: вы хотите защищать элементы, которых защищать не должно.

Хотите ли вы вести борьбу против правых? Да или нет? Согласны ли вы, что линия V всемирного конгресса была единственно правильной, или вы хотите спекулировать на сплетне, которую кое-кто в Москве распространяет килограммами, которая прогнила и расползается в руках? Хотите ли вы принять линию Коммунистического Интернационала? Вы уже много раз видели, что международный опыт дает возможность Исполкому оценивать положение правильней, чем может оценить его любая группа работников в собственной стране в пылу спора.

Если вы не хотите принять линию Коммунистического Интернационала, товарищи, то я должен сказать вам открыто и ясно, что между нами будет борьба не на жизнь, а на смерть. Другого выхода нет. Я сослался на пример итальянской партии. Если кто-нибудь из вас хочет вступить на путь, на который вышли некоторые элементы итальянской партии, для нас нет иного выхода, как бороться с вами до конца.

Я думаю, что настало время, когда надо положить конец речам, когда каждый должен проверить свои убеждения и выбрать дорогу. Я надеюсь, что большинство товарищей из так называемой правой группы изберет правильный путь. Если это будет не так, товарищи, мы сделали все, что могли.

Следующее заседание нашей подкомиссии состоится тогда, когда чешские товарищи представят нам свою политическую платформу.

О положении в Юго-Славской Компартии.

(Речь на заседании Юго-Славской Комиссии Расширенного Пленума ИККИ 30 марта 1925 г. „Правда“ 11/IV 1925.)

Товарищи, меня немного удивила речь т. Симича об общем положении вещей. До сих пор мне казалось, что в юго-славской партии три течения: 1) наш ЦК, 2) оппозиция и 3) т. Симич. Похоже на то, что их стало на одно меньше. Оппозиция сделала ряд шагов, которые т. Симич не одобряет, и с ЦК у него сотрудничество тоже не установлено. Это очень печально; нужно, чтобы т. Симич принял деятельное участие в работе.

Одно замечание относительно точки зрения Живото Милойковича. Тов. Симич сошелся со мною в том, что Милойкович — самый правый по общеполитической линии и самый «левый», самый большой нигилист по национальному вопросу. Этот факт нужно объяснить. Прежде всего, т. Симич, чем объясняется, что самый крайний оппортунист из оппортунистов занял в нашей партии архи-«радикальную» линию по национальному вопросу? Это бросает некоторый свет на всю постановку вопроса.

С тем, что говорил т. Симич об общеполитическом положении на Балканах, мы согласны. Нельзя представлять себе дело так, что если в Центральной и в Западной Европе капитализм пошел на стабилизацию, на Балканах все может оставаться по-старому. Есть взаимодействие. В Юго-Славии правительство Пашича Прибичевича (после Давидовича) даже по времени совпало с концом «демократически-пацифистской» эры в Европе. Никто не представляет дело так упрощенно, что в Центральной и в Западной Европе дело изменилось, а на Балканах все остается по-старому. Влияние безусловно есть, но нужно понять разницу в положении между таким уголком Европы, как Балканы, и другими частями ее.

В общем докладе я говорил, что дело на Балканах отличается от положения вещей в остальной Европе тем, что мы имеем там комбинацию национального, рабочего и крестьянского движения и постоянную игру империализма. Нынешнее положение вещей, на поверхности благополучное, не кажется нам устойчивым. Но можно ясно разглядеть, что отсутствие непосредственной революционной ситуации в остальной Европе влияет и на положение вещей на Балканах.

Крестьянский вопрос. — Здесь у тов. Симича уже есть ошибка. На наших глазах мелкая буржуазия Юго-Славии колеблется. На

примере того, что происходит с партией Радича, мы видим, что она перестает играть самостоятельную роль и делается игрушкой в руках крупной буржуазии. На наших глазах происходит неслыханная политическая бесхарактерность: Радич, который еще недавно был здесь, теперь перед всем миром отрекается от Крестинтерна. Но этим дело не кончается, а только начинается. Что будет теперь? Радич — центр в крестьянской партии; теперь центр соединяется с правой и в дальнейшем, повидимому, пойдет медленное отпочкование левой, может-быть, более медленное, чем в Болгарии, но пойдет.

Неправильно утверждение т. Симича, что в Юго-Славии крестьянское движение возглавляется-де буржуазией и поэтому оно не революционно. Радич лишь немногим отличается от Стамболийского, если к Стамболийскому прибавить национальный элемент, то получится одно и то же. Стамболийский, гражданская война, затем разделение в крестьянском лагере. Там движение шло так же под буржуазным флагом, как и повсюду крестьянские движения начинаются с руководства буржуазией. В Юго-Славии этот процесс только начинается. Сейчас парламентским путем отменяются 60 мандатов партии Радича. Приходит Радич и кается: «Мы больше не будем». А в глубине крестьянской массы это не проходит бесследно: крестьянское движение на поверхности затихнет на время, уйдет внутрь, но и поднимется вновь. Земельный элемент в этом движении мне кажется очень сильным, и это нисколько не опровергается тем, что во главе крестьян пока стоит буржуазия. В нашу черносотенную 3-ю Гос. Думу входили крестьяне, во главе которых стояли помещики, однако, когда дело доходило до земли, они освобождались от помещичьего влияния и их речи были революционны.

Тов. Симич говорил мне в частной беседе, что хорватская буржуазия не заинтересована в отделении, что она всерьез этого вопроса не ставит. Она заинтересована лишь в том, чтобы получить более обширные рынки, освободиться от налогов, пошлин и т. д. Дело не только в буржуазии, а в *крестьянстве, которое за ней идет*, тов. Симич. Я спросил тов. Симича: а что, если представится такой случай, когда крестьянство Хорватии сможет высказать все, что у него на душе, произойдет, скажем, революция или новая война, — за что хорватский крестьянин выскажется: за отделение или нет? — Он выскажется за отделение. Это — кардинальный факт, из которого нужно исходить. Тов. Симич не видит того, что хорватское национальное движение имеет глубочайшие корни в крестьянстве; и, несмотря на то, что крестьянство возглавляется пока буржуазией, оно тем не менее не может не высказаться по этому, имеющему громадное значение, вопросу.

Когда в 1921 г. мы беседовали с тов. Симичем о национальном вопросе, у нас не было с ним разногласий. Но когда теперь дело

идет о практической постановке этого вопроса, в перспективе тов. Симича, оказывается, не хватает малого — революции. Он изучает русскую литературу о национальном вопросе только с чисто литературной точки зрения, а надо изучать ее вместе с историей нашей революции. «Национальный вопрос — это в то же время вопрос конституции», — говорит тов. Симич. До известной степени это так. Маленькая ошибка начинается с того момента, когда тов. Симич забывает, что есть конституция и конституция, и что наш путь — есть путь революции. Радек и Роза Люксембург ставили вопрос так: только социалистическая революция может дать полное разрешение национального вопроса, поэтому не будем пока его ставить. Ленин отвечал: ты не доктринерствуй, а ставь национальный вопрос так, чтобы ускорить революцию.

Спрашивается: как нам ставить национальный вопрос для того, чтобы развязать революцию? Колониальные и полуколониальные национальные движения не имеют сами по себе социалистического характера, но эти движения являются одним из рукавов, вливающихся в пролетарскую революцию. В конце концов, мы видим, что это относится ко всякому национальному движению, что так доктринерски ставить вопрос нельзя. Заслуга Ленина была в том, что он поставил вопрос до начала битвы и постепенно на основе русской революции развивал его. Нам надо ставить вопрос, проверяя его на ходе нашей революции.

Мы ставили вопрос об автономии в апреле 1917 года. И вы можете при известных обстоятельствах поддержать это требование и выставить его. Но в свете какой постановки вопроса? В свете революционной постановки вопроса и в свете пробуждения народных элементов. Тов. Симич говорит: из этого может родиться шовинизм, не разжигайте национального недовольства по отношению к угнетательской буржуазии. Нет, ему надо говорить: ты, хорватский крестьянин, страдаешь вдвойне: от податей, налогов, само собой, но ты страдаешь еще и как хорватский крестьянин. Милойкович, человек, который обеими ногами сошел с почвы коммунизма, говорит: я за «чисто-классовую» политику. Вы, тов. Симич, дайте ему здесь палец — он возьмет всю руку.

Мы исходим из священной ненависти к буржуазии. Мы должны находить ее ахиллесову пяту. Как же нам не использовать национальный момент в таких государствах, как Юго-Славия? Да тогда мы окажемся глупцами, не умеющими формулировать недовольство народных масс. Вы, тов. Симич, должны вдуматься во всю историю русской революции и взять вопрос в целом. Если вы будете выхватывать отдельные эпизоды, то получится безжизненная схема, может-быть, только фразы будут похожи. Первый спор у большевиков был с Розой Люксембург в 1903 году. Ленин уже тогда чувствовал, что в Польше национальные элементы будут играть крупную роль. П. с.-д. собирались обойти этот вопрос. Ленин

говорил: вы должны поставить его революционно. Дело дошло до того, что поляки (сторонники Розы Люксембург) покинули II съезд. Затем национальная проблема начинает выступать более жгуче, и большевизм начинает оформлять свое отношение к ней. Большевики говорили, что мы должны добиваться права самоопределения и ввести это в конституцию; но мы понимали, что проблема революционная, а не конституционная.

В ваших словах сквозит, что у сербской и хорватской буржуазии интересы одни. Хорватская буржуазия, в лице Радича, отрекается от своих требований, и на этой почве намечается-де парламентский компромисс. Крестьянство там менее угнетено. Но ведь это не выйдет.

Национальная проблема Юго-Славии есть вопрос революции, а не конституции; это — важнейшая проблема, по которой мы должны апеллировать к массам. Бывают страны, куда с национальным вопросом не суйся, а бывают и такие, в которых недовольство национальных меньшинств играет такую же роль, как и вопрос о земле. Если в этом мы согласны, то не трудно понять, что Милойкович является образцом человека, который, употребляя классовую терминологию, на деле делает контр-революцию.

Мы должны понимать, что нет худа без добра. Радич себя разоблачил перед широкими массами крестьянства. Неизбежна диференциация, и дальнейшее развитие ее пойдет по той линии, как после Стамболийского. Если мы эту перспективу усвоим, то при известных обстоятельствах мы можем поддержать и требование областной автономии.

Я плохо следил за вашей полемикой и поэтому не вполне осведомлен о споре. Но из речи Симича видно, что он слишком литературно берет большевистские положения по этому вопросу, не рассматривая их в историческом развитии.

Два слова относительно профессиональных союзов. Тут частичное недоразумение. Для нас азбучная истина, что профсоюзы должны быть беспартийными; не может быть и речи о том, чтобы в профсоюзы давать доступ только членам партии. Если кто-нибудь ставит так вопрос, это — ошибка. В профсоюзы мы приглашаем всякого рабочего, без различия партии и религии. Но вопрос: что мы делаем внутри профсоюзов? Что в целом ряде партий связь долго держалась на «персональной унии» — это факт, и что этого мало — тоже факт. Одной персональной унии недостаточно, нам необходимо завоевать коммунистическое большинство в профсоюзах путем организации фракций. Вполне верно, что у вас есть «независимское» течение в профсоюзах, это ярко выраженное легализаторское течение, которое в той обстановке, которую переживает партия, старается поставить себя над партией. Налицо и другие расхождения: по национальному вопросу и перспективам и по тем вопросам, которые отделяют II Интернационал от Коммуни-

стического, — и это усугубляет положение. Партия нелегальна, партия работает в отчаянной обстановке, — профсоюзы сохраняют легальность. При таких условиях давать какие-либо поблажки легализаторству и независимцам нельзя, это загубит партию. Не может быть и речи о том, чтобы только приклеить профсоюзный ярлык, — надо дать решительный отпор сепаратистским элементам в профсоюзах. Такое положение в вашей стране смертельно опасно.

Теперь несколько слов о рабочем движении в Юго-Славии. Тов. Симич сказал, что рабочее движение в Юго-Славии уничтожено. Совсем недалеко время, когда мы имели 50 депутатов, 80.000 членов партии. Теперь этого нет. Социал-демократы тоже не выросли, поэтому нельзя сказать, что симпатии рабочих перешли от коммунистов к социал-демократам. За кого же голосовали рабочие на последних выборах? Они голосовали большею частью за буржуазную оппозицию, за «левый блок», в том числе и за хорватскую крестьянскую партию. Это, по-моему, говорит о том, как почвенно крестьянское движение в Юго-Славии; вышло, что, вместо того, чтобы рабочие повели крестьян, крестьяне пока что потянули за собой рабочих.

Почему было ослаблено рабочее движение? Вы скажете — белый террор. Да, белый террор там был, но менее, чем в других странах — ведь венгерского белого террора там нет — значит, не этим объясняется дело. Социал-демократы тоже не оказались способными повести рабочих; способной оказалась оппозиция, «левый блок» против Пашича, представляющий на три четверти крестьянское оппозиционное движение. Этот блок потянул за собою часть пролетариев. Рабочие говорят: что мы будем голосовать за коммунистов, все равно их дело безнадежно. Получится блок рабочих и крестьян навыворот, под руководством буржуазии. Это недопустимое положение и, чтобы из него выйти, нужно понять, что крестьянский вопрос, помноженный на национальный, настолько глубок, что может увлечь даже рабочий класс на неправильный путь. Наша политика должна итти по той линии общей большевизации, которую мы намечаем и в отношении Юго-Славии.

Последнее — относительно Центрального Комитета. Я думаю, вам самое лучшее созвать конференцию или съезд. Боюсь, что это не удастся, так как условия слишком тяжелы. Если созвать конференцию невозможно, нам придется здесь, в Москве, наладить сотрудничество. Нам необходимо сотрудничать и с Симичем и с лучшими элементами оппозиции. Право, т. Симич, из всего этого можно вылезти, если будем партией действующей, в которой не будет внутренней борьбы.

Если можно созвать в близком будущем конференцию — созовем, если этого временно нельзя — наладим работу отсюда при помощи Коминтерна.

Первые итоги пленума ИККИ.

(Заключительная речь при закрытии V Расширенного Пленума ИККИ 7 апреля 1925 г. „Правда" 18/IV 1925.)

Товарищи, мы подошли к концу работ нашего пленума. Совещания расширенного пленума Исполкома имеют не меньшее значение, чем занятия конгрессов.

Мы обсудили на нашем совещании ряд вопросов, которые являются жизненно-важными для всего международного движения. Мы подвергли обсуждению некоторые вопросы национальных секций, из которых каждый сам по себе имеет большое международное значение. Чем сильнее растет наша взаимная связь, чем в большей степени мы становимся подлинным Интернационалом, тем более наши совещания должны уделять внимания основным проблемам отдельных секций.

Товарищи, мне кажется, что эта международная согласованность в нашей работе является для нас самым важным достижением. Уже один тот факт, что мы ближе изучаем друг друга лично, имеет весьма большое значение. Часто на наших совещаниях появляются товарищи, которые уже и раньше к нам приезжали. Но мы видим здесь каждый раз и новых товарищей, мы радуемся, что можем с ними поближе познакомиться. Замелькали новые характерные лица, и на этом совещании появились товарищи, на которых сразу видна марка «made in Amerika». Это — закаленные, не боящиеся бурь люди, которым предстоит еще большая будущность в нашем движении. Уже одно это обстоятельство, рост внутренней связи в международном коммунистическом движении, представляет исключительную важность для нашей работы.

В наших комиссиях, где обсуждаются те или иные вопросы, касающиеся отдельных секций, товарищи в своих выступлениях все чаще ссылаются на примеры и приводят сопоставления из пережитого опыта других секций. Это доказательство того, что наше движение интернационализируется. К сожалению, мы еще слишком мало учимся друг у друга. Часто мы лишь потому дорогой ценой платим за собственные ошибки, что извлекаем слишком мало уроков из истории наших братских партий. Но нам при-

ходится уже платиться все меньше и меньше. Мы все больше научаемся делать правильные выводы из ошибок и недочетов, а также и из успехов всего движения, и применять эти выводы в необходимых случаях. Нам пришлось обсуждать вопросы, связанные с жизнью американской, юго-славской и чехо-словацкой партий. Мы встретились с наличием ряда противоречий и разногласий в жизни и работе наших партий. В живом движении это явление, разумеется, совершенно неизбежное. Возникают новые проблемы, они зачастую порождают и новые разногласия. Партии крепнут в процессе изживания таких противоречий. Однако, мы видим, что моменты солидарности все усиливаются, а противоречия слабеют. Отсюда такое единодушие в принятых нами решениях.

Труднее всего на этот раз было разрешить разногласия в чехо-словацкой партии. Вся история чехо-словацких разногласий представляла не очень отрадную картину и могла вызвать опасение, что нам не раскусить такого, казалось, твердого ореха. Тем не менее и эту проблему нам удалось удовлетворительно и притом единодушно разрешить. Я надеюсь, товарищи, что наше решение окажется приемлемым для подавляющего большинства чехо-словацких коммунистов. У нас нет никаких оснований говорить о побежденных и победителях в результате этого спора, ибо мы являемся подлинно братской мировой партией. Здесь только-что подвергли резкой критике некоторых чешских товарищей. Неизбежность этой критики легко понять, если учесть важность проблемы и остроту порожденной ею борьбы. Товарищи, принятое решение продиктовано твердой верой и горячей любовью Коминтерна к чехо-словацкой компартии, как одной из наших лучших, наиболее сильных секций, а также убеждением, что наше решение действительно послужит делу освободительной борьбы пролетариата Чехо-Словакии.

Мы заявили в начале нашего совещания, что надеемся побороть опасность раскола в Чехо-Словакии. Мы видим, что наша надежда осуществляется. Разумеется, есть еще элементы, которые будут играть идеей раскола. Но, товарищи, я верю, что рабочие Чехо-Словакии, независимо от того, относили ли их во время кризиса в партии к левым или правым, что все они решительно отбросят в сторону всякого, кто будет играть в партии возможностью раскола (бурные аплодисменты). На основании личного общения с товарищами, которые были делегированы сюда тремя наиболее крупными организациями Чехо-Словакии, мы пришли к твердому убеждению, что имеем дело с верными и мужественными коммунистами, которые в случае действительной опасности окажутся на высоте. Они докажут всякому, кто легкомысленно поставит на карту единство партии, кто бы он ни был, что партия нам дороже отдельных лиц или каких бы то ни было пристрастий.

Товарищи! Мне кажется, что мы правильно разрешили этот наиболее важный вопрос. Нами действительно было сделано все, чтобы братски помочь чехо-словацкой партии ликвидировать внутренние разногласия и объединить все истинно-коммунистические элементы для общей борьбы против правых уклонов на основе принципов Коммунистического Интернационала.

Товарищи! Мы обсуждали на совещании вопросы, имеющие чрезвычайно важное значение не только для отдельных секций, но и для всего международного рабочего движения. Наше совещание прошло под знаком большевизации. Все вопросы рассматривались нами с этой точки зрения. Это одинаково относится и к крестьянскому и к профсоюзному вопросу. Мы проработали эти вопросы с отдельными секциями, чтобы диференцировать наши решения, чтобы наилучше учесть все конкретные условия применения принятых решений в отдельных странах.

Подводя итоги, мы можем сказать, что работа нашего пленума протекала под знаком следующих лозунгов:

Наш первый лозунг: против иллюзий ультра-«левых»— за реалистическую оценку международного политического и экономического положения. Такая оценка является первым и необходимым условием всякой серьезной работы настоящих революционеров. Она означает необходимость смотреть прямо в глаза правде и не колебаться, если даже в определенный момент положение не окажется столь благоприятным, как мы этого желали бы.

Оценивать правильно положение, отметая в сторону всякие иллюзии, — вот что должно стать лейтмотивом в дальнейшей работе каждого участника настоящего пленума.

Второй наш лозунг гласит: долой уступки правым. Каждая уступка правому крылу при настоящем положении вещей может стать весьма опасной. Наше совещание способствовало усилению борьбы наших партий против правых болезней, устранению опасности той депрессии, тех упадочных настроений, которые могут овладеть движением, если Интернационал не окажется на своем сторожевом посту. В настоящий момент каждый уклон вправо, то-есть в сторону социал-демократии и, следовательно, буржуазии, особенно опасен. Ленин учил нас, что борьба против правых не должна превращаться в своего рода спорт. Мы боремся с ними из политической необходимости, а не из охоты к этому «спорту».

Товарищи, повторяем, борьба против правых означает борьбу против социал-демократии, а борьба против социал-демократии означает борьбу против буржуазии. Мы должны смотреть на вещи реально. А раз мы видим и сознаем предстоящие нам трудности, мы должны крепко держать в руках коммунистический руль. Этого требует теперешнее переходное время, когда движение протекает более медленным темпом, но на более высокой ступени революционного развития.

Наш третий лозунг, суммирующий все остальные, это большевизация. Этот лозунг выдвинут еще V мировым конгрессом, но лишь теперешнее совещание его конкретизировало. Ошибочно, конечно, думать, что мы уже не будем больше возвращаться к этой теме. Большевизация представляет собой задачу, которая сохраняет свое великое значение не на год, а на все время борьбы рабочего класса за достижение полной победы. На нашем пленуме мы впервые конкретно поставили вопрос о большевизации и попытались дифференцировать данный лозунг, приспособить его к требованиям отдельных стран.

Но над всеми этими лозунгами доминирует наш четвертый лозунг: «Ближе к массам!». К массам — вопреки всем трудностям! Социал-демократия кое-где усиливается. Наша основная задача должна и далее заключаться в том, чтобы в каждой стране все глубже проникать в массы, чтобы уметь не только понимать и оценивать общее положение, но и преодолевать трудности его. Будет ли та или иная наша партия вести легальное, нелегальное или полулегальное существование, мы должны уметь в каждом случае преодолеть все трудности, и если кое-где нам не удастся организационно связаться с массами, — скажем, при уходе партии в подполье, — в таком случае тем сильнее мы должны стремиться охватить массы нашим идеологическим влиянием, тем сильнее должны мы распространять в массах наши политические идеи.

Еще несколько слов о положении в СССР. С величайшим вниманием, — мне кажется, с большим, чем когда бы то ни было, — авангард пролетариата Советского Союза следит за нашим совещанием.

Положение русского пролетариата хотя и медленно, но верно улучшается. Политическое положение Советского Союза упрочилось. Товарищи, Ленин был не только русским, но и международным пролетарским революционером. Партия, которую мы создали, есть не только партия международного пролетариата, международной революционной армии. Все мы хорошо знаем, что окончательная победа советских республик в конечном счете зависит от успеха международной борьбы пролетариата. Но СССР — сам есть часть, есть кусок международной революции. От усилий СССР не в малой степени зависит исход международной борьбы. Мы выиграли гораздо больше времени, чем рассчитывали вначале. Передышка, которую получил российский пролетариат, оказалась более длительной, чем все мы предполагали. Не теряя ни минуты, наша партия будет работать над поднятием хозяйства. Победа станет окончательной тогда, когда мы выиграем борьбу хотя бы еще в одной-двух решающих странах.

Значение пролетариата СССР растет. Мы видим за рубежом возникновение нового движения: стремление к посылке делегаций профессионально - организованных социал - демократических,

а также беспартийных рабочих в Россию. Мы сочувственно относимся к этому движению и просим вас всячески его поддерживать. Мы готовы приветствовать у нас и социал-демократических рабочих и показать им, ничего не скрывая, что достигнуто нами. Наша работа еще не закончена. Наш пролетариат имеет за собою лишь несколько лет мирной работы. Все же кое-что им сделано. Он будет итти дальше. Экономическое положение его будет улучшаться. Всякий честный рабочий, хотя бы и не коммунист, исходя из элементарного классового чувства, будет вас поддерживать. Советская республика в ближайшие месяцы и годы будет становиться все более сильным магнитом для пролетариев всего мира, включая сюда и социал-демократических рабочих. Пропагандистская притягательная сила завоеваний русского пролетариата постоянно возрастает и все больше превращается в огромный фактор международного значения.

Товарищи! Мы здесь боролись за правильный путь к победе над буржуазией и социал-демократией. Мы горячо спорили, но мы разойдемся как братья по борьбе. Мы и в будущем останемся большой семьей учеников тов. Ленина, искренно стремящихся к овладению ленинизмом. И если тому или другому среди нас не дано сразу достигнуть этого, то это отнюдь не его вина, это зависит и от объективных трудностей. Счастлива семья бойцов пролетариата СССР, выросшая под непосредственным руководством такого гения, как Ленин, и имевшая возможность бороться с ним плечо к плечу.

Но те товарищи, которым это не было суждено, должны основательно изучить опыт русской революции и в первую очередь уроки ленинизма. Величайшая гордость РКП и в то же время гордость русского рабочего класса заключается в том, что мир идей Ленина все более становится общим достоянием сознательных пролетариев всех стран. Мы убеждены, что каждый из нас сделает все от него зависящее, чтобы глубже пропитать духом ленинизма и, следовательно, духом марксизма нашу мировую партию, чтобы окончательно превратить ее в коммунистическую массовую партию, в сомкнутый революционный авангард пролетариата для борьбы за свержение буржуазии и социал-демократии. Чем больше крепнет мировая буржуазная реакция, тем больше обязаны мы налегать на задачу большевизации наших партий. Тем больше ответственность ложится на революционных борцов.

Наш Коммунистический Интернационал представляет собою единственно-революционную партию, подлинно-коммунистическую организацию мировой революции. В качестве таковой он был создан, в качестве таковой он будет продолжать свою борьбу вплоть до окончательной победы! (Бурные рукоплескания. Делегаты встают и поют «Интернационал».)

Частичная «стабилизация» капитализма и задачи Коминтерна и РКП(б.).

К итогам расширенного пленума ИККИ.

(Речь на XIV Всесоюзной Партконференции.) [1])

I. О характере капиталистической стабилизации.

Параллелизм в развитии Коминтерна и нашей революции.

— Товарищи, если вы проследите всю деятельность Коммунистического Интернационала, то убедитесь, что почти каждый раз переломные поворотные моменты в его истории совпадали с поворотными, переломными моментами в истории нашей партии. Можно установить с несомненностью известный параллелизм в развитии Коммунистического Интернационала и нашей собственной революции. Вы помните статью Владимира Ильича, написанную к первой годовщине Коминтерна. Он писал тогда о триумфальном шествии Коммунистического Интернационала, завоевывавшего одну позицию за другой, совпадавшем с тогдашними быстрыми успехами нашей революции. Второй конгресс Коминтерна совпал с нашим наступлением на Варшаву. Третий конгресс Коминтерна состоялся после Кронштадта, и тактика, намеченная нашей партией, накладывает серьезный отпечаток на его решения. Четвертый конгресс собирается к началу первых итогов НЭП'а, и опять-таки происходит увязка нашей международной политики с политикой Российской Коммунистической Партии. Пятый конгресс подводит известные итоги нашей внутрипартийной дискуссии. А наши внутрипартийные кризисы всякий раз совпадали с известными кризисами или полукризисами в истории нашей революции.

И теперь мы также наблюдаем подобный параллелизм. Решения, принятые недавно закончившейся сессией расширенного ИККИ, сессией, имевшей значение, в сущности говоря, конгресса,

---

[1]) Дополнена в некоторых частях выдержками из речей тов. Зиновьева на собраниях Ленинградского и Московского партактива.

*

стоят в тесной связи с общеполитическим положением в нашей собственной стране. Это и вполне понятно, если вспомнить, что Коммунистический Интернационал родился и возмужал в ходе первых побед пролетарской революции в СССР. Если Союз Советских Республик занимает только одну шестую часть земной суши, то удельный вес русской революции в Коммунистическом Интернационале, несомненно, больше — по причинам, не нуждающимся в объяснении. Вот почему решения, принятые на расширенном заседании Исполкома Коминтерна, столь важны для нас не только как для одной из секций Коммунистического Интернационала, но и как для партии, руководящей первой пролетарской страной.

Второй Интернационал и его база.

Такой параллелизм, в свою очередь, можно отметить в деятельности Второго Интернационала и ряда буржуазных стран. Идет вверх буржуазия — идет вверх Второй Интернационал. Стабилизируется до известной степени капитализм — стабилизируется Второй Интернационал. Трудно сказать, с какой именно страной больше всего связан Второй Интернационал сейчас и какая страна больше всего олицетворяет его политику. В период пребывания у власти Макдональда мы все склонны были думать, что как Москва является сердцевиной Третьего Интернационала, так и Лондон — центром Второго. Однако, ход событий показал иное.

Серьезнейший сдвиг влево, происходящий в толпе английских рабочих масс и приведший к сближению трэд-юнионистов с советскими профессиональными союзами, бесспорно знаменует ослабление роли II Интернационала в Англии. Теперь уже нельзя сказать, что Лондон олицетворяет собой II Интернационал и что английское рабочее движение — его база.

Если здесь нужны доказательства, то последние дни дали их в изобилии. На недавней конференции Независимой Рабочей Партии, партии Макдональда, являющейся в известной степени левым крылом Рабочей Партии, дело дошло до прямого провала Макдональда. Одно только голосование в связи с нашумевшей историей с поддельным «письмом Зиновьева», приписываемым Коминтерну, в этом отношении весьма симптоматично и показательно. Вождь и руководитель своей партии, Макдональд остался по этому вопросу в меньшинстве, получив 261 голос против 286. Дело дошло до того, что в последние дни крупнейшая газета «Морнинг Пост» предсказывала образование Макдональдом и Томасом новой Рабочей Партии, свободной от коммунистов; она так подтрунивает над ними: Рабочая Партия контролируется Независимой Рабочей Партией, а Независимая Рабочая Партия на деле контролируется группой коммунистов, гласно или негласно входящих в нее; на долю господ Макдональда и Томаса остается лишь одно: образовать новую партию. Я не знаю, дойдет ли дело до образования новой

партии, как предсказывает «Морнинг Пост», но достаточно уже того, что об этом заговорили. Не так давно, на пасхе, Макдональд выступил со своим планом в противовес намечающемуся англо-советскому профсоюзному сближению. Он выдвинул идею англо-германского сближения, мотивируя свое предложение тем, что центр тяжести рабочего движения в Европе все же остается в Германии.

На недавнем заседании исполкома II Интернационала завязалась интересная борьба по вопросу о том, где должен в дальнейшем заседать исполком. Уснащенная пикантными инцидентами, она закончилась голосованием, давшим большинство в два голоса в пользу Германии. Правда, и здесь формулировка была смягчена: в принятой резолюции говорилось только о перенесении работ исполкома II Интернационала в страну с «немецким языком». Сказать прямо: в Германию они не решались. Уже по одному этому факту можно судить, что Англия не является теперь главной страной II Интернационала, что Лондон не представляет в такой мере II Интернационал, как Москва — III. Скорее всего мы идем навстречу такой эпохе, когда страной II Интернационала придется снова считать Германию.

Как враги переиначивают наши решения.

При таком положении вещей пришлось нам намечать новую линию. Вы знаете, товарищи, что прошедший пленум Исполкома констатировал с определенной ясностью то положение, которое стало уже более или менее заметно обозначаться со времени III конгресса, с 1921 года. А именно пленум формулировал наше отношение к замедленному темпу международной революции и указал на частичную стабилизацию капитализма. Для многих наши резолюции и заявления относительно этой стабилизации все же были, если не неожиданны, то в достаточной мере неприятны. Они резали ухо. Но тем не менее сказать это нужно было потому, что коммунистическое движение никогда еще не выигрывало от иллюзий и самообмана. Коммунизм был прав, когда в 1923 году, в пору обострившейся революционной ситуации в Германии, он поставил на карту все свое влияние; коммунизм был прав, когда он вслед за тем выжидал год — полтора, как мы выжидали в 1905 году в России, в расчете на то, что непосредственно революционная ситуация быстро возобновится.

И коммунизм столь же прав, когда в 1925 году, при переходе количества в качество, он ставит точки над «i» и говорит, что в данный момент, особенно в Германии, где в 1923 году имелась непосредственно революционная ситуация, — такой ситуации сейчас нет. Я не стану повторять доклада, сделанного на расширенном заседании ИККИ. Я не стану приводить и цифровых данных относительно мировой экономики, которые мы там всесторонне

обсуждали в целях уяснения степени консолидации капитализма в отдельных странах. Я думаю, что основные факты известны всем. Скажу только, что, как и следовало ожидать, заявление расширенного Исполкома Коминтерна о частичной стабилизации капитализма сейчас же было подхвачено капиталистической и социал-демократической печатью и было истолковано «расширительно» — в том смысле, что вообще мировая революция снята с очереди, перспектива на нее исчезла. Вражеский лагерь совершил «маленькую» фальсификацию. Мы говорили о частичной стабилизации, — слово «частичная» было опущено. Мы говорили об отсутствии непосредственно-революционной ситуации, — слово «непосредственно» было опущено. Получилось отсутствие всякой революционной ситуации и наличие полной консолидации, полной стабилизации капитализма. Пусть тешат себя!

Пределы экономической стабилизации. Пример Франции.

Со времени заседания расширенного ИККИ прошло сравнительно мало времени, — нет еще месяца, — однако, мы имеем несколько важных фактов, которые дают нам теперь возможность конкретно пояснить мысль расширенного Исполкома Коминтерна, дают возможность уяснить, каковы пределы и размеры этой частичной стабилизации. Не прошло и 2 — 3 недель, как произошли крупнейшей важности события во Франции, Болгарии и Германии. На них я вкратце остановлюсь.

Для того, чтобы судить о пределах экономической стабилизации, лучше всего взять в качестве наглядного примера Францию. А о пределах политической стабилизации мы можем судить на основании того примера, который дают нам Болгария и Германия последних дней.

Во Франции произошел на этих днях тяжелый правительственный кризис, кончившийся пока-что сравнительно благополучно для левого блока: Эррио и Пенлеве обменялись лишь местами. Франция, как мы знаем, — страна давнишних парламентарских традиций, и там подобными кризисами хоть пруд пруди. Но как раз отличие последнего правительственного кризиса и заключается в том, что он вызван не бурей в стакане воды, не обычной парламентской комбинацией, а имеет глубокую экономическую подоплеку. В отличие от других кризисов он прошел по экономическому нерву, по экономическому шву. Противоречия левого блока вы знаете достаточно, я не буду на них подробно останавливаться. Из-за чего же непосредственно возник недавний парламентский правительственный кризис в современной Франции? Из-за вопросов финансовой политики. Франция — страна, победившая в империалистической войне, страна, не знавшая до последнего времени безработицы, страна с выросшей за эти годы крупной

промышленностью. И даже она в данный момент попадает в тяжелый экономический тупик. Дело подходит вплотную к так называемой инфляции, к необходимости спасать положение путем безудержного выпуска бумажных денег. Возникает серьезная угроза буржуазному благополучию, — угроза, которая сразу вызывает большую перегруппировку сил в довольно глубоких слоях буржуазии. Почему? Да потому, что при слове «инфляция» французской буржуазии рисуется перспектива 1923 года в Германии, в ее памяти воскресает грозный призрак германского кризиса 1923 года, который имел много уже прямо революционных черт и их черточек. А ведь в Германии в 1923 году как пошло дело: финансовый крах, экономическая депрессия, поток бумажных денег, безработица, инфляция и т. д. Мы видим, что в богатейшей стране Европы, в стране-победительнице на наших глазах уже после заседания Исполкома Коминтерна разражается тяжелый правительственный кризис, проходящий как раз по экономическому шву, при чем на страну вплотную надвигается призрак финансового кризиса.

Пока что дело во Франции спасено. Но не забудьте, что Франция имеет 24 миллиарда дефицита. Правда, покамест она коекак «выкрутилась», она сделала попытку покрыть свою нехватку бумажной эмиссией на 4 миллиарда франков (это-то и послужило поводом к правительственному кризису), но двадцати-миллиардный дефицит все же остался. Если по поводу каждых 4 миллиардов будет происходить правительственный кризис, то суммы дефицита еще хватит на 5 таких кризисов, при чем каждый из них, бесспорно, будет возрастать и становиться все более острым. Наиболее характерно, повторяю, что дело-то происходит во Франции. А Франция — страна-победительница, страна богатая, не находящаяся в лапах Антанты, являющаяся не объектом Версальского договора, а субъектом его. Итак, во Франции нет непосредственно-революционной ситуации, здесь есть известная «стабилизация», но вы видите и на данном примере предел этой стабилизации по экономической линии. Конечно, положение окончательно выяснится не в течение недель, не в течение месяцев, но пределы стабилизации хорошо иллюстрируются теми экономическими кризисами, которые назревают на наших глазах.

Пределы политической стабилизации. Пример Болгарии и Германии.

Возьмите теперь стабилизацию по политической линии. Мне кажется, что события в Болгарии и особенно в Германии также дают ясное представление о тех пределах, в которых приходится признавать нынешнюю политическую стабилизацию.

Мы не знаем, чем кончатся непосредственно события в Болгарии, но там вплотную дело подошло уже не только к попытке бол-

гарских помещиков и капиталистов вцепиться в горло «своих» рабочих и крестьян, но даже к возможности вооруженного конфликта между Юго-Славией, Болгарией и Румынией. Об этом в международных кругах говорилось определенно. Правда, вооруженного конфликта не произошло, но уже было близко к тому. Всякий, кто помнит обстановку накануне войны 1914 года, знает, что Балканы богаты классическими возможностями вооруженных конфликтов, способных вызвать мировую войну. И нынешнее положение на Балканах отнюдь не свидетельствует о политическом успокоении в лагере капитализма.

Сейчас во всем буржуазном мире происходят попытки, правда, уже несколько утихающие в последние дни, свалить события в Софии на нас, на советское правительство и Коминтерн. Полное отсутствие оснований для такого невероятного, чудовищного обвинения вынуждает обвинителей итти на попятную. В первые дни рекорд побила кадетская газета «Руль», уверявшая, что «они», большевики, нарочно на расширенном заседании Коминтерна выдумали стабилизацию, дабы отвести глаза, успокоить международную буржуазию, а самим в это время подготовить взрыв в Софии. (Смех.) Само собою разумеется, такой нелепице едва ли кто поверит. Взрыв подготовила вся социальная обстановка в Болгарии, даже больше — на Балканах. Все дело в том, что нельзя править в такой преимущественно крестьянской стране, какою является Болгария, против и вопреки интересам огромного большинства рабочих и крестьян.

Всего две недели, как закончился Исполком Коминтерна. По политической линии обстановка на Балканах показывает, что разыгравшаяся там борьба чуть ли не поставила вплотную вопрос о возможности вспышки новой войны. Во всяком случае, на наших глазах разыгрываются такие события, которые могут найти отзвук во всем мире. Налицо события, могущие повести к обострению классовых отношений в такой стране, как Болгария, немаловажной стране на Балканах, к усилению гражданской войны в ней.

Германия и Гинденбург.

Но особенное значение имеют, товарищи, последние события в Германии, избрание Гинденбурга германским президентом. Я должен вас сначала несколько познакомить с внутрипартийной стороной дела. Вторые выборы намечались в Германии в то время, когда делегация германской компартии находилась на расширенном заседании Исполкома Коминтерна. Мы отдавали себе отчет в том, какое важное политическое событие готовится в Германии. Мы единодушно решили, что следует предоставить партии самой решать вопрос на месте, но мы категорически советовали германской компартии открыто предложить социал-демократии поддержку ее кандидата на вторых выборах, если социал-демократи-

ческая партия не снимет своего кандидата. После первых выборов социал-демократы немедленно кандидатуру Брауна сняли, несмотря на то, что у них было 8 миллионов голосов, а у Маркса, кандидата центра, поповско-католической партии, — всего 3 миллиона. Социал-демократы своего кандидата сняли и решили мобилизовать всю Германию за кандидатуру Маркса, выговорив за это для Брауна местечко прусского премьер-министра. Таким образом, при вторых выборах остались 3 кандидата (Тельман, Маркс и Гинденбург). Правый фланг сманеврировал чрезвычайно искусно, выдвинув кандидатуру Гинденбурга не на первых выборах, а на вторых, и перепутав этим все карты.

Исход первых выборов был таков, что «черносотенной опасности», — как мы говорили в старые времена,—казалось, не было, так как выходило, что правый блок составлял только меньшинство даже при условии, если коммунисты останутся при своей отдельной кандидатуре. Но правый блок, выдвигая Гинденбурга, мобилизовал 3 миллиона новых избирателей, преимущественно женщин, и тем самым создал новую обстановку.

Мы боялись, что коммунистические голоса растают на вторых выборах и что, вместо миллиона восьмисот тысяч, мы получим только миллион голосов. Оказалось, однако, что голоса эти не растаяли; как показывает избирательная статистика, в Саксонии некоторые социал-демократические рабочие голосовали за Тельмана в виде протеста против того, что социал-демократы выдвигают Маркса. Надо добавить, что «левые» социал-демократы, в том числе часть союза социал-демократической молодежи, протестовали против того, что социал-демократическая партия поддерживает буржуазного кандидата. Это говорит о том, что не только в коммунистических, но и в социал-демократических слоях рабочих не было психологической подготовки к тому, чтобы голосовать за Маркса. Такова фактическая сторона дела.

Я хотел сказать два слова о числе голосов, поданных за нашу партию. Некоторые товарищи не без основания удивляются, почему на выборах в рейхстаг компартия получила 2.600.000 голосов, а сейчас только 1.800.000. Такое обстоятельство в значительной степени объясняется, — и теперь это можно доказать, — тем, что психология рабочих масс при выборах президента иная, нежели при выборах депутатов. Мы знаем, что на муниципальные выборы рабочие реагируют иначе, чем на парламентские, а на выборы фабзавкомов иначе, чем на президентские. На примере президентских выборов в Америке или даже выборов в такой маленькой стране, как Финляндия, мы видели определенно следующее: рабочие, зная заранее, что их кандидата в президенты не выберут, участвуют в этих выборах в меньшей степени, чем при выборах в парламент, когда они надеются провести 1 — 2 своих кандидатов. Этим и объясняется недобор голосов.

Вчера я получил сообщения относительно происходящих сейчас в Германии выборов в фабзавкомы; выборы эти находятся сейчас в самом разгаре. Сводки показывают известный рост голосов за коммунистов на предприятиях в целом ряде местностей. Если судить по этим первым данным, то можно предсказать, что число голосов, поданных за коммунистов на выборах в фабзавкомы в Германии, будет гораздо больше, чем 1.800.000. Точный учет труден, потому что в некоторых местах были общие списки с социал-демократами. Но по тем данным, которые мы уже имеем сейчас, ясно, что на выборах в фабзавкомы подчеркивается рост, а не падение влияния коммунистической партии в рабочих массах. Такова фактическая сторона.

Теперь, товарищи, о политической стороне вопроса. Я уже сказал, что выборы Гинденбурга также являются серьезной исторической иллюстрацией к нашему положению о стабилизации. Это положение целиком оказывается в силе, оно не может быть поколеблено теми или другими отдельными событиями в той или другой стране. Частичная стабилизация есть факт, она заполнит собою известный промежуток времени, вероятно, в несколько лет; но все же о пределах этой стабилизации мы можем и должны судить, между прочим, и по таким событиям, как президентские выборы в Германии.

В связи с результатом президентских выборов в Германии в данный момент происходит мировой меньшевистский поход против коммунистов. Социал-демократы на всех языках во всем мире кричат, что в избрании Гинденбурга виновны исключительно коммунисты. Я хочу привести один исторический пример, чтобы показать, как когда-то в аналогичном случае поступали социалистические партии. В 1913 г. происходили во Франции президентские выборы; конкурировали две кандидатуры: Пуанкаре, бывшего в то время председателем совета министров, и Памса, — министра земледелия в министерстве Пуанкаре. Памс считался более левым, более радикальным, нежели Пуанкаре. Оттенки политического различия между последним и Памсом были, примерно, такие же, как между Гинденбургом и Марксом. Во Франции поднялась отчаянная предвыборная горячка. Выборы происходили в отличие от германских, не путем прямого голосования народа, а на основании французской конституции в соединенном заседании сената и палаты депутатов. Голосование прошло следующим образом: Пуанкаре и Памс получили почти поровну. Пуанкаре имел всего голосов на 13 больше. У социалистической фракции было тогда 70 голосов. Кандидатом социалистов был намечен Вальян. Социалисты и голосовали за Вальяна, превосходно зная, что этим они содействуют избранию Пуанкаре. Там не было никаких сомнений относительно исхода выборов, там не производилось тайного голосования, тем более, что у них в обычае производить пробное голосование, которое было учинено и на этот раз. И, тем не

менее, французская социалистическая партия, входившая во II Интернационал, отнюдь не большевистская, возглавляющаяся такими людьми, как Жорес, Вильян и Гед, единодушно решила: мы не дадим своих голосов ни Пуанкаре, ни Памсу, мы отдадим их своему депутату. В те времена еще не было такой откровенной близости между социал-демократией и буржуазией, как сейчас. Тогда еще не могло быть такого сговора, какой мы видели недавно: ты дашь министерский портфель Брауну, а я продам тебе 8 миллионов рабочих голосов за твоего поповского кандидата; я даже не сделаю попытки поставить тебя к политическому барьеру; у меня-мол один выбор — между одним крылом буржуазии и другим крылом ее. Политика Гомперса стала теперь политикой всего II Интернационала. Это не грех напомнить теперь, когда они вешают собак на нас.

Политическое значение избрания Гинденбурга.

Все-таки самое значение выборов Гинденбурга большое. Не следует его переоценивать. Все же налицо тот факт, что в Германии после нескольких лет гражданской войны почти 15 миллионов немцев голосовало за Гинденбурга. Это — половина избирателей Германии. И в этом смысле, разумеется, не следует недооценивать такого симптома. Значительная часть избирателей в Германии голосовала не столько за Гинденбурга, сколько за реванш против версальского договора, против тех издевательств, которые нам незнакомы (потому что никогда наша страна—кроме краткого периода Брестского мира, не проходила через такую обстановку), но которые там вызывают величайшее возмущение и негодование в самых широких слоях народа. Очень может быть, что значительная часть избирателей голосовала не столько за Гинденбурга, сколько против Антанты, против французского и английского капитализма. Но все-таки факт остается фактом.

Тут опять напрашивается историческая аналогия. После разгрома Парижской Коммуны, если не ошибаюсь, в 1875 г. происходили выборы президента во Франции.

Утверждение республики в парламенте (1875 г.) прошло большинством в один голос, а президентом был избран Мак-Магон под лозунгом «Республика без республиканцев». Нечто подобное происходит сейчас в Германии. Выбирают такого президента республики, который пишет на своем знамени: «Республика без республиканцев», потому что гинденбурговская «республика» есть республика без республиканцев. Между положением во Франции 1875 года и в Германии 1925 года, конечно, колоссальная разница. Заключается она в том, что во Франции имел место разгром рабочего класса, потопленного в крови в Париже (там не было ни одной рабочей семьи, которая не насчитывала бы потерь, и революционное движение совершенно замерло. В Германии же

сейчас мы имеем могучий рабочий класс, истрепанный в боях и переживший крупные поражения, но еще не давший окончательного боя; 15 миллионов германских рабочих еще не сказали окончательно своего слова: а кругом Германии, за пределами ее, расположены страны с большим рабочим движением, и не только в Германии мы видим все возрастающую классовую борьбу. Партии Коминтерна завоевывают все глубже и глубже рабочий класс. В этом разница, но аналогия будет вполне правильная: пока-что в Германии, так же как после поражения Коммуны во Франции, дело катится по рельсам к лозунгу «Республика без республиканцев».

Каковы будут непосредственные результаты выборов Гинденбурга? Трудно предвидеть их сейчас целиком, однако, совершенно ясно, что внутри самой Германии это усилит и обострит рост политических противоречий. Социал-демократические вожди, которые нынче ведут погромную агитацию против коммунистов, очень скоро примирятся с Гинденбургом. Они носили его на руках в годы войны; они были последними, которые провозгласили буржуазную республику. Вельсы и Шейдеманы скоро примирятся с Гинденбургом. Но это не значит, что с Гинденбургом примирится и германский рабочий класс. Этого не будет. Противоречия внутри Германии будут расти; в Германии создается гораздо менее устойчивое политическое положение, чем можно было думать.

А каковы будут международные политические последствия избрания Гинденбурга? Бесспорно, серьезные. Гинденбург — это означает, во всяком случае, не стабилизацию отношений между Германией и Францией, а, наоборот, их обострение. Гинденбург — это означает также не стабилизацию отношений между Германией и Польшей, а их обострение. Итак, по линии Германия — Франция, Германия — Польша это есть создание неуверенного, беспокойного положения, положения, полного опасностей и чреватого неожиданностями.

По отношению к нам самим, к Советской стране, дело обстоит гораздо более сложно. Тут будет происходить длительная игра сил. Прежде всего Антанта попытается в течение некоторого времени повести дело так, чтобы суметь противопоставить гинденбурговскую Германию Советскому Союзу. К этому дело шло еще до выборов Гинденбурга. Его же избрание дает возможность англичанам вести эту игру, правда, более длительно, но зато и более «солидно».

Вчера появилось сообщение о том, что будто бы Америка будет реагировать на избрание Гинденбурга отказом Германии в кредитах, т.-е. что она будет «держать руку на кошельке». Сегодня есть другого рода известие, что избрание Гинденбурга расценивается как укрепление консерватизма в Германии и как реакция против большевизма, а это обстоятельство, по словам

министра финансов Меллона, обеспечивает интересы тех, кто помещает свои капиталы в Германии. Понятно, товарищи, что в Америке и во всем буржуазном мире найдутся элементы, делающие ставку на «более солидные политические силы Германии», которые, по их мнению, могут еще спасти страну от большевизма.

Что происходит в Германии с точки зрения всемирно-исторических перспектив? Мы ждали в Германии пролетарской революции. В начале нашего Октября мы надеялись, что она совершится в течение нескольких месяцев. Революция в Германии пришла гораздо позже, но не та, не пролетарская, а лишь революция, скинувшая Вильгельма. С известными оговорками мы можем сказать, что в Германии произошла буржуазно-демократическая революция. Ее не следует смешивать с нашей буржуазно-демократической революцией, в виду различия социального переплета у нас и в Германии.

Чему учит опыт Германской революции.

Германия дала интересную иллюстрацию к нашему старому спору с меньшевиками и с Троцким, утверждавшими, будто большевики стоят за «самоограничение» пролетариата, а пролетариат, придя к власти, никогда не будет-де «самоограничиваться», что, придя к власти, он сделает сразу социалистическую революцию. После революции 1918 г. в Германии к власти пришел пролетариат, вся страна была покрыта Советами, которые были фактически хозяевами положения. Первое германское правительство состояло из 6 германских социал-демократов: 3 правых и 3 независимых. Рабочие имели власть в своих руках, но, под влиянием и давлением социал-демократии, Советы на своем Всегерманском съезде сами себя распустили, «самоограничили» себя Веймарской буржуазной конституцией. Мы видели пример того, как цивилизованнейший рабочий класс Германии «самоограничил» себя буржуазно-демократической революцией. То, что происходит сейчас в Германии, можно характеризовать как некоторое обратное перерастание буржуазно-демократической революции к монархии, полуфеодального, полубуржуазного типа. В то время, как у нас с февраля по октябрь, за 9 месяцев, мы видели весьма быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, — в Германии мы наблюдаем сейчас на короткое время как бы обратное. В 1921 и 1923 годах нам казалось, что мы имеем в Германии переход к пролетарской революции. А сейчас мы видим некоторые конвульсии, некоторую судорогу в сторону обратного развития от буржуазной революции к Гинденбургу, к монархии. Я думаю, товарищи, что это только эпизод, что это именно только судорога, но все-таки в высшей степени характерная судорога, понять которую нам необходимо.

Гинденбург и Каутский.

Итак, победа Гинденбурга должна нас заставить, конечно, глубоко задуматься относительно молекулярных процессов, происходящих в народных глубинах такой страны, как Германия, прошедшей через пекло гражданской войны; эта победа должна нас заставить вместе с тем понять, каковы размеры политической стабилизации в Европе. Мы видим там ряд неожиданностей и возникновение таких фактов, которые могут поколебать эту стабилизацию сначала, может-быть, направо, но судорожные колебания направо могут смениться такими же колебаниями влево. Все это ставит вопрос о рабочей революции в чрезвычайно новой обстановке и грозит нам новыми опасностями.

Нечего удивляться тому, что с таким трудом коммунисты Германии поворачиваются в сторону возможности даже мимолетных соглашений с германскими социал-демократами против монархистов, ибо вожди германских с.-д., как и весь II Интернационал, олицетворяют теперь буржуазную политику.

Один пример вам пояснит дело. Мы слышали, что на недавно состоявшемся заседании Исполкома II Интернационала Каутский внес какие-то тезисы по русскому вопросу, которые были отклонены и которые оказались даже для меньшевиков слишком правыми.

Мы долго разыскивали эти тезисы и только теперь нам посчастливилось их найти. Интересно с ними познакомиться для того, чтобы понять, почему в самом деле в Германии было так трудно говорить о каком-либо соглашении коммунистов с социал-демократами против монархистов, хотя бы это соглашение было абсолютно допустимо и необходимо.

Вы знаете, Каутский — достаточно уже пожилой человек, достаточно уравновешенный (смех); Гинденбургу — 78 лет, Каутскому — около того, во всяком случае, вместе им будет добрых полтораста. (Смех.) Вы знаете, что этот убеленный сединами старец кроток, как ягненок, и мягок, как воск, когда дело идет о буржуазии. Он противник восстаний, гражданской войны и т. д. Но послушайте этого старца, безмятежно доживающего закат своих дней, как он пишет, когда дело идет о нас, о Советской стране, когда дело идет о нашей революции. Тезисы называются «Обязанности Интернационала в отношении России». До сих пор все думали, что обязанности Интернационала в отношении России заключаются в той или другой поддержке. У него же тезисы начинаются так: «Как в свое время борьба с самодержавием, так ныне борьба с деспотизмом, давящим и угнетающим народы России и завоеванные им области, является одной из важнейших обязанностей социалистов всех стран. Эксплоататоры (использова-

тели) революции стали ее могильщиком, и сейчас, выполняя только антиреволюционные функции, они представляют собой русскую разновидность бонапартизма».

«Ближайшим средством отпора грубейшему насилию является, в свою очередь, сила. Деспотизм, опирающийся на военную силу, до сих пор почти всегда свергается только народным восстанием или отходом его сторонников».

Дальше следуют мелкие оговорки, долженствующие дипломатически замазать дело. Он осуждает, видите ли, те восстания, которые не ведут к цели. И в этом смысле он несогласен с частичными выступлениями. Он хотел бы обойтись, по возможности, без восстаний и т. п. Такая позиция Каутского даже для русских меньшевиков оказалась «немножечко чересчур», и они ее отклонили. Но, представьте себе, каково должно быть отношение германских коммунистов к социал-демократам, когда они знают, как этот ученый Каутский и с ним все социал-демократические вожди смотрят на Советскую страну. Это лишний раз доказывает, насколько действительно дороги сторонников II и III Интернационалов разошлись.

Мне сдается, что обе эти фигуры, Гинденбург и Каутский, символически как бы представляют собой прошлое Германии и всей Европы. Мы видим сейчас такую конфигурацию и судороги, которые, временно укрепляя Гинденбурга, тем самым укрепляют Каутского. Они завтра будут друзьями. Но все-таки не этим старцам принадлежит будущее.

Стабилизация и... горячка вооружений в капиталистических странах.

Создавшаяся обстановка говорит о том, что мы имеем налицо в капиталистическом лагере элементы неустойчивости. Сравните картину того, что мы видим сейчас, с тем, что было недавно. Год тому назад были Макдональд, Эррио, Эберт; в Юго-Славии — Давидович, а теперь на их месте Чемберлен, Гинденбург; во Франции — Бриан, потому что фактически он будет хозяином правительства; в Юго-Славии мы видим Пашича, старого знакомого по царским временам. Европа явно чернеет. Это есть колебание вправо, которое неизбежно влечет за собой, однако, сдвиги влево.

На этих днях Муссолини, произнося в сенате речь, требовал новых кредитов на вооружение. Обращаясь к сенаторам, он сказал: неужели вы верите, что война 1914 — 1918 г.г. в действительности была, как многие утверждают, последней войной? В ответ на это раздались общие голоса сенаторов: конечно, нет. В итальянском сенате сидят также вполне почтенные люди, и по возрасту, и по своему прочему значительно сродни Гинденбургу.

Они прямо и определенно отвечают: конечно, война еще будет. И они правы.

Сегодняшнее сообщение рассказывает, как ставится вопрос о вооружении в Швеции. Подумайте, Швеция, безмятежнейшая страна, не участвовавшая в войне, расположенная, как будто далеко от столбовой дороги революции, и, представьте себе, там сейчас кипят страсти по поводу того, что не сегодня-завтра кто-то нападет на Швецию. Консерваторы ведут там бешеную агитацию против сокращения вооружений. Из разных местностей прибывают депутации с петициями к риксдагу и военному министерству против сокращения вооружений. Вчера в Стокгольме состоялся митинг по этому же вопросу. Среди других ораторов выступал также Свен Гедин, «старый знакомый» т. Чичерина, который, между прочим, утверждал, что в Восточной Европе в любой момент могут возникнуть военные осложнения. Гедин ссылается в доказательство на взрывы в Ревеле и Софии. Выступавший также генерал Лидер пугал «русской опасностью», заявляя, что «нападение со стороны СССР будет в первую голову направлено на нейтрализованные Аландские острова, которые не могут быть защищаемы ни Финляндией, ни Швецией». В принятой на митинге резолюции подчеркивается необходимость усиленной обороны Стокгольма, которая, якобы, окажется значительно ослабленной по проекту сокращения вооружений.

Подумайте, усиленная оборона Стокгольма. И в 1925 г. по случаю стабилизации. Казалось бы, кто-кто, а Стокгольм мог бы быть спокоен. Непосредственная опасность ему не угрожает. А между тем, почтенные сенаторы действуют почти так же бурно, как комсомольцы. (Смех.) Нужно, видите, ли, защищать Стокгольм заблаговременно, нужно вооруженное укрепление Стокгольма.

Ллойд-Джордж тоже недавно говорил, что он не пессимист, но если присмотреться к тому, что происходит в Англии в хозяйственной области, то, по его убеждению, «если ничего радикального не произойдет, катастрофа неизбежна». Вот вам отзыв Муссолини, шведов и Ллойд-Джорджа. Прибавьте к этому недавнее совещание генеральных штатов в Риге, прибавьте еще к этому тот факт, что, в связи с софийским взрывом, прямо запахло порохом в таком уголке Балкан, который зажег войну в 1914 году.

Если сопоставить все это, становится ясным, что стабилизацию мы должны признать и из нее исходить; но нужно учитывать обстановку, размеры и характер этой стабилизации. Мы должны понять, что капитализм и теперь, в пору сравнительной стабилизации, не будет покоиться мирно, как в люльке. Это такая стабилизация, которая не противоречит тому, что то вправо, то влево будет происходить раскачка. А мы, оценивая эту частичную стабилизацию, должны видеть и судороги буржуазного строя, которые он переживает. Так мы должны ставить вопрос о стаби-

ток реставрации. Другими словами, правильной политикой как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции.

Не следует представлять себе дело слишком упрощенно. Если ставится вопрос, должны ли мы, можем ли мы, смеем ли мы строить социализм в одной стране, мы отвечаем: конечно, должны, можем, смеем, обязаны. Мы имеем сейчас возможность и должны воспользоваться этой возможностью для того, чтобы в одной стране сделать максимум необходимого для поддержки революции во всех странах. Мы имеем, как говорил т. Ленин, не только передышку, но нечто большее, чем передышка. Мы имеем обширную базу, чтобы строить социализм в нашей стране, и мы должны его строить. Мы не живем уже на бивуаках. У нас не должно быть настроения людей, которые строят только леса, а здание начнут возводить в отдаленные времена. Нет, мы теперь должны строить уже само здание, а не леса. У нас не должна быть «бивуачная» атмосфера, мы расположились не на бивуаках, а на своей пролетарской штаб-квартире. Мы должны строить социализм в нашей стране, помня, что наша победа есть часть международной победы, что мы сами не малая гиря на весах международной революции, что мы сами — отряд международной революции. Мы — шестая часть земной территории, мы — самая большая «дробь» международной революции. От наших усилий, от нашего напряжения, от наших успехов, хозяйственных и других, зависят успехи революции в международном масштабе.

Что значит теперь претворение в дело слов т. Ленина: сделать максимум возможного в одной стране для победы революции в остальных странах? Это значит — делать все для международной революции, начиная от поддержки рабочего восстания в той или иной стране и кончая выработкой дешевого ситца для населения своей страны. И то и другое входит в наши обязанности. Строительство социалистического хозяйства в нашей стране есть в то же время развитие, расширение базы международной пролетарской революции.

«10—20 лет правильных отношений с крестьянством — и победа обеспечена».

В недавно вышедшей книжке «Большевика» опубликованы первоначальные наброски рукописи т. Ленина о продналоге. Наброски т. Ленина являются цельным произведением. Мы находим там такое заявление т. Ленина: «10 — 20 лет правильных соотношений с крестьянством—и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут, иначе 20 — 40 лет мучений и белогвардейского террора)» [1])

[1]) „Большевик", № 7, стр. 76.

Вы видите, в марте 1918 г. Владимир Ильич вместе со всей партией думает, что дело решается неделями, месяцами, что если немецкая революция не придет, мы погибнем. В 1921 г., учитывая большой исторический опыт истекшего периода, он говорит уже: 10 — 20 лет правильных отношений с крестьянством, правильное строительство на этой почве — и будет обеспечена победа во всемирном масштабе даже при затяжке международной революции. Так стоит вопрос перед нами сейчас. Мы остаемся международными пролетарскими революционерами в двояком отношении: в том смысле, что, следуя долгу интернационалистов, мы должны в нашей стране, где мы держим власть, сделать максимум возможного для победы революции в других странах. Во-вторых, мы международные пролетарские революционеры, так как помним, что социализм в международном масштабе не может быть разрешен одними нами. Это относилось в свое время также и к буржуазным революциям. Разве Великая Французская Революция не вела ряда войн? Во имя чего она вела эти войны? Она отлично понимала, что, если Франция будет окружена феодальными странами, то буржуазная революция в ней не прочна. Она должна была добиться того, чтобы целый ряд соседних стран был создан по образу и подобию ее, т.-е. чтобы и там создался буржуазный строй.

Так делала буржуазная революция. Тем более это верно в применении к пролетарской революции. Пролетарская революция не может окончательно победить до тех пор, пока она не одержала победы в нескольких решающих странах. Пока она окружена империалистическими буржуазными державами, до тех пор ее победа может быть очень серьезной, очень большой, но не окончательной. Если она имеет в своем распоряжении 20 — 10 — 5 лет, она должна использовать каждый день, каждую минуту, чтобы с напряжением всех сил сделать максимум возможного для победы революции в других странах.

Сейчас этот завет получил огромное значение для всех нас. Вопрос о частичной «стабилизации» капитализма в Европе неверно преломляется в сознании иных членов нашей партии, особенно из среды учащейся молодежи, и сбивает их с правильной позиции. Мы, как партия, должны поработать над разъяснением того ленинского положения, что и в нашей нищей стране можно строить социализм, даже находясь в капиталистическом окружении. Мы все признали частичную стабилизацию капитализма в Европе, все признали, что дело мировой революции пойдет медленнее. Означает ли это для России неизбежность мелкобуржуазного перерождения, означает ли это застой в нашем революционном развитии или возвращение вспять? Надо сказать, что такое толкование не существует, как оформленное течение, такое настроение только кое-где носится в воздухе, и это настроение вполне понятно в такой стадии революционного движения. Это настроение надо решительно изживать!

IV. Задачи большевизма в наши дни.

О двух возможных опасностях при оценке нынешнего положения.

Есть две опасности в нынешнем положении, и сводятся они к следующему. Кое-где в наших рядах могут возникать подобные настроения: если в самом деле окончательная победа возможна при мировой революции и если мы признаем, что мировая революция отодвигается надолго, если мы не имеем достаточной поддержки извне, то удастся ли нам в России построить социализм? И не дошли ли мы до такого положения, — как выпукло определил и осмеял эти настроения один товарищ, — когда нам пора-мол подумать, «не надо ли нам сматывать удочки». Может-быть, нынешнее положение означает, что мы (РКП) не можем выполнить своей исторической миссии, как большевистская партия, как партия международных пролетарских революционеров? Вот одна гамма настроений, которая уже кое-где носится в воздухе, кое-где проявляется. Другая, возможная гамма настроений — та, которую мы назвали в своих тезисах опасностью национальной ограниченности. Речь идет о таких настроениях, которые можно бы свести к формуле: какое нам дело до международной революции, мы можем соорудить себе келью под елью: мы имеем необъятную страну, имеем власть, мы можем окончательно закрепить свою победу, мы можем в конце концов и не придавать большого значения тому, что происходит на международной арене. Нет еще определенно выраженного подобного течения, но такие настроения носятся в воздухе. Если нельзя еще говорить об их оформлении, то надо считаться с опасностью их зарождения. На то мы и партия, созданная тов. Лениным, чтобы заглядывать вперед, чтобы видеть возможную угрозу. Мы должны перерезать дорогу таким настроениям, предупредить их. Мы должны настойчиво напоминать всем нашим товарищам, что мы остаемся пролетарскими революционерами, международными пролетарскими революционерами, что мы ждем окончательной победы только в международном масштабе, что мы этого не забываем и не можем забыть ни на одну минуту и что мы, победив в одной стране, сделаем максимум возможного для поддержки революционного движения в других странах.

Перед нами стоит сейчас необходимость оградить самих себя от этих двух возможных опасностей в нашей собственной среде, о которых я говорил, а затем перед нами встает задача особенно близко подойти к Коминтерну: оказывать ему особенно горячую поддержку, помогать ему черпать из кладезя теоретического ленинизма и из нашего практического, из нашего политического опыта, в особенности из опыта, накопленного за годы 1907—1914, чтобы помочь ему провести международный пролетариат через

все теснины, через все трудности нынешнего положения. Конечно, каждому из нас было бы куда легче говорить в мажорных тонах, поднимать массы на борьбу, звать их непосредственно к штурму, к бою и т. д. Гораздо труднее международную организацию удерживать от необдуманных шагов, сдерживать в ее революционном порыве, указывать ей на все трудности положения, чтобы добиться необходимого результата. Но это сейчас совершенно необходимое лечебное средство для того, чтобы Коминтерн оставался большевистской организацией.

Наша крестьянская политика и развитие пролетарской революции.

Конечно, резолюции пленума, которые были приняты по вопросу о крестьянстве, по колониальному вопросу и специально по вопросу о большевизации, — все они проникнуты ленинизмом и все они вполне соответствуют задачам, перед которыми стоит Коминтерн.

Нужно, чтобы сейчас передовики нашей партии сами увязали в своем сознании нашу крестьянскую политику с политикой Коминтерна и повели дальше эту работу вполне уверенно. В этой области вы тоже услышите местами множество преувеличений. В связи с опубликованием моих тезисов по вопросу настоящего доклада, я получил от одного товарища письмо, в котором он меня спрашивал: «Каково ваше мнение, — верно ли, что решительный поворот направо в политике нашей партии в деревне объясняется международной обстановкой?». В этом вопросе нагляднее всегда элементы правильного понимания вопроса переплетаются с элементами явно неправильными. Нет сомнения, что наша политика в деревне до известной степени связана с международным положением, но неверно, что она представляет собой поворот нашей партии вправо. Нет, это не поворот направо, это—ленинское продолжение политики, начатой нашей партией в 1917 г. и раньше. Никакого поворота вправо здесь нет.

Если бы революция развивалась даже быстрей, мы все же должны были бы осуществлять политику союза с крестьянством. Еще во время II конгресса Коминтерна, когда и т. Ленину казалось, что революция идет решительно вверх, он и тогда учил нас тому, что как раз после победы пролетарской революции мы получим новые грандиозные возможности, чтобы закрепить за собой крестьянство, как союзника. Само собой понятно, что в обстановке более быстрого хода революции у нас кое-что шло бы по-иному, но наша основная политика оставалась бы такой же. Она все же сводилась бы к необходимости закрепления союза рабочего класса с крестьянством. Вот почему эту сумятицу в представлениях нужно уничтожить. Нет поворота политики партии направо, а есть правильная политика партии, которая выросла из учета взаимоотно-

шений классов в нашей стране. Конечно, и взаимоотношения классов в нашем Союзе должны будут правильно оценены нами лишь в соответствующей международной перспективе, на основе того, что мы — партия международного пролетариата. Но это не меняет основного: наша политика намечена верно.

Если мы произведем соответствующую прививку против обеих опасностей, о которых я говорил, тогда, я думаю, мы сделаем все необходимое для того, чтобы в этот трудный момент правильно вести Коминтерн по предстоящей ему тяжелой дороге.

И я думаю, товарищи, если взять работу расширенного Исполкома Коминтерна и работу нашего Центрального Комитета за последнее время, и работу настоящей конференции—тут получится увязка полная. Мы получаем теперь и получим со временем, когда глубже и шире осуществим нашу крестьянскую политику, полную увязку нашей задачи, как пролетарской партии, одержавшей пока-что победу в одной стране, с другой нашей задачей, формулированной Владимиром Ильичем так: задача интернационалиста, если он завоевал власть в одной стране, заключается в том, чтобы сделать максимум возможного для обеспечения победы во всех других странах. Эту увязку по деловой, принципиальной и теоретической линии мы должны сделать.

Мы цитировали уже слова тов. Ленина в его плане и статье о продналоге, составленном им в 1921 г. Тов. Ленин в этом плане, набросанном для себя, писал, что необходимо 10 — 20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством — и мы выиграем во всемирном масштабе даже при замедленном темпе международной революции. Эта фраза не попала тогда в его статью, я думаю, не случайно. Владимир Ильич не хотел еще в то время говорить в печати о таких слишком длинных сроках, — сейчас *надо* говорить об этих сроках, сейчас *надо* напомнить об этих 10 — 20 годах. При чем 10 — 20 лет — не обязательный, конечно, срок. Мы охотно согласимся сократить его, если ход мировой истории это позволит. Но в перспективе нужно видеть и такой срок: 10 — 20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством при медленном росте пролетарской революции. Понятно, необходимы не только правильные взаимоотношения с крестьянством, но и правильная международная политика вообще, и особенно правильная линия Наркоминдела, и, еще больше, правильная политика по рабочей линии. Если мы будем осуществлять и то, и другое, и третье, тогда мы, действительно, пройдем через все трудности.

Англо-советское профсоюзное сближение.

Я хочу еще сказать несколько слов относительно нашего сближения с английскими профсоюзами. Мы об этом говорили на пленуме ЦК. Я хотел бы здесь лишь несколько дополнить ска-

занное. Мы учитываем экономическое положение Англии. Это не только наше индивидуальное мнение, это — мнение целого ряда виднейших исследователей, это общее мнение, что в Англии именно сейчас, при господстве консерваторов, начинает создаваться общая революционная ситуация, создается медленно, но верно. Поэтому грандиозное значение получает попытка сближения между нашими и английскими профсоюзами, ибо она идет по линии исторического развития Англии. Мы идем именно навстречу этой ясно выраженной тенденции исторического развития Англии, навстречу революционизированию Англии и ее рабочего движения. Правильное применение тактики единого фронта именно в Англии имеет глубочайшее значение. Профинтерн должен развиваться до тех пор, пока станет возможным международное профессиональное единство. И вместе с тем, мы сделаем абсолютно все возможное, чтобы начавшееся сближение между английскими, французскими и советскими союзами шло дальше и развивалось.

О споре с тов. Троцким по коминтерновской линии.

От некоторых неисправимых оппозиционеров можно услышать такие заявления: если вы сами признали на заседании расширенного Исполкома Коминтерна частичную стабилизацию капитализма, замедление революции, то этим самым вы признали правоту троцкизма в вопросах Коминтерна. На этот вопрос я хотел бы ответить.

Мы спорили с Троцким не по вопросу о том, победит ли международная революция в 1923 или в 1925 году. Мы обвиняли тов. Троцкого не в том, что он (как и мы) видел замедленный темп революции. Расхождения были не тут, а в том, как надо действовать пролетарскому революционеру-большевику в период замедления мировой революции.

Расхождения были именно в этом. Большевизм разошелся с Троцким в 1908 г. не по вопросу о том, происходит ли известное замедление революции или нет. Было бесспорно, что такое замедление происходит, что мы переживаем период временной «стабилизации» царизма. Мы спорили о том, *какую тактику* рабочая партия должна применять в пору столыпинской «стабилизации» царизма. Троцкий сошелся тогда с меньшевиками. Целое десятилетие с 1907 по 1917 г. мы спорили с меньшевизмом, в том числе с троцкизмом, не о характере революции, не о темпе ее, но о том, будет ли вообще вторая революция, работать ли на нее, готовить ли партию для нее? Разногласия с меньшевиками были из-за того, что они не хотели на революцию работать.

Вот эта сумма вопросов ставится теперь в международном масштабе. Всем очевидно, что темп революции замедлился. Мы

не об этом спорим. А спор идет о том, готовить ли международную революцию дальше, как держаться и впредь с международным меньшевизмом. Вы знаете, какие выводы на этот счет делал тов. Троцкий в международном масштабе. Он солидаризировался с Брандлером и Радеком относительно Германии. Беда в том, что Троцкий солидаризировался с правыми элементами германской партии — Брандлером, Тальгеймером и Радеком, которые тактику единого фронта предлагали в Коминтерне истолковать, как тактику коалиции с германскими меньшевиками.

Вы знаете, что на недавнем пленуме Исполкома Коминтерна обсуждалось заявление Радека, Брандлера и Тальгеймера, а также ответ Ц. К. Партии на это заявление, принятый всем конгрессом. В своем заявлении Радек, Брандлер и Тальгеймер говорят: теперь наши предложения относительно политики коалиции с левыми социал-демократами теряют свою силу. Другими словами, они сами признают, что считали, будто единый фронт заключается в коалиции, в политическом союзе с социал-демократией и с так называемой левой социал-демократией. Вот где сущность нашего спора с троцкизмом по линии Коминтерна.

Мы говорим: именно, в такую эпоху сравнительного затишья наша борьба против социал-демократии и меньшевизма должна быть особенно четкой. В такую пору мы выковываем свои силы. Если мы теперь протянем хоть один палец меньшевику, он схватит всю руку. Когда большевизм вел особенно упорную и отчаянную борьбу против меньшевизма? В годы 1907 — 1917. Это время заполнено боями с меньшевизмом. В десятилетие 1907 — 1917 г. мы должны были окапываться целой системой рвов и укреплений, мы должны были «изолироваться» от меньшевистской заразы, вести против врага отчаянную борьбу. Вот это же нам приходится проделывать в международном масштабе и теперь. Радек и Троцкий толкали нас на политику коалиции с социал-демократией, на политику соглашения, коалиции с меньшевизмом. Мы говорим — в эпоху большого подъема иногда и удается оторвать ту или другую фалангу, группу, группочку, прослойку от меньшевизма. Мы видели это в нашей революции: в бурные времена нам удавалось отколоть, оторвать известную прослойку от меньшевиков. В годы подъема, когда революция нарастает изо дня в день, это возможно. Но в эпоху упадка возникает громадная опасность, что смешаются ряды. Тут меньшевика не оторвешь, а если пойдешь на «коалицию» с ним, то сам погибнешь, потеряешь смысл своего существования, превратишь свою революционную, большевистскую партию в полуменьшевистскую. В международном масштабе это было бы для нас особенно опасно.

Я не касаюсь здесь вопроса об англо-американском сотрудничестве. Ошибочность точки зрения тов. Троцкого в этом вопросе была вскрыта мною, мне кажется, с достаточной полнотой в докладе на самом пленуме.

Вот почему сейчас необходима еще такая, на первый взгляд, арьергардная полемика, но в действительности вполне современная, ибо речь идет о злободневнейшем вопросе, о нашей тактике в нынешний период революции.

Трудности в отдельных партиях.

Вы знаете, что в связи с нынешним переходным периодом должны были возникнуть некоторые болезненные процессы в отдельных секциях Коминтерна. Надо сказать, что особенно трудно было положение в чехо-словацкой партии. Там боролись три течения, представителей которых можно условно характеризовать как ликвидаторов, как партийцев, еще не ставших большевиками, и как большевиков, но большевиков иногда с известными ошибками. Мы повели дело так, чтобы образовать блок двух последних течений против ликвидаторов. Нам кажется, что наша линия в данном вопросе оказалась правильной. По крайней мере, те сведения, которые мы получили сегодня, говорят за то, что блок этот удается. Мы получили сведения о том, что лидеры ликвидаторов (Раучек и др.) выходят из партии. Это не плохо. А блок, создавшийся при нашем содействии, работает дружно. Мы надеемся, что он выведет партию на широкую дорогу.

Мы хотели сказать еще несколько слов относительно расхождения и трудностей в немецкой партии. Там приходится за каждый тактический урок расплачиваться еще довольно дорого, потому что партия, прошедшая через опыт Брандлера, вынужденная после этого круто изменить свою тактику, теперь, обжегшись на молоке, дует на воду и иногда нуждается в серьезных уроках. Детские болезни «левизны» еще сказываются.

Мы остаемся международными пролетарскими революционерами.

Самое важное, чтобы мы дали теперь нечто цельное авангарду всемирного рабочего класса. Самое важное, чтобы мы не только работу среди русских рабочих увязали с нашей международной политикой, с нашей работой в России, но чтобы мы увязали наши текущие задачи с общими задачами международного пролетариата. Потому что иностранный рабочий-коммунист живо интересуется тем, как замедление темпа мировой революции отразится на Советском Союзе, не будет ли тут замедления, не переродится ли партия, не отречется ли она от своего пролетарского духа и не уйдет ли она от ленинизма. Нам необходимо формулировать здесь такую увязку взглядов, которая была бы годна не только для нашей партии, но и для всего международного пролетариата.

Я уверен, товарищи, что мы этот вопрос разрешим. Он очень трудный, мы должны его тщательно разработать, мы должны и в нашей стране продолжать политику, которую начали в Коминтерне. Дальнейшая разработка вопроса даст нам правильную увязку и по линии нашей работы внутри страны, и по линии международной организации Коммунистического Интернационала. По линии нашей внутренней работы мы ясно сказали, что нам нужно пользоваться каждой минутой, каждой секундой для дальнейшего строительства социализма. При всей технической отсталости нашей страны мы можем и должны строить, должны построить и построим социализм, несмотря на замедленный темп международной революции. Мы ясно сказали, что окончательная победа лежит на международной арене, но что замедленный темп революции не отодвигает самую победу, а отодвигает только ее срок. Мы были и остаемся международными пролетарскими революционерами. Вот что мы хотим сказать всей суммой своей работы.

Мы знаем, что перед нами еще громадные трудности, — они будут и у германских рабочих-коммунистов, которые переживают теперь период, кое в чем подобный нашим июльским дням; когда на них будут сыпаться всевозможные обвинения, когда они будут подвергаться тяжелым нападкам со всех сторон. И Гинденбург будет пользоваться каждым случаем, чтобы душить коммунистов. И германская социал-демократия будет кричать германским рабочим: разве вы не видите, что никакой мировой революции нет? Вы зря идете в тюрьмы и на каторгу, ибо революции нет и нет. Я, товарищи, могу вам напомнить, что такое положение переживали некогда и мы, русские большевики. Наших товарищей рабочих арестовывали, заключали в тюрьмы, ссылали на каторгу, а меньшевики провожали их злорадным шипением: «Зачем ты напрасно идешь на каторгу? Революция — химера, ты идешь на каторгу не за революцию, а за Ленина». Нечто подобное происходит сейчас и в Германии. У нас, бывало, большевику в тюрьме давали читать евангелие, а теперь в Германии коммунисту дают читать «Форвертс» или социал-демократическую брошюрку, рассказывающую о том, что сама-де Москва «признала» стабилизацию, что революция кончилась, что революция — химера, что рабочие зря гниют в тюрьмах и т. д.

Конечно, германским коммунистам предстоят большие испытания и громадные моральные мучения. Посмотрите на обстановку борьбы Коминтерна сейчас. У нас, в России, борьба была очень тяжелой, особенно в годы 1909 — 1911. Тяжело было в подполье. Но надо по правде сказать, что коммунистам сейчас в целом ряде стран приходится совсем не легче. Они, пожалуй, зачастую находятся сейчас в более трудной обстановке. Мы, товарищи, привыкли уже к тому, что почти каждый день расстреливают коммунистов то тут, то там, что белый террор бушует в таких размерах, какие нам и не снились. После 1905 — 1906 г.г. мы были

загнаны в глубочайшее подполье. И все же международный коммунизм в европейском масштабе проходит сейчас через еще более тяжелую полосу. Европейским коммунистам приходится труднее еще и потому, что у них нет таких крепких традиций, как в свое время у нас, они не встречают такого сочувствия, какое находили в свое время российские большевики в некоторых слоях буржуазной интеллигенции. Правда, их борьба облегчена уж тем, что за их спиной — наша победившая революция, за их спиной — опыт наших трех революций, за их спиной стоит Коминтерн, кое-где и кое в чем они еще имеют большую свободу. Но в целом они проходят через полосу гораздо более тяжелую, чем мы в 1908 — 1912 годах.

Вот сумма вопросов, которые стоят перед нами. Задача в том, чтобы руководители нашей партии, собравшиеся здесь, прежде всего сами произвели эту необходимую политическую увязку в своем сознании и понимании окружающего. А это даст возможность каждому в своей отрасли работы делать свое маленькое, но вместе с тем великое дело так же, как тем, кто поставлен на другие посты, делать то же дело в международном масштабе. Без этой увязки наших собственных задач с задачами всего Коминтерна, мы, как слепые, бродили бы в потемках. Мы хотим открытыми глазами смотреть на мир, хотим видеть и понимать то, что происходит перед нашими глазами. Имев в виду срок, указанный т. Лениным: «10 — 20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством и победа в мировом масштабе обеспечена, даже при замедленном темпе международной революции» (конечно, этот срок не обязателен), мы надеемся, что, возможно, победа будет обеспечена скорее, что революции в других странах произойдут гораздо раньше. Но если понадобится, если не удастся добиться окончательной победы, как мы надеемся, быстро, то 10, 20 лет мы будем работать систематически и при замедленном темпе революции. Если понадобится, мы будем работать и дольше. Наша партия, как была, так и останется передовой частью Коминтерна, партией рабочих масс, партией международного пролетариата, партией международной пролетарской революции. (Аплодисменты.)

Через Носке к Гинденбургу.

(Обращение Исполкома Коминтерна к рабочим всех стран.)

Гинденбург избран президентом Германской республики. «Мирная», «демократическая», «эволюционная», «бескровная» тактика германской социал-демократии возвела на трон ген. Гинденбурга. Носке и Эберт породили Гинденбурга — предтечу нового Гогенцоллерна. «Национальным героем», «величавой фигурой мировой истории», «крупнейшим деятелем Германии», «благороднейшим защитником отечества» — так называли германские социал-демократы генерала Гинденбурга в годы империалистической войны. Не в малой степени германская социал-демократия ответственна за то, что и теперь в отсталых слоях народа на Гинденбурга смотрят, как на национального героя. Не в малой степени способствовали этому и империалисты Антанты. $14^1/_2$ миллионов голосов подано за Гинденбурга. Часть этих голосов подана не столько за Гинденбурга, сколько против Антанты, за идею реванша, против авторов Версальского мира. Но в руках клики Гинденбурга эти голоса станут орудием социальной реакции белого террора монархии.

Есть два пути борьбы с монархией. Образец первого показали русские рабочие в 1917 — 18 г.г. Другой образец — «эволюционный», «демократический» — хотел показать II Интернационал в лице германской социал-демократии. Последними согласились на свержение Вильгельма II вожди германской социал-демократии, но первыми выступили они за свержение германских советов. Они обезглавили советы в 1918 г. Носке работает «на демократию, против всякой диктатуры»—утверждала германская социал-демократия. Теперь уже ясно даже слепому, что Носке и вся германская социал-демократия не против всякой диктатуры, а *против диктатуры пролетариата*, *за диктатуру буржуазии*, приведшую теперь к победе Гинденбурга. Подавляя спартаковское восстание, убивая Либкнехта и Люксембург, вы подготовляли победу Гинденбургу. Разгоняя советы, раскалывая профсоюзы, расстреливая революционных моряков и рабочих, отправляя на каторгу лучших пролетариев Германии, подавляя восстания германских рабочих в марте 1921 г., поднимая на щит

генерала Секта, бросаясь в огонь для защиты буржуазии в октябре 1923 г., истребляя цвет революционного пролетариата, вы, вы, господа социал-демократы, а не кто-либо другой подготовляли и подготовили победу Гинденбурга!

Коминтерн предложил германским коммунистам поддержать на вторых выборах социал-демократическую кандидатуру в германские президенты, если социал-демократы оставят своего кандидата. Но, оставаясь попрежнему верными цепными псами буржуазии, вожди германских социал-демократов сняли своего кандидата в пользу буржуазного кандидата Маркса. Вновь и вновь германские социал-демократы сбрасывали с исторических счетов 15-миллионный рабочий класс, как самостоятельную политическую силу. Авангард германского пролетариата не мог с этим примириться. Еще и еще раз вожди германской социал-демократии доказали перед всем миром, что они такие же сомнительные республиканцы, как и плохие социалисты. Нет никакого сомнения в том, что вожди германской социал-демократии и всего II Интернационала попытаются теперь взвалить ответственность на германских коммунистов. Они будут сыпать массам песок в глаза. Они вновь и вновь подымут травлю против авангарда германского пролетариата.

Лицемеры! Разве болгарская социал-демократия, часть II Интернационала, не поддерживает мясника Цанкова? А чем Цанков отличается от Гинденбурга?

Разве венгерская социал-демократия, часть II Интернационала, не поддерживает палача Хорти? А чем Хорти отличается от Гинденбурга?

Разве в Италии правое крыло социал-демократии, часть II Интернационала, на деле не поддерживает Муссолини? А многим ли Муссолини лучше Гинденбурга?

Разве в Эстонии социал-демократы меньшевики, часть II Интернационала, не поддерживают вешателя эстонских рабочих генерала Лайдонера?

Разве в Польше ППС, партия II Интернационала, не поддерживает палача польского народа?

Разве в Америке Гомперс и его преемники не являются открытыми сторонниками самой оголтелой буржуазной реакции?

Разве в Англии Макдональд и компания, принадлежащая к числу вождей II Интернационала, не падает ниц перед английским королем?

Таковы эти «борцы» против монархии, против черносотенной опасности.

Сознательные рабочие Германии и всего мира должны серьезно задуматься над политическим значением избрания Гинденбурга. Рабочие, сочувствующие еще социал-демократии, должны ясно отдать себе отчет в том, что тактика социал-демократии неизбежно приведет к победе всемирной буржуазной реакции. Монар-

хическая опасность в Германии налицо. Рабочие коммунисты должны видеть ее ясно. Коммунисты не могут стоять на той точке зрения, что для нас безразлично — монархия или буржуазная республика. Коммунисты не только не останутся равнодушными к этому вопросу, но они станут во главе подлинной борьбы против монархической опасности.

Коммунисты еще и еще раз протягивают руку рабочим социал-демократам, предлагая им единый фронт для общей революционной борьбы против монархической опасности. Политическая карта Европы все больше заливается черным цветом. В ряде стран крепнет реакция.

Коммунисты во всем мире ведут борьбу за международное объединение профсоюзов. II Интернационал ведет бешеную атаку против этого объединения, еще и еще раз доказывая этим, что он является вернейшим оплотом мировой буржуазии. А германская социал-демократия, та самая, которая привела теперь к победе Гинденбурга, является самой заклятой противницей международного объединения профсоюзов среди всех остальных партий II Интернационала.

Германские рабочие! Неужели и теперь еще вам не ясно, что «победоносная» тактика германской социал-демократии ведет вас прямехонько под ярмо буржуазии, ведет к восстановлению монархии? Неужели вам не ясно, что только в объединении всех без различия рабочих Германии лежит спасение германского пролетариата, в объединении, конечно, не под знаменем Стиннеса, Бармата или Маркса, а под красным знаменем революции?

К сплочению рядов, к созданию единства рабочих всего мира под знаменем классовой борьбы, к совместной борьбе против монархической опасности зовет Коммунистический Интернационал.

Помните, что избрание Гинденбурга, во всяком случае, не увеличивает шансов на мир, а увеличивает опасность новых войн. Помните, что только железное единство рядов международного пролетариата может предотвратить эту опасность.

Избрание Гинденбурга должно заставить глубоко задуматься каждого передового рабочего. Если рабочие массы и теперь не отвернутся от социал-предательских вождей, они своими руками подготовляют себе новые империалистические войны, новые ужасы и страдания. Тяжелые политические уроки не должны пропасть даром. Путь от Носке неизбежно вел и привел к Гинденбургу, но путь от Гинденбурга не должен вести назад к Носке. Пятнадцатимиллионный пролетариат Германии мог бы освободить свою страну от ига капитала и мог бы создать Советскую Республику в своей стране, если бы он не был раздроблен, если бы он сумел распознать и отбросить контр-революционную тактику германской социал-демократии. Вне этого неизбежен рост реакции, поражений рабочего класса, новых войн, прямой монархической реставрации.

К единству рабочих рядов зовет Коммунистический Интернациоанал, к созданию единого фронта для борьбы против мировой буржуазной реакции, в том числе реакции монархической. К борьбе против наступающего шовинизма, к созданию единства профсоюзов. К решительной борьбе против опасности новых войн зовет Коммунистический Интернационал.

Долой социал-демократических пособников мировой буржуазной реакции!

Да здравствует революционная борьба международного пролетариата!

Да здравствует единство пролетарских рядов!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Москва, 27 апреля 1925 года.

Приложение 1-е.

Резолюция по докладу исполкома коминтерна [1]).

1. Расширенный пленум Исполкома констатирует, что решения V всемирного конгресса Коммунистического Интернационала по вопросу о политическом и хозяйственном положении и о тактике коммунистических партий оказались безусловно правильными и были оправданы всем процессом международного развития со времени V всемирного конгресса.

Расширенный пленум констатирует, что Исполком Коминтерна вел свою работу в духе решений V всемирного конгресса и своими выступлениями способствовал большевизации коммунистического движения и преодолению оппортунистических тенденций.

Расширенный пленум Исполкома настойчиво подчеркивает значение международной кампании за единство профсоюзного движения, усилившей левые тенденции амстердамского международного профсоюзного объединения, подорвавшей влияние правых профсоюзных вождей и ускорившей процесс революционизирования организованных в профсоюзы масс.

Пленум самым решительным образом отметает нападки правых элементов на деятельность Исполкома. Пленум констатирует, что Исполком своим вмешательством помог целому ряду побороть оппортунистические тенденции; в частности, образ действий Исполкома в чехо-словацком вопросе был безусловно правильным.

2. При в высшей степени трудной международной обстановке, между двумя революционными волнами, в период временной депрессии рабочего движения некоторых стран Исполком помог коммунистическим партиям сохранить их массовый характер, углубить и расширить их влияние на рабочие и крестьянские массы и усилить их дееспособность.

Расширенный пленум Исполкома выражает Исполкому свое доверие и призывает все секции Коммунистического Интернационала и в будущем решительно поддерживать борьбу Исполкома за большевизацию коммунистических партий.

---

[1]) Принята на 12 пленарном заседании 4 апреля 1925 г.

Приложение 2-е.

О большевизации партий Коминтерна.

Тезисы по докладу т. Зиновьева.

Часть I.

К постановке вопроса.

1. Резолюция второго всемирного конгресса Коминтерна о роли партии в пролетарской революции.

Резолюция второго всемирного конгресса Коминтерна о роли партии в пролетарской революции, составленная при ближайшем участии т. Ленина, является одним из важнейших документов Коммунистического Интернационала, сохранившим все свое значение и до сих пор. Эта резолюция была написана в такой момент, когда Коммунистический Интернационал еще только складывался, когда в него входили еще полусиндикалистские и полуанархистские группы, когда, с другой стороны, Коминтерн еще только намечал 21 условие и вел переговоры о вступлении в Коммунистический Интернационал с германскими независимыми и другими полусоциал-демократическими организациями. Эта резолюция обрисовывала характер и роль партии в пролетарской революции в о о б щ е. В настоящее время, когда Коммунистический Интернационал сложился, когда он провел серьезную работу и против правых, и против ультра-левых уклонов, когда в ряде стран сложились и окрепли массовые коммунистические партии, возникает необходимость формулировать мнение Коммунистического Интернационала не только по вопросу о роли компартии в пролетарской революции вообще, но и о том, к а к д о б и т ь с я того, чтобы наши партии в возможно кратчайший срок стали максимально б о л ь ш е в и с т с к и м и партиями.

Не следует забывать, что в 1919—1920 годах мы имели в Германии и в Италии партии, примыкающие к Коминтерну. Но эти партии не могли справиться с задачами, которые предъявляла

к ним история,—несмотря на громадный стихийный подъем массового движения, — именно потому, что они не были вполне большевистскими партиями.

2. Замедленный темп мировой революции и лозунг большевизации.

Уже ко времени третьего всемирного конгресса Коминтерна начало выясняться, что мы стоим перед полосой более или менее затяжного развития мировой революции. К пятому всемирному конгрессу это выяснилось с еще большей ясностью.

При медленном и затяжном темпе развития революции лозунг большевизации получает не меньшее, а еще большее значение.

Большевик не тот, кто примыкает к партии в момент наибольшего подъема революционной волны. Большевик тот, кто умеет годами, а если нужно, и десятилетиями, строить большевистскую партию также и в годы упадка революционной волны, в годы медленного развития революции. Это не значит, что товарищи, вступившие в партию в момент подъема революционного вала, не должны уравниваться с остальными, вступившими в партию раньше.

Большевистская партия возникает сама собой в момент достижения революционным валом кульминационного пункта. Большевистская партия участвует во всей борьбе рабочего класса и складывается в ходе этой борьбы. Правые и колеблющиеся элементы в Коминтерне и около Коминтерна считают, что раз нет быстрого развития революционных событий, то, стало-быть, неуместен лозунг большевизации партий. Они не понимают того, что если темп революционного развития замедляется, если в связи с этим колебания в известных слоях пролетариата увеличиваются и настроения в пользу контр-революционной социал-демократии растут, то отсюда *с еще большей необходимостью* вытекает лозунг большевизации партий. Ибо именно при таком положении вещей коммунисты должны с еще большей настойчивостью работать над тем, чтобы создать оплот против колебаний, удержать в наших рядах лучшие элементы пролетарского авангарда и увеличить их число, удержать самое знамя пролетарской революции и тем самым суметь в самой трудной обстановке сплотить такое пролетарское ядро, которое будет подготовлять и организовывать пролетарскую революцию *при всех и всяких условиях*. Коммунистическая партия должна быть достаточно гибкой, чтобы, когда это необходимо, уметь переходить без паники, в порядке к нелегальному положению, не сдавать легко свою легальность, уметь сочетать легальную работу с нелегальной, уметь пользоваться всякой, самой незначительной «легальной» зацепкой, чтобы прорывать рамки подполья, становясь во главе открытых массовых движений, подготовляющих

революцию, все время оставаясь при этом верной своим основным революционным задачам.

В данной обстановке коммунистическим партиям приходится считаться с двумя основными опасностями: с одной стороны, угроза превратиться в небольшие секты «чистых» коммунистов, обладающих «хорошими» принципами, но не умеющих притти в соприкосновение с действительным рабочим движением данного периода; с другой стороны, опасность превратиться в бесформенную полусоциал-демократическую партию в тех случаях, когда партия не умеет сочетать борьбу за завоевание широких рабочих масс с верностью принципам коммунизма. Суметь миновать Сциллу сектантства и узости и Харибду бесформенности и расплывчатости — это и означает помочь большевизации партии.

3. Правые опасности и ультра-левые уклоны.

Лозунг большевизации партий возник в борьбе с правой опасностью. Если бы пятый конгресс Коминтерна не выступил с такой решительностью против оппортунистических извращений тактики единого фронта и рабочего правительства, мы стояли бы перед прямой опасностью оппортунистического перерождения некоторых партий Коминтерна. Правильный лозунг третьего конгресса «к массам!» применялся в течение двух лет в ряде стран настолько неверно, что создалась реальная опасность подмены самостоятельной тактики коммунизма политикой «коалиции» коммунистов с контр-революционной социал-демократией.

Большевизация партий прежде всего и больше всего должна быть и впредь направлена против этих правых извращений, могущих прямо загубить историческую миссию Коминтерна.

Но большевизация невозможна без борьбы и против ультралевых уклонов, которые зачастую являются только оппортунизмом наизнанку. Именно в той обстановке, когда все усилия буржуазии и социал-демократии направлены на то, чтобы ликвидировать «коммунистическую опасность» в массах, ультра-левые уклоны объективно помогают этому натиску буржуазно-социал-демократической реакции. Ошибка ультра-левых, например, в вопросе об участии коммунистов в реформистских или реакционных профсоюзах, могла бы на ряд лет прямо погубить коммунистические партии. Русский большевизм тоже складывался в борьбе против оппортунизма и против мелкобуржуазного «левого» революционизма.

4. Коммунистические партии и большевистские партии.

Говоря вообще, коммунизм, марксизм, большевизм — одно и то же . «Коммунистическая партия» или «большевистская партия» — это, говоря вообще, понятия равнозначащие. Однако, на

практике это не всегда одно и то же. Некоторым важным секциям Коминтерна пришлось и отчасти еще приходится проделать постепенное развитие от левой социал-демократии (местами от анархо-синдикалистской идеологии) к подлинному коммунизму, к большевизму. В известном смысле вся работа Коминтерна может быть названа большевизацией рабочих партий. Коммунистический Интернационал воспринял в свои ряды значительное число партий, групп и отдельных товарищей, состоявших раньше в рядах II Интернационала. Иначе и быть не могло. Большевистская партия России тоже состояла в течение определенного времени в рядах II Интернационала, — и это тоже не могло быть иначе. Но, благодаря сочетанию ряда обстоятельств, русским большевикам удалось ранее других партий порвать со II Интернационалом. Объективно-революционная обстановка в России помогла русским большевикам под руководством т. Ленина раньше других сложиться в большевистскую, т.-е. подлинно-коммунистическую партию. В ряде секций Коминтерна даже теперь можно найти значительные круги товарищей, считающих себя коммунистами, но не большевиками. Большевизация заключается в том, чтобы сделать все секции Коммунистического Интернационала во всех их прослойках подлинно-коммунистическими, т.-е. большевистскими.

5. Большевизация и конкретные условия борьбы.

Не следует думать, будто мы можем найти всеспасающий рецепт, одинаково пригодный для большевизации всех партий Коминтерна. Подлинная большевизация требует прежде всего точного учета всех конкретных обстоятельств места и времени. Партии, входящие в Коминтерн, условно могут быть подразделены теперь на три группы:

а) те партии, которые только еще проходят свой преимущественно пропагандистский период, делают первые шаги по пути сплочения широких масс вокруг знамени коммунизма;

б) те партии, которые находятся уже в полосе более или менее обостренной борьбы и ведут за собой значительные массы (иногда большинство) рабочих;

в) те партии, которые уже завоевали политическую власть и находятся в периоде закрепления ее.

В первую группу входит ряд сравнительно еще слабых партий.

Во вторую группу входят такие партии, как германская, французская, чешская, болгарская, итальянская и т. п.

К третьей группе принадлежит пока одна только РКП.

Большевизация секций Коминтерна есть учет и применение ими к делу опыта РКП (б) в трех русских революциях, а также, разумеется, и опыта каждой другой секции, имеющей за собою

серьезные битвы. В свете этого опыта все секции Коминтерна должны осмыслить стоящие перед ними самими задачи и обобщить свой собственный опыт. Но было бы величайшей ошибкой механически переносить опыт России на другие страны, — ошибкой, против которой предостерегал уже т. Ленин. В опыте русской революции есть много такого, что т. Ленин характеризовал, как общезначимое для всех других стран (Советы и т. п.). «Теперь, — писал тов. Ленин в «Детской болезни «левизны», — мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение, в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции... Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики... Но в опыте русской революции есть, разумеется, немало и такого, что не повторится в других странах».

Тов. Ленин подчеркивал то своеобразие условий перехода от капитализма к пролетарской диктатуре по отдельным странам, которое вытекает из особенностей современной эпохи: «Любой марксист, — писал тов. Ленин, — если ему поставить вопрос, вероятен ли равномерный или равномерно гармонический переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата, ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. *Каждая страна* развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону, то одну, то другую черту или группу свойств капитализма и рабочего движения». («Третий Интернационал и его место в истории».)

Большевизация есть умение применить общие принципы ленинизма к *данной конкретной* обстановке в той или другой стране. Большевизация есть уменье ухватиться за то главное «звено», при помощи которого можно вытащить всю «цепь». А «звено» это не может быть одинаковым в каждой стране при

том разнообразии социально-политической обстановки, какое мы наблюдаем.

Большевизация есть длительный процесс, который только еще начался в лучших европейских партиях Коминтерна. Работа, которая предстоит, громадна и требует ряда лет.

Часть II.

Марксизм и ленинизм.

6. Марксизм и ленинизм.

Сделаться подлинно коммунистическими партиями секции Коминтерна в нынешнюю эпоху могут, только ставши под знамя ленинизма.

Само собой разумеется, что ленинизм ни в какой мере не может противопоставляться марксизму. Ленин являлся самым выдающимся учеником Маркса. Без марксизма нет ленинизма. Но ленинизм обогатил марксизм прежде всего опытом трех русских революций, а также опытом ряда других революционных движений, разгоравшихся с начала XX века по нынешний период. Ленинизм обогатил общее учение марксизма разработкой вопросов:

1) о теории империализма и пролетарской революции;

2) об условиях и механике осуществления диктатуры пролетариата;

3) о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства;

4) о значении национального вопроса вообще;

5) о значении в особенности национальных движений в колониальных и полуколониальных странах для мировой пролетарской революции;

6) о роли партии;

7) о тактике пролетариата в эпоху империалистических войн;

8) о роли пролетарского государства в переходный период;

9) о советском строе, как о конкретном типе пролетарского государства на этот период;

10) о проблеме социальных прослоек в самом пролетариате, как источнике раскола рабочего движения на оппортунистическое и революционное направление, и т. д.;

11) о преодолении как правых социал-демократических тенденций, так и левых уклонов в коммунистическом движении. («Детская болезнь «левизны».)

Маркс и Энгельс подытоживали прежде всего опыт общественных движений во Франции, Англии и Германии. Ленинизм, вырастая из учения Маркса и опыта Запада, боролся в первых рядах против извращений марксизма западно-европейскими социал-демократами (борьба Ленина против оппортунизма вообще

и каутскианства в частности) и в то же время ленинизм, пользуясь методом Маркса, смог подытоживать уже и опыт великих революционных движений на Ближнем и Дальнем Востоке и на границах к Востоку — в России, Китае, Индии и т. д.

Первая эпоха — марксизма: от «Коммунистического Манифеста» до смерти Маркса.

Вторая эпоха — эпигонов «марксизма»: от образования Второго Интернационала до начала империалистической войны. Эта эпоха имеет — особенно в первую ее половину — и сильные стороны: создание массовых организаций, большая культурно-просветительная работа и т. п. Но в целом это с 90-х годов — эпоха искажения марксизма. Приблизительно с 1907 г. в недрах II Интернационала начинается консолидация революционного крыла рабочего движения в международном масштабе.

Третий период — ленинская эпоха. Ленинизм берет начало примерно с кануна первой русской революции (1903 — 04 г.) и в 1917 году одерживает свою первую всемирно-историческую победу.

Без Маркса нет Ленина. Но после того, что сделали с марксизмом вожди II Интернационала, после той «ревизии» марксизма, которую проделали Каутский и К° под флагом Маркса (особенно в борьбе этих ренегатов марксизма против пролетарской диктатуры в России), приходится сказать, что без ленинизма в нынешней обстановке не может быть революционного марксизма.

Ленинизм есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистических войн и пролетарских революций. Победа пролетарской диктатуры в России, рост пролетарских и крестьянских движений почти во всем мире, нарастающие революционно-освободительные движения колониальных и полуколониальных народов, — все это в своей совокупности составляет начало мировой революции.

Ленинизм одержал свою первую непосредственную победу в стране с большинством крестьянского населения (Россия). Но как сама русская революция выросла из всей международной обстановки, так и ленинизм есть продукт всего международного пролетарского движения. Очистив Марксовы оценки великих пролетарских движений XIX века (чартизм, Парижская Коммуна) от оппортунистических извращений, прибавив к этому марксистскую оценку опыта растущих новых массовых пролетарских движений Европы, Америки и других частей света, учтя великое значение крестьянских и национально-революционных движений, заявивших о себе с особой силой с начала XX века — Ленин поднял учение Маркса на новую высоту.

Ленинизм представляет собою последовательное развитие идеи пролетарской гегемонии в усло-

виях, когда диктатура пролетариата начинает сменять диктатуру империализма.

Неверен взгляд, будто марксизм есть только теория, а ленинизм — только практика. Ленинизм есть теория и практика марксизма для периода империализма, империалистских войн и пролетарских революций, открывшихся диктатурой пролетариата в России. Коминтерн ставит перед собой задачу стать международной организацией, воплощающей теорию и практику ленинизма.

7. Большевизация и революционные традиции.

Большевизация не отказывается от наследства прежних поколений революционеров. Изучение истории революционной борьбы собственной страны и других стран безусловно необходимо для сознательного участия в большевистской партии нынешних дней. Недопустимо, чтобы французский коммунист не знал сочинений Лафарга, не знал наиболее сильных сторон гэдизма и наилучших работ Гэда той поры, когда Гэд был еще марксистом. Недопустимо, чтобы английские коммунисты не воспитывались в духе уважения к чартизму и чтобы английские коммунисты не знали важнейших документов чартизма. Недопустимо, чтобы германские коммунисты забывали об опыте борьбы лучшей части германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социалистов. Недопустимо, чтобы лучшие произведения Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля не использовались германскими коммунистами против социал-демократии. Недопустимо, чтобы русские коммунисты забывали о наиболее блестящих страницах в деятельности Плеханова тех времен, когда он был еще марксистом.

Большевизировать партию означает также сделать ее на основе ленинизма сознательной продолжательницей всего того, что было подлинно-революционного и подлинно-марксистского и в I и во II Интернационалах.

8. Большевизация и некоторые теоретические ошибки в лагере коммунистов (в частности ошибки люксембургианства).

Подлинное усвоение ленинизма и применение его на деле при построении коммунистических партий во всем мире невозможно без учета ошибок ряда виднейших марксистов, которые пытались подняться до применения марксизма в обстановке новой эпохи, но не во всем сумели этого достигнуть.

Сюда относятся ошибки «левых» коммунистов в России, группы голландских марксистов (Гортер, Паннекук), а также

ошибки Розы Люксембург. Чем ближе к ленинизму стоят эти деятели, тем опаснее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом.

Дело сложилось так, что подлинная большевизация для ряда партий Коминтерна невозможна теперь, например, без преодоления этими партиями ошибок люксембургианства, которые, в силу исторических условий, играют значительную роль в движении данных стран. К числу важнейших ошибок люксембургианства, имеющих актуальное значение и сейчас, относятся:

а) Небольшевистская постановка вопроса о «стихийности» и «сознательности», об «организации» и «массе». Неверные оценки люксембургианцев, которые имели тогда перед собою опыт германской с.-д. партии, зачастую прямо мешавшей революционному размаху классовой борьбы, не давали им возможности правильно понять роль партии в революции вообще.

б) Недооценка технического момента в подготовке восстания мешала и отчасти мешает кое-где и теперь правильно поставить вопрос об «организации революции».

в) Ошибки в вопросе об отношении к крестьянству. В последней статье Розы Люксембург, написанной после подавления спартаковского восстания в январе 1919 г., Р. Л. близко подходит к нащупыванию своей собственной ошибки, выразившейся в недооценке роли крестьянства. В ряде же более ранних своих произведений Роза Люксембург недооценивала роль крестьянства, т.-е. ставила крестьянский вопрос не в большевистском духе, и делала тем самым ряд идейных уступок социал-демократии.

На практике такие социал-демократические ошибки в крестьянском вопросе делали и венгерские коммунисты, будучи у власти, и польская компартия, и болгарская компартия в 1923 году, и итальянские максималисты, и псевдо-левые идеологи «Ком. раб. партии» в Германии, и ряд секций Коминтерна даже сейчас.

г) Столь же серьезны были ошибки Розы Люксембург и ряда польских, голландских, русских марксистов в национальном вопросе. Отрицание лозунга самоопределения наций (право на образование независимого государства) на том основании, что при империализме «невозможно» разрешить национальный вопрос, приводило на деле к нигилизму в национальном вопросе, что чрезвычайно затруднило работу коммунистов в ряде стран.

д) Пропаганда партийности профсоюзов, как это отстаивала в течение ряда лет польская партия под руководством Розы Люксембург, была большой ошибкой, свидетельствовавшей о непонимании роли профсоюзов, как организации, охватывающей наемных рабочих поголовно. Такая ошибка серьезно затрудняла и затрудняет авангарду правильный подход ко всему классу.

Ошибка, которую делала часть германских коммунистов до франкфуртского партейтага 1924 года в вопросе о профсоюзах, была ошибкой аналогичного порядка.

Отдавая должное величию работы Розы Люксембург, одной из основательниц Коммунистического Интернационала, Коминтерн уверен, что будет действовать в духе самой Розы Люксембург, если поможет теперь партиям Коминтерна извлечь уроки из ошибок этой великой революционерки.

Без преодоления ошибочных сторон люксембургианства подлинная большевизация невозможна. Только ленинизм может стать путеводной звездой для коммунистических партий всего мира. Все, что отклоняется от ленинизма, является отступлением и от марксизма.

Равным образом необходимо решительно бороться со всеми отклонениями от ленинизма в области так называемой «чистой теории» — философия, теория политической экономии и т. д.

Недостаточное внимание к теории, замечающееся в ряде партий, служит крупнейшим препятствием к подлинной большевизации партий Коминтерна. При «терпимом» отношении к теоретическим уклонам и т. п. не может быть и речи о подлинной большевизации партий. Овладение теорией ленинизма есть *предпосылка* успешной большевизации партий. Особенно опасный уклон от ленинизма представляет троцкизм, — разновидность меньшевизма, сочетающая «европейский» оппортунизм с «леворадикальной» фразой, зачастую прикрывающей политическую пассивность. Троцкизм — это не единичный уклон в сторону меньшевизма, это — многолетняя система борьбы против ленинизма, троцкизм — это также не только русское явление, это — явление международного порядка. Осуществить ленинизм в Коминтерне — это значит разоблачить троцкизм во всех партиях и ликвидировать его, как течение.

Часть III.

Большевизация и завоевание большинства рабочего класса.

9. Большевизация и лозунг „к массам!“

Массовое движение создала и социал-демократия. Но это — *реформистское* массовое движение. Большевизацию можно определить в самой общей форме, как создание *массового пролетарского революционного движения под знаменем идей Маркса и Ленина.*

Большевик — прежде всего и больше всего массовик. Лозунг III всемирного конгресса «к массам!» — для завоевания большинства слоев пролетариата — целиком остается в силе. V всемирный конгресс не только не снял с очереди этот лозунг, но, наоборот, углубил и развил его.

10. Большевизация и работа в профсоюзах.

Уклоны в вопросе о работе коммунистов в профсоюзах чреваты величайшими опасностями для дела действительной большевизации наших партий. Профсоюзы являются во всем капиталистическом мире важнейшей формой массовой (поголовной) организации пролетариата. Другие формы массовой организации (фабрично-заводские комитеты и т. п.) крайне ценны и имеют громадное революционное будущее; но эти новые формы массовой организации только еще начинают завоевывать себе всеобщее признание широких масс рабочих. А такие новые формы массовой поголовной организации пролетариата, как советы, становятся возможными лишь с непосредственным началом революции. Предполагать, что коммунисты могут в рамках капитализма сымпровизировать какую-то другую массовую форму организации рабочих, кроме профсоюзов, означает — покинуть почву реальности.

Одной из важнейших составных частей учения ленинизма является его учение о работе коммунистов даже в самых реакционных профсоюзах. Отступления в этой области стоили коммунистам очень дорого (лучший пример — Германия). Принципиальные колебания в этой области приводили к тому, что практическая работа молодых коммунистических партий Европы в профсоюзах как следует еще и не начиналась. Важнейшая составная часть большевизации заключается в том, чтобы уделить работе в существующих с.-д. и других (желтых, национал-социалистических, христианских и фашистских) профсоюзах в сто раз больше внимания, чем до сих пор. Только при этом условии может быть действительно сломлена монополия реформистских верхов (рабочей аристократии и рабочей бюрократии) в профсоюзах. Только при этом условии профсоюзы могут на деле освободиться от разлагающего влияния реформизма, стремящегося свести на-нет их значение, как вернейшего орудия классовой борьбы. Само собой разумеется, это относится также и к фабрично-заводским комитетам там, где таковые существуют или где есть возможность вызвать их к жизни в массовом масштабе.

Коммунисты усилят свое влияние и завоюют авторитет в рабочей массе тем, что станут выступать за все непосредственные требования: повышение заработной платы, сохранение 8-часового рабочего дня, борьба с безработицей и т. д., и будут добросовестно и стойко возглавлять все конфликты с работодателями.

Это тем более необходимо, что социал-демократические профсоюзные вожди во всех странах систематически предают интересы пролетариата и не останавливаются перед тем, чтобы примкнуть к капиталистам, дабы саботировать и срывать начатые против их воли стачки.

Дабы нащупать правильную линию во всех социальных конфликтах, коммунистические партии должны подвергать тща-

тельному изучению конкретную обстановку всякого конфликта: положение дел предприятия или группы предприятий, объем и удельный вес заказов, связь или взаимное переплетение отдельных фабрик, синдикатов или трестов, организованную силу и сопротивляемость предпринимателей, равным образом как и силу профсоюзных организаций и степень готовности к борьбе среди организованных и неорганизованных рабочих, возможности расширения стачки и его политические последствия. Таковы предпосылки возможности давать членам партии правильные директивы и лозунги и достигать того, чтобы они во всех конфликтах с капиталом действительно стояли во главе рабочих.

11. Большевизация и правильная тактика единого фронта.

Большевизация партий Коминтерна не только не исключает, а прямо предполагает применение этими партиями тактики единого фронта. Уменье найти правильный подход к массам, ясный взгляд на задачи авангарда по отношению ко всему классу являются характернейшими чертами большевизма. Тактика единого фронта была и остается не чем другим, как методом революционной агитации и организации масс, т.-е. правильным подходом коммунистов к широким рабочим массам в данную стадию движения, когда социал-демократия составляет еще большинство в ряде стран. Тактика единого фронта ни в какой степени не является монополией правых элементов Коминтерна. Эти элементы могут претендовать только на одно: *монополию оппортунистических ошибок* в деле применения тактики единого фронта. Сама же тактика целиком и полностью вытекает из ленинизма.

Борьба за единство международного профдвижения, поддержанная Коминтерном, заполнит собой ближайшие годы. Идея единства международного профдвижения начинает прокладывать себе дорогу в широкие круги рабочих масс. Недалеко время, когда этот вопрос станет самым жгучим вопросом в каждом профсоюзе любой страны.

Коминтерн стоит еще только перед началом применения тактики единого фронта (и в частности — лозунга рабоче-крестьянского правительства, в том истолковании, какое дал ему V всемирный конгресс). Отказ от проведения тактики единого фронта несовместим с большевизацией.

12. Большевизация и частичные требования.

«Большевистская партия есть партия диктатуры пролетариата», а не «частичных требований», — так ставят иногда вопрос «ультра-левые» элементы. «Большевистская партия есть партия диктатуры пролетариата, и *именно поэтому* для завоевания большинства пролетариата она систематически выдви-

гает частичные требования, связывая их с революционными задачами», — отвечает ленинизм. Реформисты пользуются каждым случаем выставления частичных требований, чтобы заменить ими подлинную революционную борьбу. Большевики пользуются каждым частичным требованием для того, чтобы просветить массы относительно необходимости революции, для того, чтобы на конкретных фактах вскрыть массам невозможность мало-мальски серьезного и длительного, а тем более коренного улучшения их положения при сохранении власти капитала. Большевики ставят каждое конкретное требование, вокруг которого группируются массы, в перспективе борьбы за революцию. Отказ от выставления частичных требований вообще есть отказ от тактики единого фронта и даже более того — есть на деле отказ от лозунга «к массам!».

В то же время коммунисты на наглядном примере показывают массам, что не кто иной, как реформисты, саботируют всякую серьезную борьбу за частичные требования, и что только и лишь коммунистическая партия, которая ставит себе целью борьбу за власть, способна последовательно вести борьбу и за злободневные интересы рабочих масс и давать отпор всякому посягательству на их жизненный уровень.

Отказ от частичных требований несовместим с большевизацией.

13. Работа среди рабочих, входящих во Второй и Амстердамский Интернационалы.

В большинстве стран II и Амстердамский Интернационалы так или иначе объединяют еще в своих рядах очень значительные слои рабочих. К задачам большевизации наших собственных партий безусловно относится также задача постоянной работы среди тех пролетариев, которые входят еще во враждебные нам организации. Формы работы среди этих слоев пролетариата, разумеется, не могут быть одинаковы и всецело зависят от конкретной обстановки в данной стране или даже в данной профессии. Но обязанность такой работы целиком относится ко всем партиям, входящим в Коминтерн.

14. Большевизация и движение молодежи.

Коммунистические партии все еще уделяют недостаточно внимания работе среди молодежи. Даже в крупных коммунистических партиях насчитываются десятки организаций, не добившихся даже образования групп коммунистической молодежи в данной местности.

Одна из задач большевизации заключается в том, чтобы завоевать поголовно рабочую молодежь во всем мире, — то поко-

ление рабочих, которое складывалось в обстановке всемирной империалистической войны и начала мировой революции. Если социал-демократия опирается преимущественно на наиболее обуржуазившуюся верхушку рабочей аристократии, сложившейся в мирную эпоху, то коммунистические партии всего мира, в числе других задач, должны стремиться к поголовной организации под нашим знаменем всей пролетарской молодежи новой эпохи.

15. Большевизация и работа среди женщин.

Чем глубже данное народное движение, тем больше участие в нем трудящихся женщин.

Работа по вовлечению в борьбу сотен тысяч и миллионов женщин рабочего класса является также одной из важнейших предпосылок большевизации. Расширенный Исполком Коминтерна констатирует, что в этой области наша работа крайне неудовлетворительна. Вовлечение пролетарок в активную работу и борьбу есть одна из предпосылок завоевания большинства рабочего класса на нашу сторону. Наша победа в гражданской войне невозможна, если плечом к плечу с нами в наших рядах не будут бороться пролетарские женщины, трудящиеся женщины, точно так же, как и строительство коммунистического общества невозможно без активного, сознательного сотрудничества трудящихся женщин.

Расширенный Исполком Коминтерна ставит поэтому всем секциям на вид обязанность проведения в жизнь соответствующих решений V всемирного конгресса. Далее, необходимо создать подсобные органы или подсобные организации (комитеты действия, контрольные комиссии, делегатские собрания и пр.), которые под руководством коммунистов охватили бы широчайшие женские массы, подчиняя их влиянию партии и поддерживая постоянную связь между ними и партией.

16. Работа среди безработных.

Коммунистические партии всего мира должны обратить самое серьезное внимание на работу среди безработных. При том отношении, какое замечается со стороны буржуазии и социал-демократии к миллионам безработных, коммунистические партии, уделивши должное внимание этому делу, могли бы завоевать решающее влияние среди этого слоя пролетариата.

17. Большевизация и наша пресса.

Совершенно недопустимо положение, когда у нас, как, например, в Берлине, Париже, Милане, при наличии значительного количества избирателей сравнительно мало постоянных читателей

нашей прессы. Аналогичное (и еще худшее) положение мы видим в целом ряде других стран. Большевизация требует того, чтобы наша пресса стала народной прессой в лучшем смысле этого слова, т.-е. чтобы она действительно проникла в каждый рабочий дом, чтобы каждый, симпатизирующий нам, читал газету. Необходимо принять ряд мер и организационного, и литературного характера для того, чтобы внедрить нашу прессу в гущу рабочей массы и сделать ее таким образом орудием большевизации масс. Вопросам о рабочих и сельских корреспондентах, о создании стенных газет, фабрично-заводских журналов, подготовке пролетарских писателей и т. п. должно быть уделено всемерное внимание.

Часть IV.

Большевизация и вопрос о союзниках пролетариата в революции.

18. О союзниках пролетариата в революции.

Принципиальное отношение коммунистов к мелкой буржуазии, как к возможному союзнику пролетариата в революции, с исчерпывающей ясностью определено в классических произведениях Маркса, Энгельса и Ленина, начиная с «Коммунистического манифеста» и кончая последними произведениями Ленина.

Одна из важнейших задач большевизации заключается в том, чтобы это принципиальное отношение суметь применять к той конкретной обстановке, в какой приходится бороться данной коммунистической партии.

Одна из наиболее сильных сторон ленинизма, обеспечивающих победу большевизма в революции, всегда заключалась в том, чтобы суметь нащупать *конкретного союзника для данной конкретной задачи*: в *России* — союз со всем крестьянством против царизма, затем союз с *определенными слоями* крестьянства против буржуазии и т. д.

Ленинизм всегда видел одну из своих основных задач в том, чтобы совершенно точно и конкретно учесть, *какие именно* промежуточные *слои* способны *на данном этапе* революционного развития быть союзниками пролетариата; каковы те главные *требования*, которые объединяют их с пролетариатом *в данной обстановке*.

Именно потому, что ленинизм поставил проблему диктатуры пролетариата как практическую задачу ближайшего исторического дня, вопрос о возможных союзниках рабочего класса в революции поставлен ленинизмом как одна из важнейших тактических проблем современности.

В основном ленинизм подразделяет мелкую буржуазию на три группы: одни слои мелкой буржуазии *могут*, а стало-быть,

и должны быть, хотя бы временно, завоеваны в качестве прямых союзников пролетариата; другие слои необходимо суметь нейтрализовать; против третьих (верхи городской и сельской мелкой буржуазии) необходима и неизбежна прямая борьба.

В ряде стран Западной Европы (например, в Германии) значительные слои мелких городских служащих — чиновники, техническая интеллигенция и т. п. — при нынешнем соотношении сил между буржуазией и пролетариатом могут до известной степени стать союзниками борющегося пролетариата. Кое-где эти слои могут даже при известных обстоятельствах сыграть роль, более или менее аналогичную той роли, которую крестьянство сыграло во время некоторых этапов пролетарской революции в России.

Одной из важнейших составных частей большевизации является правильная и умелая тактика в отношении промежуточных слоев населения, колеблющихся между пролетариатом и буржуазией, но могущих при определенной обстановке частично стать попутчиками рабочего класса.

19. Большевизация и пролетарская политика в отношении к крестьянству.

Большевистская партия есть партия рабочая. Учение о диктатуре пролетариата есть самое основное в большевизме. Но вопрос о крестьянстве, как наиболее близком к пролетариату классе, как самом важном из возможных союзников пролетариата в революции, имеет кардинальное значение для большевизма и до и после завоевания политической власти пролетариатом.

«Действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии пролетариата, без воспитания первых последним». (Тезисы тов. Ленина по аграрному вопросу, принятые II конгрессом КИ.)

1. Борьба пролетарского авангарда с социал-демократией за большинство пролетариата.

2. Борьба рабочего класса с буржуазией (империализмом) за большинство крестьянства, — к этому можно было бы свести основную тактическую проблему компартий.

Взгляды ленинизма на роль крестьянства не только в России, но и во всем мире изложены в резолюции т. Ленина, принятой вторым всемирным конгрессом Коминтерна. Этот документ интернационализирует взгляды ленинизма на роль

крестьянства. Это один из самых замечательных, не превзойденных документов ленинизма.

Согласно этой резолюции, мы видим во всем капиталистическом мире три группы сельского населения, в сумме своей составляющие большинство деревни, которые могут, а стало-быть, и должны быть завоеваны пролетариатом на свою сторону.

Трудящиеся и эксплоатируемые массы в деревне, которые должен повести на борьбу или, во всяком случае, привлечь на свою сторону городской пролетариат, представлены во всех капиталистических странах следующими группами:

Во-первых, сельско-хозяйственным пролетариатом — наемными рабочими (годовыми, сроковыми и поденными), снискивающими себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельско-хозяйственных и связанных с ними промышленных предприятиях.

Во-вторых, полупролетариями или парцельными крестьянами, т.-е. теми, которые снискивают себе средства к жизни частью наемной работой в сельско-хозяйственных промышленных капиталистических предприятиях, частью трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания, необходимых для семьи. Эта группа сельского трудящегося населения весьма многочисленна во всех капиталистических странах; ее существование и ее особое положение затушевывают представители буржуазии и принадлежащие ко II Интернационалу «социалисты», частью сознательно обманывая рабочих, частью поддаваясь слепо рутине обывательских воззрений и смешивая ее с общей массой «крестьянства» вообще. . .

В-третьих, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие землевладельцы, владеющие, на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы. Этот слой безусловно выигрывает от победы пролетариата.

Взятые вместе, три указанные выше группы составляют во всех странах большинство деревенского населения. Поэтому конечный успех пролетарского переворота обеспечен не только в городах, но и в деревне. . .».

Одной из важнейших предпосылок подлинной большевизации наших партий является серьезная систематическая работа над проведением этой резолюции в жизнь. Необходимо прежде всего, чтобы каждый рабочий, рядовой коммунист знал и понял эту резолюцию; необходимо, чтобы каждая из партий Коминтерна поставила в центр важнейших своих работ проведение в массы взглядов, изложенных в этой резолюции, и практическую работу в направлении реализации ее. Необходимо открыто признать, что большинство компартий к этой работе серьезно еще не приступило.

20. Большевизация и пролетарская политика в национальном вопросе.

Национальный вопрос в колониальных и полуколониальных странах — да и не только в них — в значительной мере является крестьянским вопросом, поскольку крестьянство составляет в этих странах большинство населения. Проведение большевистской политики в колониальном вопросе невозможно без правильной постановки национального вопроса вообще. Опыт последних лет доказал, что в ряде различных стран, при различной обстановке, коммунисты делают одну и ту же ошибку недооценки национального вопроса, — ошибку, лишающую коммунистов возможности завоевать на свою сторону значительные, порою решающие, слои населения. Нигилизм и беззаботность в национальном вопросе (а тем более уступка «великодержавной» точке зрения господствующей национальной группы) принесли немало вреда германской коммунистической партии и некоторым балканским секциям Коминтерна, и чехо-словацкой компартии, и коммунистам Индии, и польским коммунистам, и английской компартии, и т. д., и т. п.

Резолюция II всемирного конгресса по национальному вопросу, а равно и позднейшие постановления Коммунистического Интернационала дают достаточно ясные теоретические и тактические указания коммунистам всего мира на этот счет. Без правильной политики в национальном вопросе нет большевизации.

Часть V.

Конкретные задачи отдельных партий.

21. Конкретные ближайшие задачи отдельных партий.

Приблизительно эти задачи сводятся к следующему (берется наиболее важное):

А. В СССР. Здесь задача большевизации в настоящий момент сводится в первую очередь к следующему:

1. Полная ликвидация троцкизма как течения внутри партии. Эта ликвидация является первым условием обеспечения правильной политики РКП в вопросах: а) об отношении к крестьянству; б) о полном обеспечении руководящей роли партии в госаппарате и хозорганах и на нынешний период НЭП'а и т. д.

2. При проведении совершенно правильной и совершенно обязательной политики партии по крестьянскому вопросу принять все меры к тому, чтобы (между прочим, с помощью и ее) систематически развивать элементы социального хозяйства и укре-

плять тем самым экономическую базу диктатуры пролетариата и преобразования России из нэповской в социалистическую.

Б. В Англии коммунистическая партия, делающая первые серьезные успехи в деле преобразования в массовую коммунистическую партию, должна видеть центральную задачу большевизации в следующем:

1. Работа в профсоюзах. В частности, внимание движению меньшинства. Внедрение в массы марксистского взгляда на связь между экономикой и политикой. В силу своеобразных взаимоотношений, существующих между английскими профсоюзами и рабочей партией, у значительных кругов профессионалистов создается впечатление, будто руководящая роль принадлежит профсоюзам, а вожди рабочей партии являются-де только выполнителями воли профсоюзов, — между тем, на деле происходит прямо противоположное.

2. Агитация против империалистических настроений, свивших себе гнездо и в английской рабочей аристократии (вопрос о колониях). В частности, должное внимание ирландскому вопросу.

3. Создание оформленной централизованной парторганизации и ликвидация «кустарничества».

4. Планомерное проведение тактики единого фронта.

В. Во Франции задача большевизации сводится в настоящий момент к следующему:

1. Кампания за единство профсоюзов.

2. Работа над созданием более массовых профсоюзов вообще; учет того факта, что Франция за последние годы сильно индустриализовалась, и рабочий класс ее сильно возрос численно Существующие же профсоюзы пока численно крайне слабы.

3. Теснейший контакт во что бы то ни стало между партией и Унитарной Конфедерацией Труда на основе принципов и тактики Коминтерна.

4. Создание, вопреки прежним французским традициям, солидно организованной массовой коммунистической партии. Принять в партию еще тысяч 40 — 50 членов.

5. Организационное закрепление того массового влияния, которое партия имеет на парижских рабочих.

6. Подтянуть во что бы то ни стало наиболее важные промышленные департаменты к уровню влияния партии в Париже.

7. Добиться серьезного влияния на крестьянство.

8. Вести антимилитаристскую пропаганду, прежде всего, через крестьянство и комсомол.

9. Серьезнейшее внимание рабочим-эмигрантам.

10. Энергичная работа в колониях.

Г. В Германии. Здесь задача большевизации сводится, в первую очередь, к следующему:

1. Ликвидация «левых» ошибок по вопросу о профсоюзах не только в теории, но и на практике.

2. Постановка всей агитации и пропаганды партии на более конкретную почву с тем, чтобы прекратить какие бы то ни было колебания в вопросе о допустимости выставления частичных требований.

3. Применение тактики единого фронта, которая в данной обстановке (разоблачение продажности виднейших вождей социал-демократов и т. п.) способна дать особенно серьезные плоды.

4. Больше внимания делу организационного обхвата масс (не только агитационные кампании, и агитационные кампании не только в газетах).

5. Больше внимания работе среди мелких чиновников, служащих и т. п.

6. Практическая постановка вопроса о работе в крестьянстве.

7. Пропаганда лозунга «рабоче-крестьянское правительство» в истолковании V конгресса, т.-е. в революционном духе, исключающем всякое оппортунистическое истолкование.

8. Принять все меры к обеспечению здорового внутрипартийного развития и устранению всех последствий предыдущей фракционной борьбы. Твердое обеспечение партийного единства против каких бы то ни было новых попыток фракционности.

9. Дальнейшую борьбу против новых уклонов теперь, когда политическая линия партии достаточно закреплена и организационно, нужно вести путем широкой идейно-политической, разъяснительной кампании, воспитания новых работников, систематического расширения активных партийных кадров и энергичного привлечения и — как до сих пор и еще больше, чем до сих пор — ассимиляции в работе лучших сил также из прежних оппозиционных элементов, поскольку эти товарищи могут быть завоеваны для лойяльного сотрудничества в духе решений партии.

10. Проводить политическую линию партии с соблюдением методов внутрипартийной демократии и систематически вести широкую разъяснительную работу, дабы путем дискуссии убеждать широкие круги членов партии в правильности принятой партией линии.

Д. Чехо-Словакия. Работа большевизации сводится здесь, прежде всего, к следующему:

1. Поднять боеспособность партии, изжить парламентско-муниципальный оппортунизм, вообще произвести ликвидацию правого уклона в партии (люди типа Бубника).

2. Не на словах, а на деле повести кампанию за объединение всех профсоюзов.

3. Научиться вести концентрированные политические кампании, повышая и развивая лозунги по мере роста движения.

4. Все усилия приложить для того, чтобы добиться единодушия на основе большевистской линии в таких организациях, как Прага, Кладно, Брюнн и т. д.

5. Несравненно больше внимания движению молодежи.

*

6. Более смелая революционная постановка национального и крестьянского вопросов и больше внимания организационной работе в этой области.

7. Особое внимание созданию партийных кадров с должной ленинской закалкой.

Е. Италия. 1. Еще более расширить агитационное воздействие партии на самые широкие слои трудящихся, прорывая рамки созданного фашизмом подполья.

2. Научиться вести систематические политические кампании более планомерно.

3. Проникнуть гораздо глубже в профсоюзы и развить борьбу за единство, вопреки провокации реформистов, начавших исключать членов коммунистической партии.

4. Начать систематическую работу по созданию, укреплению и завоеванию фабзавкомов.

5. Не ограничиваться лозунгом крестьянских комитетов, но через рабочих и передовиков-крестьян на деле проникнуть во что бы то ни стало в деревню.

6. Больше внимания вопросам марксистской идеологии.

7. Бороться против всех идеологических уклонов, против доктринерской теоретической позиции Бордиги и против реформизма экономических теорий Грациадеи.

Ж. Польша. 1. Несмотря на неслыханно тяжелые условия террора и провокации, глубже проникнуть в профсоюзы и развить кампанию за единство профдвижения.

2. Смело и решительно выправить раз и навсегда линию по национальному и крестьянскому вопросам в духе подлинного ленинизма.

3. Обратить самое пристальное внимание на необходимость внести элементы революционной организованности во все более развивающееся крестьянское движение.

4. Больше внимания делу создания единой централизованной партии из различных национальных частей на основе правильной национальной политики.

Эта же задача встает для целого ряда стран, как, например, Чехо-Словакия, Югославия и др.

З. Америка. 1. Более интенсивная работа в профсоюзах и организационное оформление нашего влияния на них (коммунистические фракции).

2. Слияние всех национальных групп партии в действительно единую партию.

3. Больше внимания делу организации туземных рабочих.

4. Больше внимания агитации на почве повседневных злоб для рабочей жизни (применение тактики единого фронта).

И. Балканы. 1. Освещение с точки зрения ленинизма крестьянского и национального вопросов в их конкретных формах на Балканах, а также роли империализма в балканских странах.

2. Использование опыта крестьянских и национальных движений на Балканах с целью установления правильного отношения к крестьянским и национальным организациям.

3. Борьба за преодоление коммунистическими партиями и классовыми организациями пролетариата условий подполья и установления связи между легальными и нелегальными формами работы.

4. Повышение активности партии в деле борьбы за злободневные требования масс.

5. Укрепление коммунистических партий в обстановке подполья. Увеличение их рабочего состава и формирования единых и энергичных центральных комитетов. Большая централизация и соблюдение строжайшей партийной дисциплины.

6. Усиление влияния партии в профсоюзах и кооперативах; борьба за единство профдвижения.

7. Изживание фракционной борьбы путем установления коммунистическими партиями в согласии с Коминтерном правильной политической линии и путем планомерного политического просвещения партийных масс (Югославия).

8. Координирование действий коммунистических партий путем укрепления Коммунистической Балканской Федерации.

22. Большевизация и антимонархическая агитация.

Ошибочным является отказ от антимонархической агитации на том основании, что под эгидой монархии на деле правит буржуазия. Коммунисты должны выставлять лозунг «долой монархию» и в Англии, и в Италии, и в балканских странах, и т. п., а также в Германии коммунисты должны уметь связывать свою анти-монархическую агитацию с повседневной экономической и политической борьбой. Большевизм заключается не в том, чтобы отказаться от республиканско-демократической агитации против монархии, а в том, чтобы суметь связывать эту агитацию с социалистическими требованиями, уметь помогать перерастанию революционно-демократических движений в социалистические.

23. Количественное увеличение коммунистических партий. Нелегальные партии.

В ряде стран, — Франция, Германия, Англия, Чехо-Словакия, Италия, Швеция, Норвегия, Голландия, Америка, — коммунистические партии работают теперь в такой обстановке, что вполне могли бы и должны были бы значительно увеличить число своих членов. Такое количественное увеличение (его значение иногда недооцени-

вается партийными руководителями) не только не помешало бы задаче большевизации этих партий, а содействовало бы ей.

Партии, вынужденные работать в обстановке подполья, должны всемерно стараться тщательно использовать всякую легальную возможность распространения и усиления своего организационного влияния на самые широкие слои пролетариата и крестьянства. Хотя конституционные иллюзии, т.-е. иллюзии насчет того, что допущение буржуазией легальной деятельности делает излишним существование нелегальной организации, весьма вредны, нелегальные партии все же должны использовать даже каждую преходящую возможность, чтобы объединять сочувствующих рабочих в любых, хотя бы и самых расплывчатых организациях и обеспечивать партии легальные формы агитационной и пропагандистской работы.

Часть VI.

Большевизация и организационные вопросы.

24. Большевизация и организационные вопросы.

Важнейшая предпосылка большевизации, это — правильная большевистская политика, ведущая к завоеванию масс. Без правильной большевистской политики, обеспечивающей прежде всего правильное взаимоотношение между партией и всем классом, между партией и беспартийными рабочими, никакая организационная форма не приведет к цели. Но и самая превосходная коммунистическая политика не станет достоянием членов партии, а через них пролетарских масс, если в распоряжении партии не будет стройной, хорошо налаженной и гибкой парторганизации. Ленинизм выработал на основе революционного опыта целую систему взглядов и по организационным вопросам, имеющим большое значение для большевизации партий.

Главной и основной формой организации всякой большевистской партии является *производственная партъячейка.* Старый принцип организации, заимствованный от социал-демократии, когда партия строится на основе избирательных округов, применительно к парламентским выборам, неприемлем для коммунистов. Подлинная большевистская партия невозможна, если организация в основе своей не покоится на фабрично-заводских ячейках.

Рядом с фабрично-заводскими партъячейками и работой в таких организациях, как профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы и пр., можно и должно прибегнуть к созданию целого ряда вспомогательных беспартийных организаций: квартиронанимателей, безработных, бывших участников войны и т. п. (с коммунистическими ячейками в них). Большевизация требует того, чтобы наши партии

пользовались всяким случаем сделать организационную сеть рабочих возможно более густой и разнообразной. Следует пользоваться каждой большой злобой дня, чтобы вызвать к жизни ту или другую вспомогательную, мало оформленную, «свободную» организацию, если она только будет жизненна.

Инициатива создания подобного рода организаций должна исходить от руководящих органов партии и проводиться через членов партии, которые должны взять в свои руки руководство такими организациями и создавать в них коммунистические фракции, работающие по директивам парторганов.

Начатую кампанию по реорганизации наших партий на основе партийных фабрично-заводских ячеек следует энергично продолжать и закончить в возможно более короткий срок. При этом надо иметь в виду, что сама по себе эта реорганизация не означает еще всю большевизацию. Это только часть ее. И еще более следует помнить, что, сорганизовавши фабрично-заводские ячейки, мы только приступили к делу, ибо партия должна позаботиться еще о том, чтобы вдохнуть политическую жизнь в эту ячейку, обеспечить ячейку подготовленными руководителями, которых надо прежде всего вырабатывать на фабриках и заводах, научить ячейку вести свою работу так, чтобы она могла завоевывать все более и более влияние на массы на фабрике, заводе, в мастерской и т. д.

Руководящие партийные органы должны уделять особое внимание работе ячеек, установить тесный контакт с ними, инструктировать их, подготовлять и рассылать для них материалы и привлекать их к обсуждению и разрешению всех политических, экономических и внутрипартийных вопросов.

25. Большевизация и резолюции Коминтерна по организационным вопросам.

Резолюция третьего всемирного конгресса по организационным вопросам далеко не проведена еще в жизнь. Одним из важнейших пунктов ее является пункт о необходимости поставить всю работу так, чтобы *каждый* рядовой член партии имел определенную обязанность работы для партии и чтобы весь партийный механизм постепенно втягивал в свою работу возможно более широкие круги рядовых коммунистов. Расширенный Исполком Коминтерна еще раз напоминает в особенности этот пункт резолюции и полагает, что проведение его в жизнь есть одна из предпосылок большевизации.

Расширенный Исполком обращает внимание коммунистических партий на резолюции, принятые V всемирным конгрессом по организационному вопросу. Он утверждает также резолюцию, принятую оргсовещанием секций Коминтерна, и предлагает полностью провести их в жизнь.

26. Большевизация и проблема партийных кадров.

Чтобы создать большевистскую партию, надо суметь в течение годов выковать достаточно сильные партийные кадры. Кадры эти создаются не только путем организованных выборов, но, главным образом, путем *отбора* на живой работе. Процесс отбора этих кадров требует длительного времени. Отбор этот, начиная с первичной фабрично-заводской ячейки и кончая ЦК партии, может совершаться только длительным испытанием в борьбе. Одна из важнейших задач каждой компартии должна заключаться в том, чтобы самым внимательным образом отбирать руководящие кадры из числа передовых рабочих, выдвигающихся своей энергией, значением, умелостью, преданностью партии. Коммунистические кадры рабочих-организаторов должны воспитываться в той мысли, что они занимаются подготовкой революции не «между прочим», что они целиком отдаются революционной борьбе и полностью находятся в распоряжении партии. Коммунистический организатор-кадровик не должен быть похожим на с.-д. «ответственного работника»-чиновника. Коммунистический организатор должен жить и работать среди масс — на фабрике, заводе, шахте, — будучи готов всегда быть переброшенным партией туда, где этого требуют интересы дела. Этим рабочим надо систематически помогать стать действительными организаторами рабочих масс, партийными и профессиональными руководителями.

Значение авангарда огромно. Но само собою разумеется, что только тот авангард и те партийные кадры могут выполнить свое историческое назначение, которые умеют не на словах, а на деле связать себя с широкими беспартийными массами. Забыть об этом и замкнуться в себе значит перестать быть авангардом.

Необходимо добиться того, чтобы руководящие учреждения партии больше и больше орабочивались. Необходимо внимательное, бережное отношение к рабочим вождям, помощь им, обеспечение для них возможности работать над самими собой, проверки самих себя на все более и более крупной работе.

27. Большевизация, внутрипартийная демократия и дисциплина.

Большевистская партия рассматривает внутрипартийную демократию не с точки зрения абстрактного «принципа». Она ставит вопрос конкретно. Эстонская или болгарская компартия, например, не могут в настоящий момент применять внутрипартийную демократию так, как это могут сделать, скажем, французская или английская компартия. Германская компартия не может во всем поступать так же, как РКП (б.), напр., в вопросе партийной чистки и условиях приема в партию и т. д. Формы внутрипартийной организации должны подчиниться коренным интересам борьбы

за пролетарскую диктатуру. Но при всех условиях коммунистическая партия должна сохранить известную свободу внутрипартийной критики, дух равенства членов партии между собой, внимание высших органов к нижестоящим ячейкам, выборность и т. д. Это соответствует интересам активизации всей партийной массы, привлечения всех низовых органов, всех ячеек к сотрудничеству в политической и организационной жизни партии, равно как способствует пробуждению инициативы рабочих в партии.

Железная пролетарская дисциплина есть одна из важнейших предпосылок большевизации. Партии, пишущие на своем знамени «диктатура пролетариата», должны понять, что не может быть и речи о победоносной пролетарской диктатуре без железной дисциплины партии, — той дисциплины, которая воспитывается годами и десятилетиями. Для большевиков дело идет не о повторении шаблонных с.-д. фраз о пользе дисциплины вообще, а о том, чтобы понять, что вести гражданскую войну, завоевать политическую власть, удержать и упрочить пролетарскую диктатуру без самой суровой внутренней дисциплины, основанной на идейном единстве, невозможно, что без такой дисциплины гражданская война заранее проиграна.

28. Большевизация и партаппарат.

Централизованная, крепко сплоченная, хорошо организованная большевистская партия невозможна без соответствующего партаппарата.

В настоящее время некоторые секции Коминтерна имеют партаппарат несомненно громоздкий, непропорционально большой, и потому зачастую бюрократический. Другие — почти совсем не имеют партаппарата.

Расширенный ИККИ поручает Президиуму совместно с оргбюро и представителями соответствующих партий обдумать ряд мер, направленных к тому, чтобы каждая из партий Коминтерна смогла создать для себя такой аппарат, который будет соответствовать интересам ее работы.

29. Большевизация и самокритика.

Борьба против того, что т. Ленин называл «комчванством», против самодовольства и самомнения в рядах коммунистов, является одной из важнейших предпосылок большевизации. Здоровая самокритика в собственных рядах, продиктованная заботой об интересах пролетарской революции, борьба против переоценки наших сил и успехов (но и против малодушного брюзжания), реалистический и трезвый учет сил противника, — вне этого нет действительной большевизации.

30. Планомерность работы и проверка исполнения.

Во всех тех странах, где работа компартий протекает в сколько-нибудь нормальной обстановке, необходимо вырабатывать общий план работы на полгода, на год и т. п., с тем, чтобы, научиться концентрировать силы партии на главном и основном.

Наблюдается ряд случаев, когда центральные и местные организации принимают много совершенно правильных решений, но не умеют добиться выполнения их на деле. Проверка исполнения принятых решений должна войти в фактический обиход всех наших организаций. Лучше принимать меньше решений, но во что бы то ни стало добиться их реального проведения в жизнь. Лучше меньше, да лучше.

Часть VII.

Большевизация и интернациональное руководство.

Создание единой мировой компартии, построенной на началах демократического централизма, требует серьезных усилий со стороны всех секций, входящих в Коминтерн. Большевизация несовместима с сепаратистскими и федералистскими уклонами. Мировая партия ленинизма должна быть спаяна не механической дисциплиной, а единством партийной воли и партийного действия. Необходимо во что бы то ни стало изжить настроения обособленности, группового сектантства и кружковой психологии. Каждая из партий Коминтерна должна отдавать делу международного руководства лучшие свои силы. Необходимо внедрить в сознание самых широких масс, что в переживаемую нами эпоху серьезные экономические и политические бои рабочего класса могут быть выиграны только в том случае, если они во всем основном руководятся из одного центра в международном масштабе.

Приложение 3-е.

О задачах Коминтерна и РКП.

В связи с работами расширенной сессии ИККИ.

Тезисы, утвержденные политбюро ЦК РКП и вносимые на всесоюзную партконференцию.

1. Сессия расширенного ИККИ и по составу участников, и по важности обсужденных вопросов имела значение конгресса.

Главнейшими документами, обсужденными и принятыми последней сессией расширенного ИККИ, являются: а) тезисы о большевизации, конкретизирующие с точки зрения ленинизма выдвинутый V конгрессом общий лозунг большевизации в данной обстановке для ряда стран; б) тезисы о крестьянстве, развившие теоретически и политически взгляды Коминтерна на роль крестьянства в нынешний период, без практического применения каковых (взглядов) нет подлинной большевизации; в) резолюции о положении вещей в отдельных важнейших секциях Коминтерна (Америка, Италия, Чехо-Словакия и т. д.), особенно о ликвидаторском уклоне в чехо-словацкой партии и т. п.; г) резолюция, осуждающая группу Брандлера, Радека и Тальгеймера, как правую группировку внутри Коминтерна.

2. Важнейшими темами, поставленными в связи с работами расширенного ИККИ, являются вопросы: а) о «стабилизации» капитализма, в известных пределах признанной расширенным ИККИ, и б) о дальнейших судьбах СССР в связи с замедлением международной революции.

Так именно поставлен вопрос во всей международной капиталистической и социал-демократической печати. Так будет поставлен он и в широких кругах нашей собственной партии и страны.

3. «Революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска с промежутками контр-революционных судорог буржуазного строя». (Недавно опубликованная статья тов. Ленина «О брошюре П. Б. Аксельрода», журнал «Пролетарская Революция», № 26.)

Этот тезис, выставленный тов. Лениным еще в 1915 г., полностью подтверждается теперь ходом развития мировой революции.

4. Следует различать между: а) революционной ситуацией вообще, б) непосредственно революционной ситуацией, в) прямой революцией. «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции». Так указывал тов. Ленин еще в 1915 г. (См. «Крах II Интернационала». Сб. «Против течения», стр. 139.)

Следующие примеры поясняют дело.

В Германии революционная ситуация начала складываться приблизительно с 1914—15 г.г. В 1917—18 г.г. сложилась непосредственно революционная ситуация. К концу 1918 г. непосредственно революционная ситуация перешла в революцию, правда, вылившуюся не в победоносную пролетарскую революцию, а в буржуазную революцию. С 1920 по 1923 год непосредственно революционная ситуация уступила место просто революционной ситуации. В 1923 г. в Германии наблюдалась непосредственно революционная ситуация, однако, не перешедшая в революцию. В 1925 г. в Германии нет непосредственно революционной ситуации, но общая революционная ситуация остается.

В России революционная ситуация сложилась к 1901—02 г.г. совершенно определенно. В 1904—05 г.г. мы имели уже непосредственно революционную ситуацию, перешедшую в конце 1905 г. в прямую революцию (однако, не победившую). В 1906—07 г.г. большевизм продолжал считат ситуацию непосредственно революционной. С 1908 г. примерно по 1915 г. большевизм считал, что непосредственно революционной ситуации в России уже нет, но общая революционная ситуация, неизбежно чреватая второй революцией, налицо. С 1908 по 1911 год самодержавие, казалось, стабилизируется. Столыпинская аграрная политика характеризовалась большевиками, как «еще один шаг по пути превращения царизма в буржуазную монархию». И тем не менее общая революционная ситуация оставалась. И большевики строили всю свою тактику на предвидении второй революции. С 1916 г. вновь стала складываться непосредственно революционная ситуация, которая в 1917 г. вылилась в революцию.

В Великобритании только теперь, повидимому, начинает складываться общая революционная ситуация (особо важную роль играет при этом вопрос о положении вещей в колониях), но совершенно ясно, что до непосредственной революционной ситуации в этой стране еще далеко.

И т. д., и т. п.

В своей «Пролетарской революции и ренегате К. Каутском» тов. Ленин в 1918 г. «ловил на слове» Каутского, который еще в 1909 г. («Путь к власти») и даже в 1902 г. («Социальная революция») признавал объективно революционную ситуацию в Европе.

«Задолго до войны все марксисты, все социалисты были согласны в том, что европейская война создаст революционную ситуацию. Когда Каутский еще не был ренегатом, он ясно и определенно признавал это — и в 1902 г. («Социальная революция»), и в 1909 г. («Путь к власти»)... Следовательно, ожидания революционной ситуации в Европе были не увлечением большевиков, а общим мнением всех марксистов». Так писал тов. Ленин.

В этом смысле общая революционная ситуация в мировом масштабе, и притом гораздо более определенно выраженная, и подавно имеется и сейчас: а) экономические противоречия, приведшие в 1914 — 1918 годах к первой мировой империалистической войне, не разрешены и не могут быть разрешены иначе, как мировой пролетарской революцией; б) буржуазная Европа беременна новыми империалистическими войнами; в) в то же время проснулся Восток, и теперь мы с известным правом можем говорить об объективно революционной ситуации не только в Европе, но и в Азии; г) первая победоносная пролетарская революция закрепилась на территории, обнимающей $^1/_6$ часть всего земного шара; само существование СССР продолжает революционизировать весь мир.

Своими постановлениями расширенный Исполком Коминтерна сказал только то, что непосредственно революционной ситуации в данный момент в Европе (Германия) не существует. Революционная ситуация вообще безусловно остается.

5. Чтобы быть вполне точными, мы должны говорить не об одной стабилизации, а о двух стабилизациях. Рядом с частичной стабилизацией капитализма в буржуазной Европе происходит несомненный рост государственной промышленности и усиление социалистических элементов народного хозяйства в СССР. Если бы рядом со стабилизацией капиталистического хозяйства мы не имели роста хозяйства в СССР, или если бы рост этого хозяйства в СССР шел слишком уж медленно, или, наконец, если бы при общем подъеме хозяйства в СССР не возрастали в достаточной степени элементы социалистического хозяйства, — тогда мы стояли бы перед действительной опасностью нарушения создавшегося ныне временного равновесия в пользу мировой буржуазии.

Но этого нет. Есть все основания надеяться, что СССР и собственными силами, при наличии той поддержки со стороны международного пролетариата, которая доказана уже 8-летним опытом, сможет и дальше успешно поднимать свое хозяйство, продолжая служить серьезнейшим фактором роста мировой рево-

люции и продолжая помогать рабочим других стран подготовлять свою пролетарскую революцию.

Делать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, побуждения революции во всех странах»— учил нас тов. Ленин.

При настоящей обстановке эта задача означает для РКП — от прямой поддержки революционных движений в других странах до дешевого ситца для крестьянства в своей стране. Т.-е., работать над созданием социалистического хозяйства в СССР и в то же время всемерно поддерживать отряды пролетарской революции во всех странах.

6. Из «неравномерности экономического и политического развития, каковая неравномерность есть безусловный закон капитализма», тов. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» и б) возможность, что эти немногие, или даже одна страна, не обязательно будут странами самого развитого капитализма. (См. в особенности заметки о Суханове.)

Опыт русской революции доказал, что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период, даже в том случае, когда эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах.

Но вместе с тем ленинизм учит, что окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе (или в нескольких решающих странах).

«Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника — европейского и американского социалистического пролетариата». (Ленин, 1917 г., «Письмо к швейцарским рабочим».)

«Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной». (Ленин, XV, 129, 1918 г.)

«Когда три года тому назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее

не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или по крайней мере в нескольких главных капиталистических странах. (Ленин, XVIII, ч. II, 189, 1920 год.)

Это коренное положение ленинизма остается целиком верным и теперь.

7. Что касается сроков развития международной социалистической революции, то, не имея конкретного исторического опыта, РКП в этой области не могла не допускать, в особенности в начале нашей революции, известных просчетов.

Было время (1918 г.), когда все мы ожидали победы пролетарской революции в Германии и в некоторых других странах в течение нескольких месяцев или даже недель.

Германская революция пришла гораздо позже, при чем это оказалась еще не пролетарская революция, а революция, уничтожившая лишь Вильгельма II, но не власть буржуазии. Однако, уже и такой революции в Германии, при революционных потрясениях в ряде других стран, оказалось достаточным, чтобы пролетарская революция в России смогла выиграть время и закрепиться.

Оказалось, что: а) ход развития мировой революции пошел гораздо медленнее, б) но в то же время оказалось, что первая победившая пролетарская революция (СССР) может продержаться одна (при известной поддержке рабочих других стран) в течение гораздо более продолжительного времени, чем это представлялось в начале революции.

8. «Победить в мировом масштабе полностью, окончательно нельзя в одной России, а можно только тогда, когда во всех, по крайней мере передовых, странах, или хотя в нескольких из крупнейших передовых стран победит пролетариат». (В. И. Ленин, 13 марта 1919 г., том XVI, стр. 61.)

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит». (В. И. Ленин, 18 марта 1919 г., том XVI, стр. 102.)

Эти коренные положения ленинизма целиком остаются верными и сейчас. Весь вопрос только в том, что следует понимать под словами «положительное время» или «в конце концов». Сначала казалось, что в «конце концов» это решится в течение года — двух или даже немногих месяцев. Ход событий показал, однако, что так мы рассуждали только «в начале начал» (выражение тов. Ленина). В 1921 г. тов. Ленин писал уже: «10 — 12 лет правильных соотношений с крестьянством — и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои

растут), иначе 20 — 40 лет мучений белогвардейского террора». (См. «Большевик», № 7, 1925 г., стр. 76.)

Эти важнейшие программные заявления В. И. Ленина ни на минуту не должны забываться так же, как и следующее его заявление о роли Востока (1923 г.).

«Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разрозненности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?.. Нам... не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки».

Истекшие со времени 1917 г. годы и все перипетии мировой революции в 1917 по 1925 год в известном смысле можно рассматривать, как «начало начал». Положение, которое сложилось теперь в мировом масштабе, можно характеризовать словами тов. Ленина: «длительная затяжка положения, не решенная окончательно ни в ту, ни в другую сторону», прибавив теперь:—с явным уклоном в сторону победы социалистической революции.

9. Вообще, победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране. Полемизируя против тов. Троцкого по вопросу о Соединенных Штатах мира, тов. Ленин еще в 1915 г. писал:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным.

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств». («Против течения».)

С другой стороны, наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран.

Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.), утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» тов. Ленин писал:

«До бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для социализма». (Заметки о Суханове.)

Необходимо помнить программное заявление тов. Ленина в его последней статье о кооперации, имеющее для нынешних условий особенное значение и гласящее: «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭП'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения. . . Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международное отношение, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе».

Из этого вытекает, что страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя, как ее могущественнейший рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации. Другими словами, правильной политикой как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции.

10. Уже с конца 1920 г. тов. Ленин говорит о том, что «теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на более долгое

время». Но позднее, в 1921 и 1923 г.г., тов. Ленин продолжает рассматривать наше положение как «передышку».

Эту «передышку» ни в коем случае не следует рассматривать, как нечто мимолетное, «бивуачное». Пролетариат Союза СССР под руководством РКП должен смело и решительно строить социализм уже сейчас, памятуя, что наша революция сама является частью мировой революции и что наш успех в деле построения социалистического хозяйства сам по себе является уже крупнейшим фактором нарастания мировой пролетарской революции.

11. Исторический опыт, накопленный Коминтерном за истекшие 8 лет (1917 — 1925 г.г.), показывает, что не только вопрос о темпе и сроках нарастания мировой революции, но и вопрос о маршруте ее разрешается не совсем так, как это казалось в начале революции. При создавшейся мировой обстановке становится более или менее вероятным, что революционное развитие в ближайшее время может перейти и через Англию, и через Дальний Восток, и через Балканы, и через Юго-Восток Европы. Революционная волна сейчас спала в Германии (по сравнению с 1923 г.), но революционная ситуация нарастает в такой стране, как Англия. Национально-освободительные движения растут и ширятся. Все это имеет громадное всемирно-историческое значение.

12. Важнейшие революционные процессы, намечающиеся в Англии, придают особенно большую важность попыткам сближения между профсоюзами СССР и английскими профсоюзами. Делегация наших профсоюзов поступила совершенно правильно, когда она на последнем совещании в Лондоне пошла на серьезные уступки английским трэд-юнионистам, дабы добиться соглашения. В то же время, однако, необходимо иметь в виду, что какое бы то ни было соглашение с элементами, входящими в Амстердам, может быть сколько-нибудь прочно лишь в том случае, если налицо будет надлежащее давление масс. Линия Коминтерна за международное единство профсоюзов оправдана целиком. Эту линию надо расширять и развивать.

В то же время русские профсоюзы вполне сознают, что Профинтерн, безусловно, должен быть сохранен и усилен, как организация революционных элементов мирового профдвижения, пока не окажется возможным добиться профединства в международном масштабе.

13. Наши практические расхождения с троцкизмом по вопросу о коминтерновской политике отнюдь не лежали в плоскости спора о том, замедляется ли темп международной революции или нет. Уже с III всемирного конгресса Коминтерна и Исполком Коминтерна, и ЦК РКП ясно видели, что замедление налицо. Спор с троцкизмом шел и идет по вопросу о том, *какова должна быть тактика Коммунистического Интернационала в этот период замедленного развития мировой революции.*

Преувеличенная и неверная оценка тов. Троцким англо-американского сближения подводила его вплотную к необходимости коренного пересмотра ленинской теории империализма (вопрос об ультра-империализме). И в то же время т.т. Троцкий и Радек и их ближайшие единомышленники целиком поддерживали тактику группы Брандлера в 1923 году, — группы, пытавшейся истолковать тактику единого фронта, как тактику коалиции с социал-демократами.

Вот в чем действительное расхождение ленинской линии Исполкома Коминтерна с троцкизмом.

14. С определенными оговорками и ограничениями можно провести некоторую параллель между задачами Коминтерна теперь и теми задачами, которые стояли перед русскими большевиками в эпоху между двумя революциями, примерно, между 1908 и 1914 г.г.

Отсюда линия на большевизацию, которая (большевизация) сопровождается борьбой против ликвидаторских настроений (правая в Чехо-Словакии), а также и против ультра-левых уклонов.

15. Коминтерну предстоит период особенно трудной, сложной и ответственной работы. Задача РКП будет заключаться в том, чтобы в этот период оказать особенно надежную поддержку Коммунистическому Интернационалу, борясь теперь против «похоронных» настроений с той же энергией и страстностью, с какой большевизм боролся в свое время против ликвидаторства.

16. В связи с сложившимся на международной арене положением, нашей партии в данный период могут угрожать две опасности: 1) уклон к пассивности, вытекающий из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей международных пролетарских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное революционное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата.

РКП должна видеть обе эти опасности и дать решительный отпор обоим возможным уклонам.

---

*

Приложение 4-е.

Резолюция исполкома коминтерна о положении дел в германской коммунистической партии

(от 22 мая 1925 г.).

Заслушав доклад тов. Гешке и ознакомившись с постановлениями последней сессии расширенного заседания Центрального Комитета Германской коммунистической партии, Исполком Коминтерна постановляет:

1. Одобрить решения, вынесенные на последней сессии расширенного заседания ЦК КПГ, и осудить неверную политику меньшинства ЦК КПГ.

2. Коммунистическая партия Германии является единственной партией, которая ведет борьбу не только за диктатуру пролетариата, но решительно и до конца борется и против монархии и монархической опасности. С.-д. вожди отстаивали монархию не только в годы войны (1914 — 1918), но и до самой последней минуты в начале германской революции. С.-д. вожди и в настоящее время не думают о серьезной борьбе против монархической опасности и на деле будут искать соглашения с Гинденбургом и стоящими за ним силами.

3. Главная вина за создавшееся ныне положение (усиление реакции, выборы Гинденбурга) лежит на с.-д. партии. Задача германской компартии заключается не только в том, чтобы обнаружить действительных виновников создавшегося положения, но, прежде всего, в том, чтобы использовать новые шансы для завоевания с.-д. рабочих — ибо с.-д. рабочие относятся к вопросу о монархической опасности и к борьбе за республику совершенно по-иному, нежели контр-революционные вожди с.-д.; с.-д. рабочие постепенно втянутся в действительную революционную борьбу против опасностей монархической реставрации.

4. Все члены КПГ должны ясно отдать себе отчет в том, что принятая на последнем заседании расширенного ЦК политика не есть политика коалиции с с.-д., или, тем более, с буржуазными пар-

тиями — это есть применение тактики единого фронта в новых условиях, когда вопрос о монархии и буржуазной республике приобрел актуальное значение. Монархическая опасность в такой стране, как Германия, означает не только усиление реакции внутри страны и ухудшение классовой позиции германского пролетариата — но прежде всего и больше всего — опасность новой европейской войны, кровопролитнее и реакционнее войны 1914 — 1918 г.г. Дело сложилось так, что либо компартия встанет во главе борьбы против монархической опасности, станет гегемоном в этой борьбе, либо влияние ее среди рабочих будет падать.

5. Чтобы суметь выполнить эту задачу, КПГ должна, во что бы то ни стало, не на словах, а на деле научиться маневренной тактике — иначе партия вынуждена будет платить дорогой ценой за каждый урок политической борьбы (см. выборы президента).

6. Постановка вопроса группой Кац, Шолем, Розенберг сводится к тому, что коммунистам безразлично — монархия или буржуазная республика. Эта точка зрения ничего общего с большевизмом не имеет.

7. Самое важное, это — изменение всей агитации партии на заводах, в прессе, в парламентах и пр. Нужно, чтобы каждый рабочий почувствовал, что коммунисты придают громадное значение факту избрания Гинденбурга, как событию, показавшему наличие большой монархической опасности, имеющему большое международное значение, означающему опасность новых войн и т. д.

8. Не ослабляя своей критики по адресу с.-д. вождей и особенно пригвождая к позорному столбу всякие их новые колебания в сторону правых (и, вероятно, лично, Гинденбурга), необходимо в то же время взять новый тон по отношению к с.-д. рабочим, всеми силами подчеркивая готовность поступиться многим из того, что отделяет компартию от с.-д. рабочих, во имя совместной борьбы против монархической опасности. Наша цель — общий фронт против капитала, против новых войн и против монархической опасности.

9. Необходимо разъяснить всем членам КПГ и всем рабочим, что основное, это — сближение с рабочими с.-д. на заводах, а не парламентские комбинации. Необходимо выдвинуть на первый план идею образования на заводах общих комитетов под лозунгом: против монархии, против наступления капитала, против новой войны.

10. Необходимо «увязать» новую тактику партии, в связи с монархической опасностью, с нашей тактикой по вопросу об единстве международного профдвижения. Внутри профсоюзов также необходимо поставить ребром вопрос о монархической опасности.

11. «Союз красных фронтовиков» должен выступить с открытым письмом к союзу «Империйского (Республиканского) Знамени» с предложением совместной борьбы против монархистов.

Наш лозунг: всюду, где вы будете драться против монархистов, мы без всяких условий будем поддерживать вас.

12. Необходимо организовать в решительной форме совместные выступления КПГ и КПФ (и вообще рабочих организаций Германии и Франции) по вопросу об опасности войны, монархической реставрации и т. д.

13. Что касается парламентской тактики, то партия должна иметь в виду следующее: в то время, как в реальной классовой борьбе мы видим только два до конца последовательных лагеря — монархисты, с одной стороны, коммунисты, с другой стороны, — в парламентской жизни (в общегосударственном масштабе, как и в отдельных парламентах) борются три лагеря: 1) монархическая буржуазия, 2) республиканская буржуазия и социал-демократия и 3) коммунисты. При этом парламентское соотношение сил часто таково, что коммунисты имеют роль «маятника».

Агитацию и пропаганду во всей стране мы ведем не под положительным лозунгом республиканского буржуазно-социал-демократического правительства, а под лозунгом *низвержения правительства монархического*. В борьбе против монархической опасности мы поддерживаем все силы, которые не на словах, а на деле ведут эту борьбу.

В рейхстаге мы голосуем против монархического правительства и активно его свергаем.

Что касается возможного правительства республиканской коалиции, которое может притти на смену правительства Лютера, то мы, не заявляя о его *положительной* поддержке, заявляем, однако, что, при выполнении определенных условий с его стороны, мы *не* свергаем его.

Такими условиями могут, примерно, быть:

а) полная свобода агитации для КПГ и других революционных партий;

б) полная амнистия революционным борцам;

в) чистка госаппарата от фашистских и монархических элементов;

г) законодательное восстановление 8-ми часового рабочего дня;

д) решительная борьба за мир.

В такой постановке и в такой тесной связи со всеми предложениями, касающимися создания общего фронта на заводах и в профсоюзах — наша партия может взять на себя инициативу вышеупомянутых шагов.

Наши выступления в парламентах *целиком должны быть подчинены нашей внепарламентской работе*. О каком бы то ни было союзе с социал-демократией и буржуазными республиканцами по типу «левого блока» во Франции не может быть и речи. Это было бы гибелью компартии, как самостоятельной политической силы. Наша партия в нынешний

период больше, чем когда-либо, должна сохранять свое политическое лицо. Но партия не связывает себе рук в отдельных голосованиях в парламенте. Вполне допустимы случаи, когда мы при известных условиях не голосуем против тех правительств, в которых значительную роль играют с.-д. — дабы дать этим правительствам просуществовать некоторое время, углубить расхождения между отдельными фракциями буржуазии и социал-демократии и поддержать элементы двоевластия в лагере противника. При этом каждое наше голосование должно сопровождаться особым заявлением, разъясняющим широким народным массам нашу позицию. Наши парламентские голосования целиком должны быть подчинены задачам изменения всей агитации в стране — в духе, указанном выше.

14. Борьба против ошибочной позиции группы Кац, Шолем, Розенберг должна вестись в порядке открытой разъяснительной дискуссии.

15. Подготовка к предстоящему партсъезду должна сопровождаться широкой разъяснительной и дискуссионной кампанией в партии.

Приложение 5-е.

О роли коммунистической партии в пролетарской революции.

Резолюция II Конгресса Коммунистического Интернационала [1]).

(Принята единогласно.)

Мировой пролетариат стоит накануне решительных битв. Мы переживаем эпоху непосредственных гражданских войн. Близок решительный час. Во всех почти странах, где имеется значительное рабочее движение, рабочему классу предстоит в ближайшем будущем ряд ожесточенных схваток с оружием в руках.

Теперь более, чем когда-либо, рабочий класс нуждается в сплоченной организации. Рабочий класс должен неустанно готовиться к предстоящей решительной борьбе, не теряя ни единого часа из оставшегося драгоценного времени.

Если бы во время Парижской Коммуны (1871 г.) рабочий класс имел сплоченную, хотя бы и небольшую, коммунистическую партию, то первое героическое восстание французского пролетариата было бы гораздо сильнее, и тысячи ошибок и слабостей были бы избегнуты.

Борьба, которая предстоит пролетариату теперь, при изменившейся исторической обстановке, окажет гораздо большее влияние на исторические судьбы рабочего класса, чем в 1871 году. Исходя из этого, II мировой конгресс Коммунистического Интернационала призывает революционных рабочих всего мира обратить свое внимание на следующее:

1. Коммунистическая партия есть *часть* рабочего класса. Именно его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет различных от рабочего класса интересов. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организа-

[1]) Резолюция эта написана т. Зиновьевым.

ционно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата.

2. До тех пор, пока государственная власть не завоевана пролетариатом, до тех пор, пока пролетариат раз навсегда не упрочил своего господства и не гарантировал его от буржуазной реставрации, — до этих пор коммунистическая партия, по правилу, будет иметь в своих организованных рядах лишь меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходное время коммунистическая партия может при благоприятных обстоятельствах пользоваться безраздельным идейно-политическим влиянием на все пролетарские и полупролетарские слои населения, но не может организационно объединять их в своих рядах. Лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и пр., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех, — в ряды коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие.

3. Понятие партии следует строжайше отличать от понятия класса. Члены «христианских» и либеральных профессиональных союзов рабочих Германии, Англии и других стран, несомненно, являются частью рабочего класса. Более или менее значительные круги рабочих, которые еще стоят за Шейдеманами, Гомперсами и К°, несомненно, являются частью рабочего класса. При определенных исторических данных в рабочем классе возможны весьма многочисленные реакционные прослойки. Задача коммунизма не в том, чтобы приспособиться к этим отсталым частям рабочего класса, а в том, чтобы поднимать весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда. Смешение этих двух понятий — партии и класса — способно привести к величайшим ошибкам и путанице. Так, например, ясно, что вопреки настроению или предрассудкам известной части рабочих масс во время империалистической войны рабочая партия должна была во что бы то ни стало выступить против этих настроений или предрассудков, отстаивая исторические интересы пролетариата, которые требовали со стороны пролетарской партии объявления войны войне.

Так, например, в начале империалистской войны, в 1914 году, социал-предательские партии всех стран, поддерживая буржуазию «своей» страны, неизменно ссылались на то, что такова воля рабочего класса. И они при этом забывали, что, если бы это даже было так, задачей пролетарской партии при таком положении было бы выступить против настроения большинства рабочих и отстаивать исторические интересы пролетариата, несмотря ни на что. Так, на рубеже XX века русские меньшевики того времени (так называемые «экономисты») отвергли открытую политическую борьбу против царизма на том основании, что, будто бы, рабочий класс в целом еще не дорос до понимания политической борьбы.

Таким же образом в Германии правые независимцы ссылаются при всех своих половинчатых шагах на желание масс, не понимая, что партия именно для того и существует, чтобы итти впереди масс и указывать массам путь.

4. Коммунистический Интернационал непоколебимо убежден в том, что крах старых «социал-демократических» партий II Интернационала ни в коем случае нельзя изображать как крах пролетарской партийности вообще. Эпоха непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата родит новую партию пролетариата — коммунистическую партию.

5. Коммунистический Интернационал самым решительным образом отвергает тот взгляд, будто пролетариат может совершить свою революцию, не имея своей самостоятельной политической партии. Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Цель этой борьбы, неизбежно превращающейся в гражданскую войну, есть завоевание политической власти. Однако, политическая власть не может быть взята в руки, организована и направлена иначе, как той или другой политической партией. Только в том случае, если у пролетариата имеется в виде руководителя организованная и испытанная партия со строго определенными целями и конкретно выработанной программой ближайших действий как в области внутренней, так и внешней политики, завоевание политической власти не явится случайным эпизодом, а послужит отправной точкой длительного коммунистического строительства пролетариата.

Так же классовая борьба требует объединения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата (професс. союзы, кооперативы, ф.-з. к-ты, культурно-просветительная работа, выборы и т. п.). Таким общим, объединяющим и руководящим центром может быть только политическая партия. Отказ от ее создания и укрепления и от подчинения ей обозначает отказ от единства в руководстве отдельными боевыми отрядами пролетариата, действующими на различных аренах борьбы. Наконец, классовая борьба пролетариата требует концентрированной агитации, освещающей различные этапы борьбы с единой точки зрения и сосредоточивающей внимание пролетариата в каждый данный момент на определенных, общих для всего класса задачах. Это не может быть выполнено без центрального политического аппарата, т.-е. вне политической партии. Поэтому пропаганда революционных синдикалистов и сторонников индустриальных рабочих мира против необходимости самостоятельной рабочей партии объективно помогала и помогает только буржуазии и контр-революционным «социал-демократам». В своей пропаганде против коммунистической партии, которую синдикалисты и индустриалисты хотят заменить одними профессиональными союзами или какими-то бесформенными «всеобщими» рабочими союзами, синдикалисты и индустриалисты соприкасаются с заведо-

мыми оппортунистами, русские меньшевики после поражения революции 1905 года в течение нескольких лет проповедывали так называемый рабочий съезд, который должен был заменить революционную партию рабочего класса, всевозможные желтые «лабуристы» в Англии и Америке, проводя на деле заведомо буржуазную политику, проповедуют рабочим создание бесформенных рабочих союзов или расплывчатых исключительно парламентских объединений, вместо истинно-политической партии. Революционные синдикалисты и индустриалисты хотят бороться против диктатуры буржуазии и не знают, как это делать. Они не замечают, что рабочий класс без самостоятельной политической партии, это — туловище без головы.

Революционный синдикалист и индустриалист представляют собою шаг вперед лишь по сравнению со старой затхлой, контрреволюционной идеологией II Интернационала. Но по сравнению с революционным марксизмом, т.-е. с коммунизмом, синдикализм и индустриализм представляют шаг назад. Заявление «левых» коммунистов Германии (сделанное ими в программной декларации их апрельского учредительного съезда, о том, что они создают партию, «но не партию в обычном традиционном смысле этого слова» («keine Partei im überlieferten Sinne»), есть идейная капитуляция перед теми взглядами синдикализма и индустриализма, которые являются реакционными взглядами.

Рабочий класс не может одержать полной победы над буржуазией, пользуясь только всеобщей забастовкой и тактикой «скрещенных рук». Пролетариат должен прибегнуть к вооруженному восстанию. Кто это понял, тот должен также понять, что отсюда неизбежно вытекает необходимость организованной политической партии и что бесформенные рабочие союзы для этой цели недостаточны.

Революционные синдикалисты часто говорят о крупном значении решительного революционного меньшинства. Но, в действительности, решительное революционное меньшинство рабочего класса, коммунистическое меньшинство, желающее действовать, имеющее программу, ставящее себе задачей организацию масс, — такое меньшинство и будет коммунистической партией.

6. Важнейшая задача истинно-коммунистической партии состоит в том, чтобы быть в тесной связи с самыми широкими кругами пролетариата.

Чтобы достигнуть этого, коммунисты должны работать и в таких объединениях, которые хотя не являются партийными, но охватывают широкие рабочие массы, как, например, организации инвалидов в разных странах, комитеты «Руки прочь от России» в Англии, союзы пролетарских квартиронанимателей и т. д. Особенно важен пример русских так называемых беспартийных конференций рабочих и крестьян. Подобные конференции созываются почти в каждом городе, в каждом рабочем квартале

и в каждой деревне. В выборах на эти конференции принимают участие самые широкие круги наиболее отсталых рабочих масс. На этих конференциях обсуждаются самые жгучие вопросы, как-то: продовольственный, жилищный, вопросы просвещения, военное положение, политические задачи дня и т. д. Коммунисты стремятся всеми силами проводить свое влияние на этих «беспартийных» конференциях и делают это весьма успешно для партии.

Коммунисты считают своей важнейшей задачей систематическую организационно-воспитательную работу внутри этих широких организаций. Но как раз для того, чтобы с успехом выполнять эту работу, чтобы воспрепятствовать врагам революционного пролетариата овладеть этими широкими рабочими организациями, сознательные коммунистические рабочие должны образовать свою собственную самостоятельную дисциплинированную коммунистическую партию, которая выступает организованно и которая способна при всяком повороте событий и при всяких формах движения защищать общие интересы коммунизма.

7. Коммунисты отнюдь не чураются массовых непартийных рабочих организаций и при некоторых обстоятельствах даже тогда, когда они носят явно-реакционный, черносотенный характер (желтые союзы, христианские союзы и т. д.). Но коммунистическая партия внутри этих организаций постоянно ведет свою работу и неустанно доказывает рабочим, что идея беспартийности, как принципа, сознательно культивируется среди рабочих буржуазией и ее прихвостнями для того, чтобы отвлечь пролетариев от организованной борьбы за социализм.

8. Старое, «классическое» деление рабочего движения на три формы (партия, профессиональные союзы и кооперативы) явно отжило свой век. Пролетарская революция в России выдвинула основную форму рабочей диктатуры — Советы. В ближайшем будущем установятся следующие деления: 1) партия, 2) Советы и 3) производственные союзы. Но и работой в Советах, как и в революционизированных производственных союзах, должна неизменно и систематически руководить партия пролетариата, т.-е. коммунистическая партия. Организованный авангард рабочего класса — коммунистическая партия — одинаково обслуживает интересы и экономической, и политической, и культурно-просветительной борьбы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия должна являться душой и производственных союзов, и Советов Рабочих Депутатов, и всех иных форм пролетарской организации.

Возникновение Советов, как главной исторически-данной формы диктатуры пролетариата, нисколько не умаляет руководящей роли коммунистической партии в пролетарской революции. Когда германские «левые» коммунисты (см. обращение их партии к германскому пролетариату: «Германскому пролетариату» от 14-го апреля 1920 года за подписью «Коммунистическая Рабочая

партия Германии») заявляют, что «и партия должна все больше приспособляться к идее Советов и принимать пролетарский характер», «dass auch die Partei sich *immer mehr dem Rëtegedanken anpasst* und proletarischen Charakter annimmt» (Kommunistische Arbeiterzeitung», № 54), то это есть обычное выражение той идеи, что коммунистическая партия, будто бы, должна раствориться в Советах, что Советы, якобы, могут заменить коммунистическую партию.

Идея эта глубоко неверна и реакционна.

В истории русской революции мы видели целую полосу, когда Советы шли против пролетарской партии и поддерживали политику агентов буржуазии. То же наблюдалось и в Германии. Это же возможно и в других странах.

Для того, чтобы Советы могли выполнить свою историческую миссию, напротив, необходимо существование настолько сильной коммунистической партии, чтобы она могла не просто «приспособляться» к Советам, а в состоянии была бы решающим образом воздействовать на их политику, заставить их самих отказаться от «приспособления» к буржуазии и белой социал-демократии, суметь через коммунистические фракции Советов вести Советы за коммунистической партией.

Кто предлагает коммунистической партии «приспособляться» к Советам, кто видит в таком приспособлении усиление «пролетарского характера» партии, тот оказывает медвежью услугу и партии, и Советам, тот не понимает ни значения партии, ни значения Советов. «Советская идея» победит тем скорее, чем более сильную коммунистическую партию мы сумеем создать в каждой стране. «Советскую идею» теперь признают на словах и многие «независимые» социалисты и даже правые социалисты. Но позволить этим элементам извратить советскую идею можно только в том случае, если мы будем иметь сильную коммунистическую партию, способную определять политику Советов и вести их за собою.

9. Коммунистическая партия нужна рабочему классу не только до завоевания власти и не только во время завоевания власти, но и после того, как власть перешла в руки рабочего класса. История Российской Коммунистической Партии, три года стоящей у власти в громадной стране, показывает, что роль коммунистической партии после завоевания власти рабочим классом не только не уменьшилась, а, напротив, чрезвычайно возросла.

10. На другой день после захвата власти пролетариатом партия его все-таки попрежнему остается только частью рабочего класса. Но это есть именно та часть рабочего класса, которая организовала победу. Коммунистическая партия в течение двух десятилетий, как мы это видели в России, — в течение ряда лет, как мы это видим в Германии, — в борьбе не только с буржуазией, но и с теми «социалистами», которые являются проводниками бур-

жуазных влияний на пролетариат, впитывала в свои ряды наиболее стойких, наиболее дальновидных, наиболее передовых борцов рабочего класса. Только при наличности такой сплоченной организации лучшей части рабочего класса возможно преодолеть все трудности, которые становятся перед рабочей диктатурой на завтра после победы. Организация новой, пролетарской Красной армии, фактическое уничтожение буржуазного государственного аппарата, борьба против цеховых стремлений отдельных групп рабочих, борьба против местного и областного «патриотизма», прокладывание путей в области создания новой, трудовой дисциплины — во всех этих областях решающее слово принадлежит партии коммунистов, члены которой своим живым примером ведут за собой большинство рабочего класса.

11. Необходимость политической партии пролетариата отпадает лишь вместе с полным уничтожением классов. На пути к этой окончательной победе коммунизма возможно, что удельный вес трех основных пролетарских организаций современности (партия, Советы и производственные союзы) будет изменяться, и что постепенно выкристаллизируется единый тип рабочей организации. Но коммунистическая партия растворится полностью в рабочем классе лишь тогда, когда коммунизм перестанет быть объектом борьбы, и весь рабочий класс станет коммунистическим.

12. Второй конгресс Коммунистического Интернационала должен не только подтвердить историческую миссию коммунистической партии вообще, но должен указать: международному пролетариату, хотя бы в основных чертах, какая именно коммунистическая партия нужна нам.

13. Коммунистический Интернационал полагает, что в особенности в эпоху диктатуры пролетариата коммунистическая партия должна быть построена на основе железного пролетарского централизма. Для того, чтобы успешно руководить рабочим классом в надвинувшейся долгой и упорной гражданской войне, коммунистическая партия сама должна внутри своих рядов создать железный военный порядок. Опыт Российской Коммунистической Партии, успешно руководящей гражданской войной рабочего класса в течение трех лет, показал, что без строжайшей дисциплины, законченного централизма и полнейшего доверия всех организаций партии к руководящему партийному центру победа рабочих невозможна.

14. Коммунистическая партия должна быть построена на началах демократического централизма. Главным принципом демократического централизма является выборность высшей ячейки низшей ячейкой, абсолютная обязательность всех директив высшей ячейки для ячейки, подчиненной ей, и наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителем партийной жизни от съезда до съезда.

15. Целый ряд коммунистических партий Европы и Америки, в виду осадного положения, введенного буржуазией против коммунистов, вынужден существовать нелегально. Необходимо напомнить, что при таком положении вещей иногда приходится отступать от строгого проведения принципа выборности и предоставлять руководящим партийным органам право кооптации, как это было в свое время в России. При фактическом осадном положении коммунистическая партия не только не может прибегнуть по каждому серьезному вопросу к демократическому референдуму среди всех членов партии (предложение части американских коммунистов), но, напротив, должна предоставить возможность своему руководящему центру в нужный момент быстро принимать важные решения для всех членов партии.

16. Проповедь широкой «автономии» для отдельных местных организаций партии в настоящее время только ослабляет ряды коммунистической партии, подрывает ее дееспособность и потворствует мелкобуржуазным анархическим центробежным тенденциям.

17. В тех странах, где у власти стоит еще буржуазия или контр-революционная социал-демократия, коммунистические партии должны научиться планомерно сочетать легальную работу с нелегальной, при этом легальная работа должна всегда находиться под фактическим контролем нелегальной партии. Парламентские фракции коммунистов, как центральных, так и местных государственных учреждений, должны быть целиком и абсолютно подчинены коммунистической партии в целом, независимо от того, является ли партия в целом в данное время легальной или нелегальной организацией. Те депутаты, которые в той или другой форме отказываются подчиниться партии, должны быть изгнаны из рядов коммунистов.

Легальная печать (газеты, издательства) должна быть безусловно и целиком подчинена партии в целом и ее Центральному Комитету. Никакие уступки в этом отношении недопустимы.

18. Основным началом во всей организационной работе партии коммунистов должно быть создание коммунистических ячеек всюду, где есть хотя бы небольшое число пролетариев и полупролетариев. В каждом Совете Рабочих Депутатов, в каждом профессиональном союзе, в каждом кооперативе, в любой мастерской, в каждом домовом комитете, в каждом государственном учреждении, всюду, где найдется хотя бы три человека, сочувствующих коммунизму, следует немедленно организовать коммунистическую ячейку. Только организованность коммунистов и дает возможность авангарду рабочего класса вести за собой весь рабочий класс. Все ячейки коммунистов, действующих в беспартийных организациях, безусловно подчиняются партийной организации в целом, независимо от того, работает ли партия в данное время легально или нелегально. Коммунистические ячейки

всех видов должны быть соподчинены друг другу в строгом иерархическом порядке и в возможно более точной системе.

19. Коммунистическая партия почти всюду зарождается как партия городская, как партия промышленных рабочих, живущих, главным образом, в городах. Для возможно более легкой и быстрой победы рабочего класса необходимо, чтобы коммунистическая партия становилась не только партией городов, но и деревень. Коммунистическая партия должна вести свою пропаганду и организацию среди сельскохозяйственных батраков, мелких и средних крестьян. Коммунистическая партия с особой тщательностью должна добиваться организации коммунистических ячеек в деревне.

* *
*

Международная организация пролетариата может быть крепка лишь в том случае, если во всех странах, где живут и борются коммунисты, утвердится вышеизложенный взгляд на роль коммунистической партии. Коммунистический Интернационал приглашает на свои конгрессы каждый профессиональный союз, признающий принципы III Интернационала и готовый порвать с желтым Интернационалом. Коммунистический Интернационал сорганизует при себе международную секцию красных профессиональных союзов, стоящих на почве коммунизма. Коммунистический Интернационал не откажется от сотрудничества с каждой беспартийной рабочей организацией, если она пожелает вести серьезную революционную борьбу против буржуазии. Но Коммунистический Интернационал при этом всегда будет указывать пролетариям всего мира на следующее:

1. Коммунистическая партия есть главное орудие освобождения рабочего класса. В каждой стране у нас теперь должны быть уже не группы и течения, а коммунистическая партия.

2. В каждой стране должна существовать только одна единая коммунистическая партия.

3. Коммунистическая партия должна быть построена на принципе строжайшей централизации и в эпоху гражданской войны должна установить внутри своих рядов военную дисциплину.

4. Всюду, где есть хотя бы десять пролетариев или полупролетариев, коммунистическая партия должна иметь свою организационную ячейку.

5. В каждом непартийном учреждении должна существовать партийная коммунистическая ячейка, строжайше подчиненная партии в целом.

6. Твердо, беззаветно охраняя программу и революционную тактику коммунизма, коммунистическая партия должна всегда быть теснейшим образом связана с широкими рабочими организациями и чуждаться сектантства в такой же мере, как и беспринципности.

